

ЧФ: СОЦИАЛЬНЫЙ ПСИХОЛОГ 2015 выпуск №2 (30)

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Гордеев М.Н., Власов Н.А., Козлов В.В. (Москва, Ярославль, Россия)

СОЦИКОГНИТИВНАЯ ТЕОРИЯ ВНУШАЕМОСТИ: СОВРЕМЕННЫЙ ОБЗОР

Аннотация: в статье представлен анализ социокогнитивной теории внушаемости. Приводятся пять основных моделей, объединенных в данную теорию: ролевая модель Т. Сарбина и У. Коу, социальная модель Т. Барбера, социально-психологическая модель Н. Спаноса, модель ожидания реакции И. Кирша и модель наборов реакций И. Кирша и С. Линна. В конце статьи указанный материал обобщается с позиции интегративной психологии.

Ключевые слова: манипуляция сознанием, внушаемость, социокогнитивная теория, социальная роль, психологическая установка, ожидания, интегративная психология.

Abstract: the article presents an analysis of the sociocognitive theory of suggestibility. There are five basic models, combined in this theory: role model of T. Sarbin and W. Coe, the social model of T. Barber, socio-psychological model of N. Spanos, the model of waiting of I. Kirsch, model kits reactions of I. Kirsch, and S. Lynn. At the end of the article summarizes the material from the position of integrative psychology.

Keywords: mind control; suggestibility; sociocognitive theory, social role, mindset, expectations, integrative psychology.

Эпоха, в которой живет современный человек, может создать ошибочное впечатление о том, что именно мы – люди – являемся хозяевами своих мыслей, чувств и поведения. Отчасти это так, но лишь отчасти. Обилие источников информации, к которым, помимо радио, телевидения и прессы, присоединился Интернет [1, с. 228], формирует у индивида иллюзию подконтрольности процесса познания реальности. Эта иллюзия является следствием тех времен, когда дефицит информации был связан с прямым контролем элитарного меньшинства над большинством населения планеты. В различные эпохи его обеспечивали рабовладельцы

(Античность), феодалы-землевладельцы и «князья церкви» (Средние века), а также крупная буржуазия (Новое и Новейшее время).

В современную эпоху, особенно в Западном мире, прямой контроль над населением, основанный на подавлении, стал неэффективным. Во-первых, это связано с ростом уровня образования; во-вторых, имеет место постоянное снижение уровня «сакральности» власть предержащих; в-третьих, развиваются коммуникационные технологии. Все это привело к тому, что в развитых государствах и части развивающихся на смену прямому контролю пришел косвенный. И, если в первом случае сила имела решающее значение, а манипуляция сознанием – вспомогательное, то во втором все наоборот. Таким образом, значительная часть населения нашей планеты, обладающая ведущим экономическим, военным, научным и культурным потенциалом, управляется при помощи косвенного воздействия.

С точки зрения манипуляции сознанием [2, с. 19], основным свойством личности человека, обеспечивающим прием и усвоение нужной информации, является внушаемость – способность индивидуума некритично воспринимать информацию, исходящую извне. В наших прошлых работах мы указывали на то, что изучение данного феномена связано с рядом методологических трудностей, таких как *проблема различения гипнабельности и внушаемости, методические сложности, междисциплинарный статус* данного явления, его *системный характер* [3, с.3].

Еще одним аспектом, усложняющим изучение феномена внушаемости, является *отсутствие единой теории*, объясняющей его природу. В наших предыдущих публикациях мы указывали, что можно выделить семь основных концепций внушаемости: в *биологическом направлении* внушаемость рассматривается в тесной взаимосвязи с гипнозом, который рассматривается как процесс торможения коры головного мозга с сохранением активности в отдельных его очагах [4, с.152]; в *психоаналитической концепции* внушаемость трактуется как результат явления переноса [5, с. 405]; в *суггестивном подходе* внушаемость понимается как способность пассивно принимать внушения, послания другого человека [6, с. 77]; в *феноменологическо-интерактивной теории* внушаемость определяется как результат нарушения «проверки реальности» [7, с. 278]; в *бихевиоральном направлении* внушаемость рассматривается как выученный в оперантном ключе и повторяемый навык некритичного принятия идей, исходящих от другого человека; в *неодиссоциативном подходе* внушаемость понимается как результат расстраивания слаженной работы когнитивных структур человека и выхода их из-под контроля «исполнительного эго» [8, с. 303]; с *социкогнитивной точки зрения* внушаемость трактуется как результат принятия человеком социальных ролей и психологических установок.

Социкогнитивная теория внушаемости является наиболее разработанной из всех. В нее входят следующие концепции: ролевая

модель Т. Сарбина и У. Коу; социальная модель Т. Барбера; социально-психологическая модель Н. Спаноса; модель ожидания реакции И. Кирша; модель наборов реакций И. Кирша и С. Линна. Ниже мы рассмотрим их более подробно.

Ролевая модель внушаемости была предложена в 1950-х годах Теодором Сарбином и Уильямом Коу. Эти ученые занимались исследованием гипноза, но их выводы могут быть использованы и для понимания феномена внушаемости. В своей основополагающей работе «Гипноз: социально-психологический анализ влияния коммуникации» [9, с. 36] они подвергли критике точку зрения, согласно которой в основе «трансовой работы» лежит особое измененное состояние сознания. Согласно им, гипнотическое взаимодействие является ничем иным, как особой разновидностью коммуникации, где каждый из участников обладает определенной социальной ролью.

Согласно отечественной психологической традиции, социальная роль определяется как функция, своего рода стереотипный набор паттернов поведения [10, с. 12]. Взаимодействие социальных ролей является частью общественных отношений и характеризуется обезличенностью; степень осознанности ролевого поведения личности часто не бывает высокой, т.к. оно предписывается не на индивидуальном, а на социальном уровне («мета-уровне»). Хотя сложно предположить, что есть особые роли «внушаемого» и «осуществляющего внушения», но можно говорить о том, что существуют особые коммуникативные связки, которые предполагают именно такое взаимодействие: «родитель-ребенок», «начальник-подчиненный» и ряд иных. Получается, что, будучи в роли «ребенка», причем как реального, так и символического, человек в значительной степени неосознанно воспринимает внушения. Роль же человека, осуществляющего такие внушения, символически может быть представлена в виде роли «отца» или «матери» («царь-батюшка», «отец народов» и т.п.).

Несмотря на то, что вопрос о степени осознанности и добровольности такого принятия остается открытым, его влияние остается значительным. Такое взаимодействие протекает по известному участникам сценарию, наподобие игры, где правила заранее заданы, а результаты – предсказуемы. Однако не следует считать такую коммуникацию притворством, т.к. люди искренне следуют ее принципам, зачастую выходя за пределы, предписанные подобным стереотипом.

В своих исследованиях Т. Сарбин и У. Коу установили, что на принятие и использование человеком социальной роли, предполагающей прием внушений, влияют следующие переменные [11, с. 8]:

- знание того, что требуется в данной ситуации. Известно, что люди более подвержены какому-либо слабо осознаваемому поведению в относительно стереотипных ситуациях.

- ожидания и навыки, связанные с ролью. Социальная роль, как указывалось выше, представляет собой набор паттернов поведения.
- положение «Я» в социальной структуре. Предполагается, что чем выше находится человек на иерархической лестнице, тем более устойчив к внушению он является.
- конгруэнтность «Я» и социальной роли. Эта переменная определяется тем, насколько «Я» человека совпадает с его социальной ролью.
- влияние аудитории (окружения). Эта переменная определяется тем, насколько окружение индивида влияет на использование им каких-либо паттернов поведения.

В качестве примера, отражающего все перечисленные аспекты принятия социальной роли, можно привести особый паттерн «камикадзе», который был актуален для японских военнослужащих в годы второй мировой войны. Хотя наибольшую известность получили летчики-самоубийцы, также императорские вооруженные силы активно применяли людей-торпед и подрывников с ящиками взрывчатки для войны на море и суше соответственно. «Камикадзе», чья деятельность носила сакральный характер, являются очень хорошей иллюстрацией того, как социальная роль может оказаться сильнее инстинкта выживания и самого сильного страха – страха смерти. Во-первых, такие самоубийцы знали, как нужно вести себя в ситуации, подходящей для уничтожения врага – а, именно, направить свой самолет на вражеский корабль; во-вторых, у них были навыки и ожидания, необходимые для этой деяния – фанатичная вера в императора и решимость довести дело до конца; в-третьих, эти «камикадзе», как правило, были недавно произведены в офицеры и, являясь как бы наследниками традиций древних самураев, были обязаны выполнить свой долг; в-четвертых, такие люди суживали свое «Я» до социальной роли «карающей длани божественного императора» (буквальный перевод с японского); в-пятых, они все время находились в окружении таких же потенциальных самоубийц, где культивировалось самопожертвование, а летчик, вернувшийся после «суицидального» задания живым, подвергался мощнейшему остракизму и глубочайшему презрению.

Социальная модель внушаемости была предложена Теодором Барбером в 1960-х годах под влиянием работ Т. Сарбина. Приведенные им и его коллегами исследования показали, что на внушаемость детерминирующее влияние оказывают такие факторы как психологическая установка, ожидания и мотивация [12, с. 23-112].

Т. Барбер был одним из первых ученых, которые начали различать гипнабельность и внушаемость, утверждая, что низкий уровень первой не обязательно напрямую связан с низким уровнем второй. Другими словами, низкогипнабельный с формальной точки зрения субъект может иметь

высокую степень внушаемости и наоборот. Это особенно важно учитывать при рассмотрении такой проблемы как манипуляция сознанием.

Также им было выделено четыре группы факторов, определяющих внушаемость субъекта [13, с. 208]:

- *социальные факторы* – это факторы, которые обязывают субъекта сотрудничать с человеком, проводящим внушения, оправдывать его ожидания. Предполагается, что социализированный субъект может испытывать известные трудности, когда вынужден отказываться другому субъекту в чем-либо.
- *психологические особенности человека, осуществляющего внушения.* Чем более внушительным и значимым является суггестор, тем сложнее противостоять его воздействию.
- *особая процедура подачи внушений.* Чем более ритуализированным и привычным является способ проведения суггестии, тем более действенным он будет.
- *глубокий смысл и сила внушенных идей.* Чем ближе внушаемые идеи оказываются к глубинным ценностям человека, тем больше они влияют.

В качестве примера, отражающего все перечисленные аспекты внушаемости, можно привести речь И.В. Сталина 3 июля 1941 года и то влияние на советский народ, которое она оказала. Во-первых, особая структура нашего общества в то время предполагала строгое подчинение вышестоящим авторитетам; во-вторых, И.В. Сталин, обладая, по словам современников, «личным магнетизмом», являлся «отцом народов», т.е. особой, архетипической фигурой; в-третьих, речь вождя носила сакральный характер, отчасти напоминающей священнодействие: «Братья и сёстры...»; в-четвертых, призыв верховного главнокомандующего отозвался в сердцах миллионов советских граждан, т.к. на нашу страну действительно напал страшный враг и долг каждого – защищать ее. Люди, вживую помнящие это выступление, неоднократно описывали, насколько мощное воздействие она оказала.

Социально-психологическая модель внушаемости была предложена Николасом Спаносом [14, с. 86]. Согласно ему и его коллегам, внушаемость зависит от социально-психологических процессов, целенаправленной активности и стратегического ответа на внушения.

К социально-психологическим процессам можно отнести ожидания, локус контроля, особенности ролевого взаимодействия; стратегический ответ подразумевает некоторую психическую активность, вызванную внушением, но субъективно интерпретируемую как «автоматическую», произвольную.

Эта произвольность ответа человека на внушение достигается за счет того, что Н. Спанос назвал «целенаправленными фантазиями»,

которые, поглощая внимание субъекта, вызывают временную диссоциацию и ощущение «автоматичности» того, что он делает.

В качестве примера можно привести то, что известный социолог А.А. Зиновьев назвал «добровольным демонтажем советской социальной системы» [15, с. 112]. Здесь речь идет о том, что миллионы советских граждан стали даже не соучастниками, а активными творцами уничтожения СССР, сами при этом делегируя ответственность за происходящее руководству страны.

Модель ожидания реакции была предложена Ирвингом Киршем и постулирует хорошо известный в психотерапии факт, что ожидание какой-либо реакции может вызвать эту реакцию [16, с. 40].

Применительно к социальной психологии, можно утверждать, что ожидание внушения со стороны кого-то позволит субъективно интерпретировать обычное взаимодействие как суггестию. Получается, что такое предположение, чаще всего бессознательное, позволяет не просто воспринимать внушения, но и считать за них то воздействие, которое даже таковым и не предполагалось.

Ожидание суггестии со стороны людей создает удобную почву для тех, кто осуществляет манипуляцию сознанием. Часто это приводит к тому, что суггесторы даже не особенно утруждают себя в том, чтобы придумывать сложные, витиеватые внушения, просто ограничиваясь прямыми.

Подобное воздействие описывается многими писателями-гуманистами – Т. Манном, Ж.-П. Сартром, Э. Ремарком, Дж. Оруэллом.

Модель наборов реакций была предложена Стивеном Линном и Ирвингом Киршем и, частично, связана с предыдущей концепцией [17, с. 80].

Согласно ей, большая часть нашей деятельности происходит как бы автоматически, без участия сознания. Предположение авторов носит радикальный характер: практически все действия в момент активации «запускаются» непроизвольно, бессознательно.

Наборы реакций, которые включают в себя намерения и ожидания, подготавливают субъекта к некоторому предсказуемому набору поведенческих, эмоциональных и когнитивных реакций, который актуализируется в определенном месте, времени и ситуации. Когда эти три фактора совпадают, то за ними может следовать «автоматическая», но предсказуемая человеческая активность.

Несмотря на кажущийся механицизм, напоминающий нам о бихевиоризме и его формуле S-R, С. Линн и И. Кирш утверждают, что одних лишь внушений недостаточно для того, чтобы вызвать необходимую реакцию. Необходимо внутреннее, феноменологическое переживание субъектом хотя бы части внушаемого, чтобы вызвать актуализацию «непроизвольного» поведения, мыслей или эмоций.

Например, можно привести то, каким образом правительство нашей страны в разное время использовало внушение на мобилизацию всех

ресурсов общества для борьбы с внешним врагом. В качестве удачного примера можно привести войну 1812 года и Великую Отечественную войну. В обоих случаях народ заранее готовили к тяжким испытаниям, формировали ощущение опасности, необходимости самопожертвования. У людей возникло следующее ожидание – «начнется война – надо биться насмерть». И это дало свои результаты. Иное дело – русско-японская и первая мировая война. Формирование необходимых реакций заранее там не проводилось, а, когда это начали делать, было уже поздно. Итог этих конфликтов для нашей страны хорошо известен.

Выводы. В наше время ни у кого не возникает сомнения в том, насколько большое влияние на психику человека оказывает социум. В своих работах отечественные классики психологии Л.С. Выготский и А.Н. Леонтьев отмечали, что мы являемся такими, какие есть, во многом, если не во всем, благодаря окружающему нас обществу, т.е. каждый субъект является продуктом социального воздействия. Также не вызывает сомнений, что социокогнитивная теория внушаемости имеет право на существование; она является одной из наиболее эмпирически подтверждённых на сегодняшний день.

Вопрос о том, какая из представленных пяти моделей является наиболее верной, является дискуссионным, но, на наш взгляд, не имеет большого смысла. Оба основных направления в рамках социокогнитивной теории – связанное с ролью (Т. Сарбин, У. Коу и Т. Барбер) и связанное с социально-психологическими процессами (Н. Спанос, И. Кирш и С. Линн) описывают различные стороны одного и того же феномена. С интегративной точки зрения, они не противостоят друг другу, а дополняют [18, с. 8].

Современная наука, в том числе и психология, стремится к интеграции, взаимодополнению и взаимообогащению. Любое явление, если рассматривать его лишь с одной из сторон, будет трактоваться однобоко, что приведет к обеднению знания о нем. Именно поэтому в современной науке о человеке возникают такие междисциплинарные области как нейронаука и когнитивная наука и др.

Исходя из этих соображений, мы должны рассматривать феномен внушаемости на двух уровнях. Во-первых, на уровне конкретной теории – например, с социокогнитивной позиции – но с учетом интегративной тенденции, т.е. объединяя теории Т. Сарбина, Н. Спаноса и др.; во-вторых, на более общем «мета-уровне», интегрируя три основных подхода к пониманию внушаемости: биосоциальный (Дж. Риццолатти, И.П. Павлов и Э. Росси), когнитивно-феноменологический (Э. Хилгард, Б. Скиннер, М. Орн) и социально-психологический (З. Фрейд, Т. Сарбин, С. Линн). Эта работа будет представлена в наших следующих публикациях.

Список литературы

1. Харрис Р. Психология массовых коммуникаций. — СПб.: Прайм-Еврознак, 2003.
2. Аронсон Э., Пратканис Э.Р. Эпоха пропаганды: механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление. — СПб.: Прайм-Еврознак, 2003.
3. Козлов В.В., Гордеев М.Н., Власов Н.А. «Методологические аспекты изучения феномена внушаемости» - «Методология современной психологии», 2015, №5.
4. Рожнов В.Е. Руководство по психотерапии. — Т. : Медицина, 1979.
5. Фрейд З. Лекции по введению в психоанализ. — М. : Академический проект, 2009.
6. Власов Н.А. «Суггестивная теория внушаемости» — сборник материалов ежегодного Международного Конгресса «Психология XXI столетия» - Ярославль, 15-17 мая 2015 г.
7. Orne M.T. The nature of hypnosis: Artifact and essence // Journal of abnormal Psychology, 1959, #58, pp.277-299.
8. Hilgard E. Toward a neo-dissociation theory: multiple cognitive controls in human functioning. // Perspectives in Biology and Medicine, 1974, №17, pp. 303-316
9. Sarbin, T. R., & Coe, W.C. Hypnosis: A social psychological analysis of influence communication. — New York: Holt, Rinehart & Winston, 1972.
10. Кон И.С. Социология личности. — М. : Политиздат, 1967.
11. Sarbin, T. R. Hypnosis: A fifty-year perspective. // Contemporary hypnosis, 1991, №8, pp. 1-16.
12. Barber T.X. Hypnosis: A scientific approach. — New York: Van Nostrand Reinhold, 1969.
13. Barber T.X. A deeper understanding hypnosis: Its secrets, its nature, its essence. // American Journal of Clinical Hypnosis, 2000, №42, pp. 208-273
14. Spanos, N.P. Goal-directed fantasy and the performance of hypnotic test suggestions. // Psychiatry, 1971, №34, pp. 86-96.
15. Зиновьев А.А. Русская трагедия. Гибель утопии. — М. :Алгоритм, 2002.
16. Линн С., Кирш И. Основы клинического гипноза. — М. :Психотерапия, 2011.
17. Япко М. Трансовая работа: Введение в практику клинического гипноза. — М. :Психотерапия, 2013.
18. Козлов В.В. Интегративная парадигма психологии // Человеческий фактор : Проблемы психологии и эргономики. Тематический выпуск: Пленарные доклады VII Международной конференции «Психология и эргономика: единство теории и практики», Ярославль 18-20 августа 2011г.

Л.З. Левит (Минск, Белоруссия)
О НОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЯХ
В ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ

Аннотация. В статье представлена авторская концепция самореализации, разработанная на основе принципов системного подхода. Проводится анализ концепции на соответствие критериям теории личности. В порядке эксперимента производится рассмотрение понятия «эгоизм» в качестве предмета психологии.

Ключевые слова: личность, предмет психологии, самореализация, системный подход, счастье, эгоизм.

Annotation. The article presents the author's concept of self-actualization, developed on the basis of the principles of the system approach. Analysis of the concept on the compliance with the criteria of personality theory. In an experiment is made consideration of the concept of "egoism" as the subject of psychology.

Keywords: identity, a subject of psychology, self-realization, systematic approach, happiness, selfishness.

Введение. В психологии давно назрела потребность в создании концепций и метафор, объединяющих разные научные направления. Как отмечает, в частности, В.А. Барабанщиков, необходимо объединение разнородного психологического знания на основе «концептуальных синтезов более высокого порядка». Подобный синтез может быть осуществлен на основе теорий, разработанных в рамках системного подхода [2, с. 268]. В качестве возможного кандидата на эту роль мы представляем собственную концепцию, которая неоднократно демонстрировала интеграционные возможности относительно различных теорий философии и психологии, обобщенные в последних монографиях [4; 5].

Личностно-ориентированная концепция счастья: краткое описание. В 2006-2012 гг. нами была разработана «Личностно-ориентированная концепция счастья» (ЛОКС), в которой самореализация индивида, достижение им осмысленной, полноценной жизни описываются через взаимодействие двух систем – «Личностной Уникальности» (ЛУ) и «Эгоизма» (ЭГ). Каждая система состоит из 4-х уровней, соответствующих (снизу вверх) «организму», «индивиду», «личности» и «индивидуальности». Одновременно с этим, каждый уровень соотносится

с определенным этапом человеческого развития – от внутриутробного состояния до зрелой самореализации. Обе системы развиваются от уровня к уровню и, соответственно, меняется характер взаимодействия между соответствующими друг другу «по горизонтали» уровнями каждой из них, связанный с осуществлением тех или иных жизненных задач (рис.).

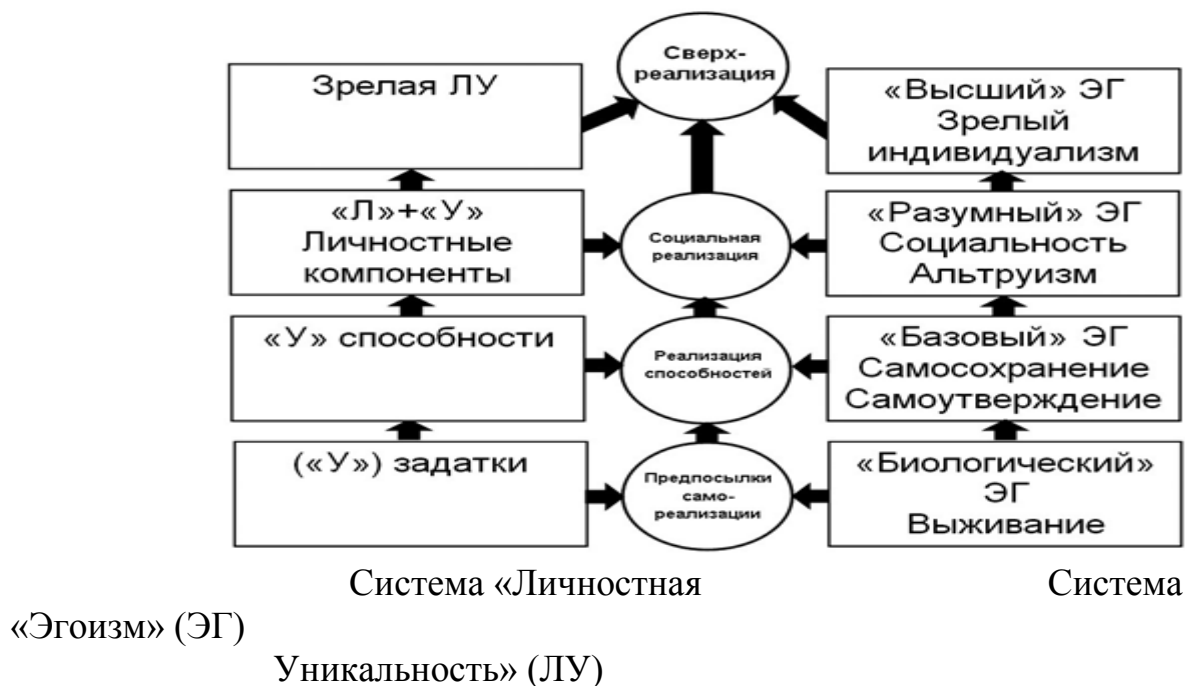

Рис. ЛОКС

Вначале опишем систему «Личностная Уникальность». На первом, биологическом уровне (соответствующим периоду внутриутробного состояния) она представлена помещенной в скобки и в кавычки буквой «У» («Уникальность»), что подразумевает некий «природный дар», задатки, имеющиеся в индивиде от рождения. Наличие скобок вокруг «У» на первом уровне системы «ЛУ» подчеркивает ее отнесенность к одной из *предпосылок* будущей самореализации. На следующем, втором уровне (жизненном этапе, ассоциируемом с детством и юностью), задатки постепенно превращаются в способности (скобки вокруг «У» открываются), т. е. заложенные в индивида предпосылки начинают актуализироваться, хотя поначалу в достаточно незрелой форме. Положение начинает исправляться в конце второго – начале третьего этапа, когда субъект приобретает мотивационно-личностные компоненты регуляции («Л»), позволяющие преодолевать препятствия «внутри» собственной деятельности и настойчиво стремиться к достижению связанных с ней целей. Наконец, на четвертом этапе (если таковой наступит) видим зрелую Личностную Уникальность, подлежащую реализации и определяющую жизненное предназначение человека, его судьбу.

Теперь опишем систему «Эгоизм» и ее развитие. Первый уровень составляет так называемый «Биологический» Эгоизм (БиоЭГ), родственный у человека и животных и отвечающий за выживание индивида. Это уровень организма, связанный с генетической полноценностью и нормальной работой систем жизнеобеспечения. В контексте самореализации нормально функционирующий БиоЭГ может ощущаться субъектом в качестве собственного здоровья, возможностей своего организма, состояния готовности к деятельности, отсутствия для нее телесных помех.

Второй уровень, так называемый «Базовый Эгоизм», частично представлен в сознании и чем-то аналогичен фрейдовскому Ид, «выступающему в качестве посредника между соматическими и психическими процессами в организме» [10, с. 113]. Данное понятие относится к уровню «индивид» и отвечает за самоутверждение человека, его желание скорейшей реализации собственных интересов и потребностей. В контексте стремления субъекта к счастью на втором уровне берет начало гедонистический эгоизм, связанный с получением «фундаментальных» удовольствий в процессе удовлетворения двух основных инстинктов – пищевого и полового. Прямолинейное самоутверждение индивида с помощью своего «Базового» Эгоизма может осуществляться и в весьма агрессивной форме.

Человек – существо не только индивидуальное, но и общественное, поэтому третий уровень (У-3) системы «ЭГ» представлен понятием «Разумного» Эгоизма (РЭГ). Подобно тому, как «Биологический» (и до некоторой степени «Базовый») Эгоизм способствуют приспособлению и самосохранению индивида в «природных» условиях, «Разумный» Эгоизм (соответствующий стандартным определениям личности как совокупности общественных отношений, психологическому носителю социальных свойств и т.д.) позволяет успешно адаптироваться к жизни в обществе, создавая возможности для социальной реализации индивида, достижению своих целей с учетом интересов других людей, умению сочетать свои потребности с требованиями группы.

Однако и социальный уровень (в более зрелом возрасте) способен оказывать тормозящее воздействие на дальнейшую индивидуально-творческую самореализацию. Примером может служить «успешный» киноактер, всю жизнь снимающийся в одном и том же амплуа. По мнению Н. Лумана, социальные системы в конечном итоге противоречат всякой индивидуальности [8, с. 285]. В современном мире они не говорят человеку, в чем заключается его уникальное предназначение, навязывая вместо этого конформное поведение. Модели самореализации определяют *высшую* форму жизни (четвертый уровень развития обеих систем ЛОКС) скорее на основе выхода за рамки общества. При этом акцент в идеальном существовании делается на твердом знании индивидом своей сокровенной сути (ЛУ в рамках нашей концепции), а не общепринятом представлении о «хорошем гражданине» [6, с. 135].

Четвертый уровень связан с высшими формами эгоизма (зрелого индивидуализма), когда субъект, пройдя три предыдущих этапа, принимает осознанное решение посвятить свою жизнь уникальной самореализации. Имеет место ограничение потенциально негативных (преимущественно гедонистических) сторон «низшего», «Базового» Эгоизма с его «принципом удовольствия», а также существенная переориентация «Разумного» Эгоизма на третьем уровне системы.

Третий и четвертый уровни системы «Эгоизм» находятся в диалектическом взаимодействии: на определенном этапе развития социализация необходима даже самому одаренному индивиду, поскольку тот должен в максимальной степени овладеть накопленными знаниями в избранном домене, включиться в соответствующие сферы человеческого общения и деятельности. С другой стороны, истинная, уникальная самореализация предполагает в конечном итоге преодоление культурных стереотипов, выход за их рамки, внесение в культуру принципиально нового знания.

Важность ЭГ-4 для талантливого человека в повседневной жизни заключается и в том, чтобы, помня о своем высшем предназначении, надлежащим образом распорядиться имеющимся потенциалом, а в случае необходимости – противостоять давлению со стороны окружающих и социума в целом.

Мы придерживаемся точки зрения, что индивиды не могут избежать собственного эгоизма, да им этого и не следует делать. Однако люди способны научиться совершать выбор в пользу его более «высоких», качественно иных форм, связанных с индивидуальной самореализацией, самовыражением и саморазвитием.

Если двусистемное построение ЛОКС дает возможность рассмотрения предмета исследования с разных точек зрения, то ее многоуровневый характер позволяет проследить, а затем сравнить «глубину» и «высоту» сопоставляемых концепций. Те сомнительные места, которые критикам удается отыскивать в исследуемых теориях личности кропотливым трудом, почти сразу становятся очевидными после «наложения» двусистемной конструкции ЛОКС в качестве «трафарета» на ту или иную модель. Так, одним из следствий проделанной нами работы является вывод об отсутствии прямой связи между уровнем самоактуализации и нижележащими уровнями иерархии потребностей А. Маслоу [7] вследствие того, что самоактуализация является более сложным феноменом: она состоит не только из «потребностей» (представленных, в частности, системой «ЭГ» в ЛОКС), но и «способностей» (система «ЛУ»). Другими словами, на вершину пирамиды потребностей водружен объект иной, «сложносоставной» природы, что и объясняет многие трудности теории самоактуализации.

Еще одна перспективная возможность заключается в сближении естественнонаучного («сциентистского») и гуманистического направлений психологии, о чем, в частности, пишут Г.А. Балл и В.А. Мединцев [1].

Биологические корни эгоизма предполагают использование естественнонаучного подхода, в то время как уникальный человеческий потенциал (ЛУ) представляет основу для гуманистического дискурса.

ЛОКС как самостоятельная теория личности: ядро и периферия.

В настоящей статье мы хотим продемонстрировать результаты «проверки» собственной теории на соответствие критериям «ядра» и «периферии» личности, рассмотренных в работе С. Мадди [6]. Ядро личности представляет структуры, определяющие общие и глубокие характеристики для всех людей, в то время как периферия определяет более поверхностные различия между ними.

Поскольку необходимый для выживания эгоизм является врожденным для всех индивидов, первые три уровня одноименной системы в основном принадлежат ядру (чем ниже уровень, тем «глубже» слой). Однако в какой-то момент на внешней границе ядра возникает новообразование – «Высший» Эгоизм, который переориентируется на взаимодействие с периферией. Там (у некоторых людей) располагается Личностная Уникальность, с которой ЭГ-4 вступает в контакт во имя ее развития и реализации.

Таким образом, у одаренного и настроенного на самореализацию индивида в системе «Эгоизм» на определенном этапе происходит своего рода «двойная мутация». Во-первых, «Высший» Эгоизм в значительной степени порывает с системой, в рамках которой он был создан, переориентируясь на задачи, актуальные для другой системы (ЛУ). Во-вторых, ЭГ-4 существенно ослабляет связь с тем, что объединяет индивида с остальным человечеством – традиционным гедонизмом, приоритетом материальных ценностей (второй уровень) и постоянной заботой о поддержании более-менее гладких отношений с окружающими (третий уровень).

Почему же происходит подобный поворот? Во-первых, потому, что в современных условиях потребности ядра более-менее удовлетворены и не представляют проблемы для своего «носителя». Во-вторых, ядро, олицетворяя *общие* для всех людей свойства, не способно к дальнейшему развитию, а потому повторяемо и предсказуемо (сулит скуку). В-третьих, периферия по контрасту с ядром как бы намекает на новые, скрытые ранее возможности, которые к тому же являются *неповторимыми*, а, значит, обещают индивиду возможность отыскания *собственного* жизненного пути, характеризующегося уникальным саморазвитием, чувством смысла и своей «особенности».

Более-менее «обеспечив» ядро (основные витальные и социальные потребности), современный человек способен объявить самой «важной» частью периферию, определяющую его «уникальность», «эксклюзивность», непохожесть на других и начать «играть» с ней, заниматься ее развитием, конструировать уникальный смысл собственной жизни. Разумеется, принципиально новый продукт также может быть создан лишь с помощью творческой периферии.

При рассмотренном подходе происходит еще одно важное, во многом парадоксальное событие: понятие «Эгоизм», сохраняя свою «первичную» природу, утрачивает характеристику «конечной ценности». Теперь эгоизм становится «инструментальным» – ровно потому, что отныне служит не самому себе, а развитию и реализации ЛУ, приобретающей статус *конечной* жизненной ценности. Как результат, ядро личности в понимании С. Мадди отныне оказывается на службе у периферии, определяющей человеческую особенность и уникальность.

Таким образом, ЛОКС не только может осуществлять сравнительный анализ известных психологических концепций, но и сама способна удовлетворять критериям теории личности.

Эгоизм как предмет психологии: мысленный эксперимент. Как известно, греческое слово «псюхе» означает «душа». Основными свойствами души признаются ее «божественный образ», нематериальный характер и противопоставленность телесному. Таким образом, в природе души, в самом понятии не содержится имплицитных указаний, дающих психологу хоть какое-то первоначальное направление для эмпирических исследований. Ненамного проясняют картину термины «психика», «психическая деятельность» и другие, появившиеся сравнительно недавно. Не потому ли так много научных школ в современной психологии, представители которых, по выражению А.Г. Асмолова, движутся в разные стороны в темном дремучем лесу, все более удаляясь друг от друга?

Мы постараемся показать и обосновать возможность иного подхода. Для этого проведем мысленный эксперимент и, руководствуясь собственной теоретической концепцией, поставим в качестве возможной научной «первоосновы» на место слов «душа» или «психика» понятие «эгоизм». Определим эгоизм как «врожденную предрасположенность индивида в свою пользу» и посмотрим, что получится.

Нетрудно заметить, что для исследователя сразу же открываются три больших возможности.

1. Биологические корни эгоизма с его одновременной представленностью на индивидуально-психологическом уровне позволяют, как мы предполагаем, перейти к решению психофизиологической проблемы, которое едва ли возможно при традиционном противопоставлении души и тела.

2. Представленность эгоизма на уровне групповых, социальных взаимодействий позволяет эволюционным психологам осуществить свою мечту – приступить к созданию научной парадигмы, объединяющей биологию человека с его социальным функционированием [3].

3. Эгоизм, рассматриваемый как забота человека о собственных интересах, сразу же задает конкретное направление дальнейшего исследования – в отличие от аморфного и бестелесного понятия «душа». Таким образом, появляется возможность заложить фундамент психологии как эмпирической науки, имеющей изначальный вектор движения, соответствующий врожденной человеческой природе. В этом случае на

место «души-субстанции» приходит, по выражению М. Фуко, «душа-субъект» [9].

Термин «эгоизм» вызывает у многих настороженность относительно своих моральных импликаций. Проведенные нами экспериментальные исследования продемонстрировали положительные (а не отрицательные, как предполагалось) корреляции, существующие между шкалами «эгоизма» и «альтруизма», «эгоизма» и «смысла» [5]. В повседневной активности психически здорового человека эгоизм и альтруизм относятся друг к другу как старший и младший братья, если не как отец и сын.

Доктрина психологического эгоизма утверждает, что единственной «предельной» целью, к которой стремится человек, является его собственный интерес. С точки зрения данной теории, люди такие, какие есть – они не способны к чему-либо другому, кроме как ставить собственные интересы во главу угла и поступать соответственно. Из понятия «эгоизм» вытекают *все психологические законы*, человеческие действия, а также их последствия [11].

Эгоизм способен, с нашей точки зрения, рассматриваться в качестве предмета психологии еще и потому, что, имея всеобщую распространенность, безусловно относится к ядру личности. По этой же причине Личностная Уникальность не может претендовать на данный статус, поскольку декларировать наличие врожденного компонента «У» для всех людей (особенно с точки зрения эмпирических данных) не представляется возможным. В контексте эволюции мы связываем более широкое распространение Личностной Уникальности с будущим человечества, в том числе, с действием эволюционного принципа «рассеивающего отбора».

Заключение. Двусистемная и многоуровневая Личностно-ориентированная концепция счастья не только удовлетворяет основным критериям, выдвигаемым к теории личности, но и дает возможность новой постановки вопроса о предмете психологии как науки, основанной на эмпирических доказательствах.

Литература

1. Балл Г.А., Мединцев В.А. Медиаторы межпарадигмального взаимодействия в исследованиях культуры // Психология третьего тысячелетия: I Международная научно-практическая конференция: сборник материалов. Дубна: «Дубна», 2014. – С. 22-25.
2. Барабанщиков В.А. Принцип системности и современная психология // Теория и методология психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. – С. 268-285.
3. Кенрик Д. Секс, убийство и смысл жизни. СПб.: Питер. 2012. – 224 с.
4. Левит Л.З. Индивидуальный потенциал и его реализация: двусистемная концепция (в двух частях). Минск: РИВШ, 2014. Ч. 1. – 420 с.

5. Левит Л.З. Индивидуальный потенциал и его реализация: двусистемная концепция (в двух частях). Минск: РИВШ, 2014. Ч. 2. – 272 с.
6. Мадди С.Р. Теории личности: сравнительный анализ. СПб.: Речь, 2002. – 448 с.
7. Маслоу А. Дальние пределы человеческой психики. СПб.: Евразия, 2002. – 432 с.
8. Прехт Р.Д. Я – это я? И если да, то насколько? М.: АСТ, 2013. – 352 с.
9. Фуко М. Герменевтика субъекта. СПб.: Наука. Ленинградское отделение, 2007. – 680 с.
10. Хьелл Л., Зиглер Д., Теории личности (3-е изд.). СПб.: Питер, 2010. – 607 с.
11. Psychological Egoism [Electronic resource] – Mode of access: <http://www.iep.utm.edu/> – Date of access: 03.02.2010.

В.А.Мазилев (Ярославль, Россия)

ОСНОВАТЕЛЬ ЯРОСЛАВСКОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ В.С.ФИЛАТОВА

Ключевые слова: В.С.Филатов, Ярославль, Ярославский педагогический институт, психология, научная школа

Аннотация. 24 августа исполняется 115 лет со дня рождения Василия Степановича Филатова (1900-1974), известного отечественного ученого, философа и психолога, создателя ярославской психологической школы. Статья посвящена исследованию обстоятельств создания Ярославской психологической школы. Представлены биографические сведения о В.С.Филатове, который был основателем ярославской психологической школы. В статье проанализированы ранние этапы развития психологии на ярославской земле. Особенное внимание уделяется созданию условий для того, чтобы школа возникла и развивалась. Подробно анализируется деятельность В.С.Филатова по созданию школы, обсуждается проблема критериев возникновения научной школы. Выделяются следующие критерии (общая для школы исследовательская проблематика, пространственно-временное единство, принципы, характеризующие исследовательский подход в данной школе, наличие разных поколений ученых в школе, организационные условия - наличие кафедры или лаборатории, института, открытие аспирантуры и решение проблемы воспроизводства научных и преподавательских кадров, проведение научных конференций, издательская деятельность, отражающая продукцию школы, признание достижений школы коллегами и научным

сообществом). Дается анализ особенностей складывающейся школы, выделяются условия, способствовавшие ее формированию.

Keywords: V.S.Filatov, Yaroslavl, Yaroslavl Pedagogical Institute, psychology, science school

Annotation. August 24 marks the 115 years since the birth of Vasily Stepanovich Filatov (1900-1974), the famous Russian scientist, philosopher and psychologist, founder of the psychological school of Yaroslavl. The article investigates the circumstances of the creation of the Yaroslavl school of psychology. Presents biographical information about V.S.Filatov, who was the founder of the psychological school of Yaroslavl. The article analyzes the early stages of the development of psychology in the Yaroslavl land. Particular attention is paid to creating conditions to School emerged and developed. V.S.Filatov activity is analyzed in detail to establish schools, the issue of criteria for the emergence of scientific school.

24 августа исполняется 115 лет со дня рождения Василия Степановича Филатова (1900-1974), известного отечественного ученого, философа и психолога, создателя ярославской психологической школы. Соответственно уже сорок лет, как профессора нет с нами. Прошедшие годы позволили всем убедиться, что ярославская психологическая школа является одной из ведущих в нашей стране, дело профессора Филатова достойно продолжается сегодня новыми поколениями ярославских психологов.

История ярославской психологии не написана. До сих пор наиболее полным очерком истории психологии на ярославской земле является статья "Из истории Ярославской психологии" [9] психолога из ЯГПУ Г.А.Мурашева (1922-2014). В этой статье, на которую нам не раз придется ссылаться в настоящем тексте, ярославский ученый отмечает, что в России известна точная дата, когда указом Александра I преподавание психологии было вменено высшим учебным заведениям (в том числе и духовным) в обязательном порядке: "Можно предполагать, что с открытием в Ярославле первого светского вуза - Демидовского высших наук училища - преподавание психологии тоже было обязательным. К сожалению, пока документов, подтверждающих это не найдено" [9, с.23]. Отдельные лекции и даже курсы по психологии зафиксированы в XIX столетии в Демидовском лицее и Ярославской духовной семинарии. "И все-таки первые настоящие программы по различным психологическим спецкурсам обнаружены только в архиве Учительского института и относятся к 1908 году" [9, с.23]. В 1918 году в Ярославле создается университет (просуществовал до 1924 года). "Судя по документам, сохранившимся в архивах, в Ярославском университете на педагогическом факультете студентам читались следующие курсы: экспериментальной психологии и

экспериментальной педагогики (проф. И.П.Четвериков), психология и новейшая педагогика, педагогическая психология, психология детства и юношества (доцент Н.А.Соколов), психопатология детского и юношеского возраста, работа с детьми, уклоняющимися от нормы (проф. И.О.Зубов)" [9, с.23].

Не имея возможности в настоящей статье подробнее рассказать о всех первых ярославских психологах, нельзя не остановиться хотя бы кратко на деятельности Ивана Пименовича Четверикова (1880-1969). В 1900 году он окончил Киевскую духовную академию, преподавал психологию в различных учебных заведениях. В 1905 году после защиты магистерской диссертации избран профессором Киевской духовной академии, где читал различные курсы по психологии. В 1906-1908 был на стажировке в Германии (Лейпциг, Мюнхен, Геттинген), где работал, в частности, у В.Вундта и Э.Гуссерля [27]. Если говорить "высоким стилем", то можно сказать, что ярославская психология является "наследницей по прямой" самого создателя научной психологии Вильгельма-Макса Вундта... В 1908 году, вернувшись в Россию, работает профессором Высших женских курсов (Киев), с 1915 года в Юрьевском университете, с 1918 профессор Таврического университета. В 1920 преподавал в Московской духовной академии. С 1921 года работал в ЯрГУ и затем после его закрытия в 1924 году в ЯГПИ. Работал в Ярославском педагогическом институте до 1930 года. "В 1930 году был уволен из ЯГПИ с характеристикой "антиобщественно настроенный человек". Тюрьмы и ссылки. Во время Великой Отечественной войны оказался за пределами СССР. Преподавал в Свято-Сергиевском богословском институте в Париже. Читал лекции о православии в городах Германии. Автор книг и богословских статей в журналах. Умер в 1969 году в Штутгарте" [12, с.196].

М.Ю.Сорокина приводит более полные сведения о судьбе ученого. Как пишет исследователь, им были опубликованы: краткий курс лекций по психологии, статьи «Модернистские движения в Германии», «Проблема познания чужой личности» и др. В 1930 г. Четверикова уволили: по результатам обследования института комиссией Наркомпроса, он был уволен «как ярый противник курса рефлексологии и настроенный антиобщественно» [4, с.136], после чего он жил в Москве, был профессором психотехники. 13 февраля 1933 г. его арестовали, после заключения в Бутырскую тюрьму 27 апреля 1933 г. Коллегия ОГПУ СССР приговорила Четверикова по ст. 58-11 УК РСФСР за «ведение нелегальной подготовки антисоветских кадров из церковников» к 3 годам высылки в Казахстан. Возможно, он находился в ссылке в Барнауле. В 1937 г. И.П. Четвериков жил в Малоярославце Московской обл. [27]. Далее М.Ю. Сорокина пишет: «В 1941 г. ополченец, попал в Германию; в 1945 г. находился в американской оккупационной зоне. Остался в Германии. Преподавал, в том числе в Свято-Сергиевском православном богословском

институте в Париже (Франция). Умер 2 октября 1969 г. в Штутгарте (Германия)» [26, с.105].

Н.Ю.Стоюхина отмечает: И.П. Четвериков работал в Ярославле, в 1924 г. он докладывает о принятом на Ярославском губернском медико-санитарном съезде решении создать в городе центральную психологическую лабораторию, где были бы объединены усилия губоно, губздравотдела и университета на почве борьбы с беспризорностью [33]. Это даст возможность сблизить университет с жизнью, привлечь студенчество к общественной работе, придать кафедрам экспериментальной педагогики и экспериментальной психологии производственный характер, когда можно будет практикум по экспериментальной психологии и педагогике, детской неврологии и психопатологии проводить на практической работе по изучению беспризорных ярославского края [28].

В 1997 году И.П.Четвериков частично "вернулся" в Россию текстами по психологии - в антологии "Русская религиозная антропология" опубликованы фрагменты его лекций по общей психологии.

Зафиксируем опосредованный вундтовский след в возникновении ярославской психологии и обратимся к другому моменту. Речь идет влиянии на возникновение психологической школы в Ярославле, так же опосредованном, как и вундтовское, трудов К.Д.Ушинского. Напомним, что К.Д.Ушинский начинал педагогическую карьеру в Ярославле. Хорошо известно, что К.Д.Ушинский, блестяще окончив «вторым кандидатом» Московский университет, получил приглашение в Ярославский Демидовский лицей, в котором проработал почти четыре года, «исправляя обязанности» профессора. В лицее К.Д.Ушинский зарекомендовал себя прекрасным лектором, читавшим курсы права и разрабатывавшим проблемы камерального образования. Также хорошо известно, что вопросами педагогики К.Д.Ушинский начал заниматься позднее, будучи инспектором в Гатчине, в Смольном, и особенно во время пребывания за рубежом (1862-1867). «Педагогическая антропология» (в особенности проект третьего тома) является ярким свидетельством того, что Ушинский рассматривал педагогику как творческую деятельность. Нельзя не согласиться с теми исследователями, согласно мнению которых путь Ушинского мог бы сложиться иначе, не получи он в самом начале своей карьеры опыт работы в лицее. Итак, мы можем констатировать, что в годы работы в Ярославле Ушинский не занимался ни педагогикой, ни психологией – интерес к этой проблематике пришел значительно позднее. (В скобках заметим, что в 1860 году Ушинский публикует "Психологические монографии" - произведение интересное и глубокое, свидетельствующее об изрядном знакомстве с предметом. Когда Ушинский начал заниматься психологией при этом не очень ясно. Может во время учебы в университете, а затем не афишируя продолжал в Ярославле?)

Анализ знаменитого выступления К.Д.Ушинского 18 сентября 1848 года с актовой речью «О камеральном образовании» свидетельствует, что основные мотивы, побудившие к написанию «Педагогической антропологии», у двадцатичетырехлетнего ученого уже формировались. К.Д.Ушинский выступает резким противником немецкой системы камерального образования, отмечая, что немецкие авторы очень неудачно смешивают «науку» и «искусство», результатом чего является «рецептурный» характер камеральной литературы. Система зарубежной подготовки – рецептурная, а не научная. Ушинский отвергает эту систему, предлагая взамен собственную, основой которой должно «служить изучение родины в самом широком смысле». Таким образом, можно увидеть, что Ушинским используется та же логика, что и позднее при обосновании «Педагогической антропологии»: искусство педагогики должно быть основано на научном знании, в первую очередь, физиологии и психологии. Антропологии, знания о человеке. Широко известны высказывания Ушинского о творческом характере образования, о том, что жесткая регламентация учебного процесса «совершенно убьет живое дело преподавания». Основные черты подхода Ушинского к реформированию педагогики, таким образом, сформировались уже в Ярославский период: творческая направленность, систематичность, преодоление ограниченности теоретического знания, антропологизм, практическая ориентированность.

Сразу после окончания Великой отечественной войны, в 1946 году Ярославскому государственному педагогическому институту присвоено имя К.Д.Ушинского, начинает издаваться десяти томное собрание сочинений великого педагога. В ЯГПИ в 1948 году издается сборник научных трудов, посвященных вкладу Ушинского в развитие педагогики и психологии. Одно из центральных мест в этом сборнике занимает статья, написанная В.С.Филатовым, и посвященная анализу учения Ушинского о воле и ее воспитании, к обсуждению которой мы еще вернемся.

Ровесник века, В.С.Филатов родился 24 августа 1900 года в крестьянской семье в селе Промзино Алатырского уезда Симбирской губернии. В 1915 году, закончив Высшее начальное училище в селе Промзино (ныне Сурское Уральской области), занимался репетиторством и готовился к сдаче экзаменов на аттестат зрелости. В 1917 году В.С. выдержал экзамены (экстерном), дающие право преподавать в двухклассных сельских училищах, начал педагогическую работу [1]. В том же 1917 году окончил восьмой (педагогический) класс гимназии и поступил на медицинский факультет Казанского университета, где проучился 2 года. В 1921 г., по студенческой мобилизации был направлен на политпросветработу при штабе дивизии Казанского военного округа [1]. Обратим внимание на то, что согласно архивным данным, обучался В.С.Филатов на филологическом факультете, а не на медицинском [1, л. 138].. После демобилизации В.С.Филатов работает лектором

Губполитпросвета в Одессе. В 1922-1923 гг. - комиссар Опродкомгуба (Винница) [1, л. 138]. «Опродкомгуб» означал «Особую губернскую продовольственную комиссию», которая по замыслу новых властей должна была досыта накормить изголодавшихся жителей губернии. В 1923 году продолжает учебу: сначала в Одессе, где слушает лекции С.Л.Рубинштейна, а затем во 2-м МГУ. После реорганизации последнего переводится в Ленинград в ЛГПИ им. Герцена, который оканчивает в 1926 году по педологическому отделению. После окончания института работает преподавателем в Покровском педагогическом училище в Подмоскowie, где преподает психологические и педагогические дисциплины. В августе 1927 года становится научным сотрудником и одновременно аспирантом научно-исследовательского института педагогики в Москве. С 1930 года В.С.Филатов работает руководящих должностях в ряде вузов СССР: в 1930-1931 доцент и заведующий кафедрой психологии Краснодарского педагогического института, в 1931-1933 доцент кафедры психологии и заместитель директора педагогического института в Ставрополе; в 1933-1941 доцент, заведующий кафедрой психологии и заместитель директора педагогического института в Калининe.

В 1941-1942 - доцент в педагогическом институте г. Соликамск. В 1942-1944 гг. В.С. Филатов работает заведующим отделом пропаганды и агитации Кунцевского горкома КПСС Московской области. В 1944-1946 гг. директор областного института усовершенствования учителей и одновременно доцент Московского областного педагогического института. В 1946 году начинается ярославский период деятельности В.С.Филатова.

С 1 сентября 1946 года В.С.Филатов начинает свою работу в Ярославле в Ярославском педагогическом институте. Он назначен заместителем директора института и заведующим кафедрой психологии. Летом 1946 года он окончил Всесоюзные курсы преподавателей логики. Как мы увидим, факт, имеющий большое значение. И вообще можно сказать, что для Ярославского педагогического института начинается новый "филатовский" этап.

С приходом В.С.Филатова кафедра психологии становится самостоятельной (до 1946 года существовала кафедра психологии и педагогики, созданная в 1936 году после постановления ЦК ВКП (б) "О педологических извращениях в системе наркомпросов" "на месте" упраздненной кафедры психологии и педологии). Что важно - при кафедре открывается кабинет логики и психологии, в котором сосредоточивается психологическая литература, накапливается оборудование для проведения лабораторных занятий по психологии.

Мы уже упоминали, что Филатов закончил курсы по логике. По инициативе В.С.Филатова в институте открывается отделение логики и психологии, на котором готовили преподавателей этих дисциплин в средней школе. Напомним, что после войны какое-то время эти предметы преподавались в средней школе. Для интересующей нас темы важно

подчеркнуть, что в Ярославле теперь появлялись выпускники, имеющие более глубокую психологическую подготовку, чем студенты чисто педагогических специальностей. Некоторые из них (как, например, Г.А.Мурашов, Н.П.Ерастов стали впоследствии членами кафедры). С другой стороны, преподавание психологии на более высоком уровне потребовало повышения квалификации преподавателей и привлечения кадров из Москвы и Ленинграда. По воспоминаниям Г.А.Мурашова, "для ведения отдельных дисциплин приглашались преподаватели и сотрудники московских и ленинградских вузов и научных учреждений. Так историю психологии читал старший научный сотрудник института психологии АПН М.Г.Ярошевский, историю логики ст. научный сотрудник института философии АН СССР А.И.Рубин, практикум по экспериментальной психологии вел старший преподаватель ЯГПИ И.А.Васильев" [23, с.33].

Нужно согласиться с оценкой Г.А.Мурашева: "Несмотря на все издержки, открытие отделения логики и психологии знаменовало новый этап в развитии психологического образования в стране. поскольку значительно расширилось число центров психологической подготовки, ранее ограниченное четырьмя городами - Москвой, Ленинградом, Тбилиси и Киевом" [23, с.33].

Сам В.С.Филатов читал лекции по общей психологии и логике. Как отмечает Г.А.Мурашов, В.С.Филатов был хорошим лектором, умел просто и доступно объяснить самые сложные вопросы. Важно отметить, что, способствуя повышению квалификации преподавателей кафедры психологии, В.С. не забывал и о своем научном росте. В октябре 1949 года В.С. Филатов поступает в докторантуру при секторе психологии института философии АН СССР. Научным консультантом, как и ранее руководителем по кандидатской диссертации, был С.Л.Рубинштейн, с которым Филатов был знаком еще по Одессе 1923 года, когда в мореходке слушал лекции будущего классика отечественной психологии.

По окончании докторантуры в 1952 году В.С.Филатов защищает в институте философии АН СССР докторскую диссертацию по философским вопросам характера и его формирования. В том же году получает звание профессора, в феврале 1952 года возвращается в Ярославль в качестве директора института и заведующего кафедрой психологии. Нельзя не вспомнить другой эпизод, о котором упоминает ученик В.С.Филатова известный ярославский психолог В.В.Новиков: "С.Л. Рубинштейн попал в немилость за прозападническую линию, и его сектор в Институте философии АН СССР был разогнан. В.С. Филатов взял аспирантов своего учителя в Ярославский пединститут, где они благополучно учились и работали по 2 – 3 года. Всю оставшуюся жизнь эти аспиранты, евреи по национальности, с огромной благодарностью вспоминали директора института. Среди них потом оказалось несколько выдающихся психологов" [24, с.310-311].

В октябре 1954 года В.С.Филатов отправляется в длительную (по август 1956 года) командировку в Китай, где работает советником

Министерства просвещения КНР по высшему образованию, где оказывает помощь не только в развитии педагогических вузов Китая, но и, что особенно важно подчеркнуть, развертыванию научно-исследовательской работы и подготовке научно-педагогических кадров.

Два года в Китае. За это время В.С.Филатов проделал значительную работу по передаче советского опыта по высшему педагогическому образованию и оказал активную практическую помощь в перестройке учебно-организационной и учебно-методической работы педвузов КНР. В.С.Филатов писал в "Учительской газете" в 1956 году: "До образования Китайской народной республики в стране не было специальных высших учебных заведений. Подготовка учителей проводилась на гуманитарных факультетах университетов и в различного рода религиозных институтах, при этом в совершенно незначительных масштабах (число обучавшихся не превышало 12 тысяч). К началу 1956 года в 42 педагогических и учительских институтах нового Китая обучалось уже около 65 тысяч человек, а в 632 педагогических училищах - 370 тыс. учащихся. В 1956 году вновь открыто 13 педагогических высших учебных заведений (главным образом учительских институтов) и принято более 60.000 студентов., то есть количество учащихся в педагогических вузах только за один год увеличилось почти в два раза. В ближайшей пятилетке (1957-1962 гг.) число студентов в педагогических и учительских институтах вырастет в три раза, а в педучилищах в два раза" [31, с.3].

В целях изучения состояния и перспектив дальнейшего развития высшего педагогического образования, а также оказания консультативной непосредственной помощи на местах В.С. Филатов принял активное участие в инспектировании 19 педагогических и учительских институтов. В.С.Филатовым была оказана большая помощь министерству просвещения в решении вопроса об упорядочении существующей сети педвузов (по факультетам и специальностям), перспективном планировании, в развертывании научно-исследовательской работы и подготовке научно-педагогических кадров для китайских педвузов. В.С.Филатов принял деятельное участие в подготовке и проведении четырех Всекитайских конференций конференций и совещаний по вопросам культуры и просвещения, на которых выступил с докладами о задачах и путях улучшения дела высшего педагогического образования [1, л. 88].

За время работы в Министерстве просвещения КНР Филатов сделал большое количество докладов для работников аппарата главного управления высшего и среднего педагогического образования, для руководящего состава и профессорско-преподавательских коллективов педвузов по вопросам учебно-методической и научно-исследовательской работы, прочитал ряд лекций по актуальным проблемам философии и психологии. Часть этих материалов опубликована в трех изданиях на китайском языке. Проводил совещания с советскими специалистами, работающими в КНР [1, л. 88].

Не подлежит сомнению, что В.С.Филатов много сделал для развития высшей школы и науки в Китайской Народной Республике. Также несомненно, что сам В.С.Филатов, планируя и организуя учебно-методическую и научно-исследовательскую работу по психологии, философии и педагогике, приобрел бесценный опыт, который, как мы увидим, успешно использовал при создании ярославской психологической школы.

Не подлежит сомнению, что глава научной школы должен быть авторитетным ученым, автором научных трудов. Остановимся кратко на основных этапах научной деятельности профессора В.С.Филатова. Первые публикации В.С. Филатова посвящены экспериментальному исследованию речи (1931). Эти работы относятся к ставропольскому этапу работы ученого. Эти исследования были обобщены в кандидатской диссертации "Речь школьника", защищенной в 1941 году в Ленинграде под руководством С.Л.Рубинштейна. В.С. становится кандидатом педагогических наук (по психологии). В тридцатые годы В.С.Филатов публикует также конспект лекций по психологии для студентов (Ставрополь, 1933), а также работу, посвященную социальному развитию личности в свете задач коммунистического воспитания (Калинин, 1935).

Сороковые годы по понятным причинам оказались не богатыми на публикации. Но отметим, что в 1948 году написана важная статья "Ушинский о воле и ее воспитании". Эта статья значима не только тем, что рассмотрен важный вопрос о взглядах Ушинского на волю. Сам Филатов предстает в этой работе как зрелый историк психологии, а анализ методологии Ушинского позволяет сформулировать идеи, которые будут заложены в основание будущей научной школы. К 1950 году оформляется рукопись "Учение о характере и его формировании в условиях социалистического общества", которая двумя годами позже будет защищена в Институте философии АН СССР как докторская диссертация по философии. Консультантом, как уже отмечалось, был С.Л.Рубинштейн. В 1953 году в сборнике трудов Института философии АН СССР "Учение И.П.Павлова и философские вопросы психологии" публикуется работа Филатова "Психология характера в свете павловского учения о высшей нервной деятельности".

Также в 1950-е годы публикуется ряд статей, посвященных различным аспектам формирования характера. В 1960-е годы в работах В.С.Филатова появляются новые мотивы: ряд публикаций по психологии труда, профориентации, научной организации труда, публикуются монографии о формировании характера и личности в труде (1962, 1965), проблемам социальной психологии (1965, 1970), детской психологии. Заслуживает быть отмеченной глава в учебнике по психологии для заочников "Личность и ее направленность" (1967) и соавторство в программе по психологии для педагогических институтов (1965, 1967) (соавторами выступили известные советские психологи В.И.Селиванов и Н.Ф.Добрынин). Несомненно, это признание авторитета ученого.

Напомню, что в СССР программы были обязательными для всех многочисленных педагогических институтов РСФСР и всех союзных республик.

Как уже было отмечено, в 1948 году В.С. Филатов публикует большую статью, посвященную анализу взглядов К.Д.Ушинского на проблему воли. Подчеркнем, что это работа, выполненная на высоком уровне, которая убедительно свидетельствует, что В.С.Филатов является специалистом по истории психологии. Отметим, что обычно его вклад ограничивается общей психологией, психологией труда, социальной и педагогической психологией. Как будет сказано ниже, с подходом Ушинского В.С.Филатов связывает особые надежды. Для педагогического института антропологический подход, развиваемый К.Д.Ушинским, может послужить основанием для развертывания научных исследований в области психологии. В.С.Филатов хорошо понимает, что для подготовки учителей требуется такая психология, которую можно использовать на практике.

К сожалению, в рамках настоящей статьи нет возможности проанализировать работу В.С.Филатова подробно (хотя это представляется и интересным и полезным), поэтому остановимся только на некоторых моментах.

В.С.Филатов подчеркивает, что, согласно Ушинскому, воспитатель должен стремиться узнать человека, каков он есть в действительности, со всеми его слабостями и во всем его величии. Филатов начинает с методологического анализа: "Ключом к единственно правильной и объективной оценке методологической концепции Ушинского как психолога может служить характеристика того пути, по которому шел Ушинский в своих исследованиях" [30, с. 75]. Анализируя идеи Ушинского, Филатов приходит к выводу, согласно которому "для психологической системы Ушинского характерно стремление познать и объяснить факты в соответствии с педагогической наукой и практикой воспитания и обучения" [30, с. 75]. Обсуждая очень актуальную для конца сороковых годов XX столетия тему о материализме и идеализме в учении Ушинского, В.С.Филатов делает мудрое заключение: "По существу, как нам кажется, было бы более правильным и плодотворным заниматься не рассуждениями о причислении Ушинского к тому или иному философскому лагерю, а объективно, в соответствии с задачами современной науки, вскрывать и разрабатывать прогрессивные стороны его психологической системы, одновременно также вскрывая и ее недостатки. Дело заключается в конечном счете, не в классификации учения Ушинского, а в умелом, то есть критическом использовании его богатейшего педагогического наследства. Одно должно быть ясно при этом: Ушинский был великим искателем как в области философии, так и в области теории воспитания. Он ошибался, но исал, оступался, но шел вперед, заблуждался, но неуклонно стремился к истине", - для своего времени он был великим просветителем и прогрессивным деятелем" [30, с.

77]. Не имея возможности дать полный анализ работы Филатова, обратим внимание на то, что В.С. подробно обсуждает новаторство Ушинского в трактовке души: не сознание составляет, по Ушинскому сущность души, а "врожденное стремление к деятельности, к жизни, для которого и самое сознание служит только одним из средств" [30, с. 75]. Скажем только, что обычно исследователи- ушинковеды этот момент упускают.

Оценивая подход Ушинского, В.С.Филатов отмечает: "Величие Ушинского как педагога и психолога, смелого новатора в области науки, заключается в том, что он в своей педагогической системе блестяще осуществил принцип гармонического сочетания психологической теории с педагогической практикой" [30, с. 100].

Филатов заключает: "Ушинского можно смело назвать основоположником русской научной (и особенно педагогической) психологии, стоящей на уровне русской передовой мысли того времени и на более высоком уровне, чем современная западно-европейская психология. "Говорить, что автор "Человека, как предмета воспитания" стоит на высоте западноевропейской науки, - писал известный педагог и психолог Блонский, - значит говорить об Ушинском слишком сдержанно, он стоял на самых крайних высотах, лицом обращенный на правильный путь грядущей педагогики" [30, с. 101].

Еще раз подчеркнем, что эта идея Ушинского, "принцип гармонического сочетания психологической теории с педагогической практикой" была положена в фундамент методологии ярославской школы. Отметим, что это в традиции Ушинского - продумать методологию, а потом ее реализовывать.

По возвращении из Китая в августе 1956 года В.С. Филатов снова назначается директором Ярославского государственного педагогического института и профессором кафедры психологии и педагогики (после отъезда Филатова в Китай кафедра психологии была снова соединена с кафедрой педагогики). Создается впечатление, что тогда в провинциальном вузе кафедра создавалась исключительно "под человека". В ноябре 1959 года кафедра психологии становится самостоятельной и в этом качестве существует до настоящего дня. пишет: "Величие Ушинского

С 1956 года начинается целенаправленная работа В.С.Филатова по созданию ярославской школы. Есть основания считать, что ярославская школа именно создавалась ее руководителем, это не был стихийный процесс. Г.А.Мурашев отмечает: "Василий Степанович был талантливым организатором. Как уже отмечалось, с его именем связано создание стабильной современной кафедры психологии пединститута. До него непродолжительные периоды самостоятельного ее существования были связаны с приезжими психологами, работавшими по совместительству. И хотя среди них были серьезные ученые, в истории ярославской психологии их след несравним с филатовским в силу загруженности этих преподавателей по основному месту работы и эпизодичности пребывания в Ярославле" [23, с.34].

По инициативе В.С.Филатова при кафедре открывается аспирантура (1949 год). По свидетельству Г.А.Мурашова (статья написана в начале 1990-х), "за эти годы через нее прошло более 50 человек. Подавляющее большинство выпускников защитили кандидатские диссертации, а многие потом стали докторами наук и профессорами, заведующими кафедрами, деканами факультетов, ректорами вузов. С 1967 года по 1974 год Ученому Совету института было дано право принимать защиту кандидатских диссертаций по психологии. Через этот совет прошли двести аспирантов и соискателей ряда вузов страны" [23, с.34-35]. Тот же Г.А.Мурашов отмечает, что на кафедре у Филатова смена поколений происходит "в оптимальном варианте": "С середины 50-х годов постепенно один за другим уходят психологи поколения, пережившего годы революции и гражданской войны, коллективизации и репрессий 30-х годов, бесконечно тянувшиеся годы Отечественной войны, варварское вмешательство в психологическую науку. Первой из послевоенного поколения психологов на кафедре появилась в 1958 году М.М.Рыбакова. За ней пришли: в 1963 г. - В.В.Карпов, в 1964 - Г.А.Мурашов, в 1965 - А.В.Филиппов, в 1966 г. - Н.П.Ерастов, в 1967 г. - В.В.Новиков, в 1968 - В.Д.Шадриков, в 1969 г. - Ю.К.Корнилов" [23, с. 35-36].

"С их приходом произошел не только количественный рост психологов, но и существенные качественные сдвиги в уровне квалификации. Это связано в первую очередь с оформлением собственного научного направления, на долгие годы определившего область научных исследований в психологии. 60-е годы вообще отмечены быстрым развитием целого ряда направлений в возрастной и педагогической психологии, постепенно начинающих занимать все более важное место в учебных планах пединститутов. Восстанавливается в правах социальная психология, но бесспорным лидером тех лет становятся инженерная психология и психология труда.. Поэтому проблемы психологии труда, трудового обучения и воспитания и воспитания, ставшие во главу угла кафедральных исследований, были весьма актуальны и современны" [23, с. 36].

В 1964 г. в Ярославле создается головная для Министерства просвещения РСФСР лаборатория психологии труда, трудового обучения и воспитания. "Первым заведующим лабораторией стал А.В.Филиппов. Открытие же ее было подготовлено исследованиями В.В.Карпова по сигнальному программированию. Избранное им направление работы в области психологии труда и инженерной психологии, создание необходимой экспериментальной базы, поначалу очень скромной, послужило основой для исследований, проведенных позднее на кафедре ее многочисленными сотрудниками и аспирантами" [23, с. 36].

Не останавливаясь подробно, обратим внимание на происходящие на кафедре изменения:

- Приток молодых и энергичных сотрудников;
- Успешная работа аспирантуры

- Открытие диссертационного совета
- Активная издательская деятельность, издание сборников научных трудов
- Активные контакты с другими вузами и участие в научных конференциях.

"Кафедра становится межвузовским центром психологии и приобретает заслуженный авторитет в этой области... Начиная с 1963 года каждые последующие два-три года здесь состоялись межвузовские, а по существу Всесоюзные и даже международные конференции по проблемам психологии труда, трудового обучения и воспитания. Раз от разу эти конференции становились все более представительными и популярными. В них принимали участие многие ведущие психологи страны: Б.Ф.Ломов, Н.Ф.Добрынин, К.К.Платонов, Е.А.Климов, Д.А.Ошанин, Е.И.Игнатъев, Н.Ф.Талызина, А.В.Петровский, Е.В.Шорохова и мн. другие ученые, психологи из Венгрии и Чехословакии" [23, с. 37].

Как очевидец и участник событий пишет об этом Г.А.Мурашов: "Запомнилась атмосфера всеобщей увлеченности делом. Уже в 7-8 часов утра начинались работы в лабораториях и мастерских кафедры, продолжавшиеся до позднего вечера. Создавались экспериментальные стенды и приборы, шел постоянный приток новых аспирантов, ежегодно защищались диссертации. Бесспорными лидерами в организации хоздоговорных исследований были А.В.Филиппов и В.Д.Шадриков. За ними тянулись другие молодые сотрудники" [23, с. 37].

Важно наблюдение Г.А.Мурашова, работу которого мы уже неоднократно цитировали: "Целеустремленность, огромное трудолюбие и увлеченность позволили многим начинающим психологам, не имевшим базового психологического образования в короткий срок стать квалифицированными профессионалами. Особенно вспоминается дух доброжелательности и взаимопомощи. Практически в каждой диссертации, защищенной в те годы была частица труда коллег диссертанта. В советской психологии, долгие годы излишне абстрагированной, умозрительной и "зафилософствованной" происходили живительные перемены. Это служило поводом для азартных жарких дискуссий и споров, когда подвергались сомнению устоявшиеся концепции и авторитеты" [23, с. 37].

В 1970 году начинается новый этап. "В 1968 году уезжает в Москву А.В.Филиппов. В 1970 В.С.Филатов, В.В.Новиков, М.М.Князев и В.Д.Шадриев переходят в создаваемый Ярославский государственный университет (и по существу являются основателями нового факультета психологии). В 1971 к ним присоединяется Ю.К.Корнилов, в 1974 - Н.П.Ерастов" [23, с. 38].

Впрочем, это уже новый этап развития школы. К 1970 году школа уже несомненно существует. Исследование становления ярославской психологической школы было проведено А.В.Карповым [5]. Ученый

ставит перед собой важные и сложные задачи, отмечает, что наиболее принципиальным является вопрос о правомерности самого термина "школа" к ярославской психологии; варианты его решения, как отмечает автор, варьируют в очень широком диапазоне. На одном полюсе - мнение о том, что ярославская психологическая школа (ЯПШ) возникла как бы сразу, причем в разнообразии традиций, черт, главной из которых является ее прикладная психологическая направленность. На другом полюсе - мнение, согласно которому нет необходимости говорить о школе, но о комплексе "работ территориально-определенной группы психологов". Карпов отмечает, что второй вариант "неконструктивен и очевидно неадекватен", тогда как первый требует оценки [5]. А.В.Карпов приходит к выводу, что "ее (школы - В.М.) развитие и особенно возникновение было сопряжено с существенными тенденциями и проблемами. Не видеть их и не оценивать по достоинству огромных усилий первых ярославских психологов по их преодолению - означает радикально принижать их вклад в развитие психологической науки. Можно сказать и резче: вся история ЯПШ, все основные этапы ее развития - это и есть постоянное преодоление трудностей разного плана и уровня, определение ее самости и специфичности, завоевание статуса именно как школы" [5, с.6].

В становлении школы А.В.Карпов выделяет три этапа: каждый из трех этапов охватывает приблизительно одинаковый интервал времени - около 15 лет. "Первый из них можно было бы условно обозначить как эпоха становления первых учителей (середина 50-х - 70-е гг. XX в.). Именно в это время происходят наиболее радикальные изменения статуса психологии в Ярославском научном сообществе, в отношении к ней, в ее организационном оформлении и, что главное, - в качестве самих научных исследований, а также в плане кадрового обеспечения. За небольшой для развития науки срок психология трансформировалась из сугубо "вузовско-педагогической" дисциплины в самостоятельную сферу научной деятельности, что логически завершилось ее институциональным оформлением - созданием вначале отделения, а затем - факультета психологии Ярославского университета" [5, с.7].

Нас интересует собственно возникновение школы, которое связано с деятельностью В.С.Филатова, поэтому мы в настоящей статье сосредоточились на первом этапе ее возникновения. Настоящая статья не является теоретическим трудом, а имеет описательный характер. Тем не менее нельзя не согласиться с А.Л.Журавлевым в том, что важна проблема критериев возникновения нового качества, будь то отрасль психологии или научная школа. Как справедливо отмечает А.Л.Журавлев, в обсуждении исторических вопросов "уместно поставить и более общий вопрос - о науковедческих критериях рождения (возникновения, начала) той или иной отрасли науки, в данном случае социальной психологии. Среди, бесспорно, многих возможных критериев должны выделяться основные (или главные), а, может быть и только главный. При таком понимании хочется выделить следующий критерий: проведение специального (то есть

по предмету новой отрасли) *теоретического или эмпирического исследования*. и оформление его результатов в виде *отдельного научного издания*. В данном случае речь идет, фактически, не о нескольких, а об одном критерии, который, однако, двояко выражается: в содержании - через выполненное исследование, соответствующее предмету социальной психологии, и в отчужденной форме - через отдельное научное издание. включающее результаты проведенного исследования" [2, с.39].

Прежде всего отметим, что надо дифференцировать, является сам акт создания целенаправленным или стихийным. Скажем, акция В.Вундта по обоснованию физиологической психологии как самостоятельной науки была вне всяких сомнений осознанной и хорошо спланированной. Что касается "случая В.М.Бехтерева", описываемого А.Л.Журавлевым, то, представляется, что ученый решал предметные вопросы, а возникновение самостоятельной дисциплины было скорее "побочным продуктом".

В случае В.С.Филатова, можно полагать, мы имеем целенаправленную деятельность лидера. Прежде всего речь идет о создании и сплочении лидером-руководителем малой группы, в которой формируется ценностно-ориентационное единство, специальное внимание уделяется сплоченности группы, формированию позитивного социально-психологического климата.

Эффективности создания группы (ядра школы) способствуют условия, которые можно зафиксировать в исследуемом случае:

- Наличие у лидера-организатора харизмы;
- наличие авторитета,
- наличие опыта,
- наличие интеллектуальных возможностей,
- наличие возможностей предложить базовую платформу для проведения первых исследований,
- наличие организационных возможностей,
- наличие навыков руководства,
- наличие программы развития школы,
- необходимы ученики, сподвижники, представители разных поколений (представители старшего поколения как носители ценностей).

Обо всем выше было сказано, по возможности приводились свидетельства очевидцев и современников. В пояснении нуждается, очевидно, тезис о базовой платформе. Первоначально базовую платформу составлял антропологический подход, основы которого были заложены еще К.Д.Ушинским, применительно к деятельности учителя и задачам его подготовки переосмыслено и конкретизировано лидером школы (1948, 1965, 1968). В том же сборнике имеется статья старейшего доцента кафедры И.М.Цветкова (работал на кафедре с 1930 года), посвященная воспитанию трудолюбия у детей (по Ушинскому) [32]. Фактически все преподаватели кафедры имели публикации по психологическим взглядам Ушинского на изучаемый тем или иным автором предмет (В.С.Филатов, И.М.Цветков, В.В.Карпов, Н.П.Воронин, Ю.П.Вавилов, Н.П. Ерастов,

Г.А.Мурашев, А.Г.Поддубный, и др.). Поэтому первоначальной платформой была практико-ориентированная методология и психология Ушинского. Последующий анализ показал, что Ушинского можно считать создателем практико-ориентированной психологии [7], [8].

Это действительно стало "визитной карточкой" ярославской школы - сочетание научности и практической ориентированности¹. В этом отношении прав А.В.Карпов, когда отмечает, что В.С.Филатов вначале возражал против того, чтобы кафедра занималась и вопросами психологии труда, поскольку изначально практическая ориентированность шла от К.Д.Ушинского. И, конечно, как мудрый человек В.С.Филатов очень скоро оценил перспективы возрождающейся в стране после разгрома в тридцатые годы психологии труда и "пробил" организацию лаборатории по этой проблематике.

Вопрос о том, что считать критериями возникновения школы, несомненно важен. В другом месте мы обязательно вернемся к такому обсуждению. Несомненно, что в каждом конкретном случае необходимо учитывать контекст возникновения той или иной научной школы.

Здесь, вероятно, достаточно сформулировать следующие соображения.

Всего скорее на роль критериев могут претендовать какие-то из нижеприведенных:

- общая для школы исследовательская проблематика,
- пространственно-временное единство,
- принципы, характеризующие исследовательский подход в данной школе,
- наличие разных поколений ученых в школе,
- организационные условия - наличие кафедры или лаборатории, института,
- открытие аспирантуры и решение проблемы воспроизводства научных и преподавательских кадров,
- проведение научных конференций,
- издательская деятельность, отражающая продукцию школы,
- признание достижений школы коллегами и научным сообществом.

И нельзя не сказать о В.С.Филатове как человеке. Предоставим слово В.В.Новикову, ученику В.С.Филатова, известному ярославскому психологу (статья 1970 года): "Я думаю, что самой главной и самой лучшей чертой его личности является доброта. Он добр той добротой, которая сочетается с такой же большой требовательностью. И еще, что не менее важно для характеристики нашего профессора — он очень верит в людей, а потом во всем доверяет им. И эти доброта, требовательность и доверие буквально окрыляют всех, кто с ним работает, кто так или иначе с ним общается.

¹ Обратим внимание, что в настоящей статье речь идет только о ранних этапах формирования школы. О других см. подробнее [14-17], [18-22]. О соответствии стандартов формирующейся эпохи см. [9-13].

Вот уже шесть лет я являюсь членом кафедры психологии, которой руководит профессор Василий Степанович Филатов. На моих глазах произошло чудо, за это время кафедра получила известность во всем Советском Союзе, семь учеников Василия Степановича стали кандидатами наук и столько же подготовили кандидатские, а один и докторскую диссертации. Этот успех удивляет буквально всех, и все, кто знакомится с этим, спрашивают: как это произошло?! Что делает В.С. Филатов, чтобы так быстро и так хорошо готовить научные кадры, чтобы так продуктивно работала кафедра?

Я думаю, секрета тут никакого нет. Те три качества личности Василия Степановича, которые я называл, в сочетании с большими знаниями и большой работоспособностью и обеспечивают ему успех. Будучи психологом, Василий Степанович хорошо понимает, что не может быть двух одинаковых людей и не надо ни в коем случае их подравнивать. Поэтому на нашей кафедре все так не похоже друг на друга, и потому на ней такое взаимопонимание, такая согласованность, такая взаимопомощь и такая взаимная требовательность.

Василий Степанович Филатов многое сделал для института, для подготовки высококвалифицированных учителей и преподавателей, для развития той науки, которой он посвятил свою жизнь. Орден Ленина на его груди — яркое признание заслуг этого человека. Но я хорошо знаю, что Василий Степанович, несмотря на свои немолодые уже годы, еще не сказал своего последнего слова» [25, с. 1].

В настоящей публикации мы коснулись лишь ранних этапов формирования ярославской психологической школы и роли в ее создании профессора В.С.Филатова. Несомненно прав А.В.Карпов, отмечающий наличие других этапов, роль в дальнейшем развитии школы Ярославского государственного университета (воссоздан в 1970 году). Впрочем, это уже другие страницы новейшей истории школы.

Литература

1. Архив ЯГПУ. Личное дело № 1291-П.Л.12
2. Журавлев А.Л. Роль В.М.Бехтерева в становлении отечественной социальной психологии [Текст] / А.Л.Журавлев // История отечественной и мировой психологической мысли: ценить прошлое, любить настоящее, верить в будущее: Материалы международной конференции по истории психологии «V Московские встречи», 30 июня – 03 июля 2009 г. / Под ред. Журавлева А.Л., Кольцовой В.А., Олейника Ю.Н.. М.; Изд-во ИП РАН, 2009, с.39-46
3. Ермаков А.М. Ректоры ЯГПУ (1908-2013) [Текст] / А.М.Ермаков. Ярославль: ЯГПУ, 2013. 128 с.
4. Ермаков А.М. Разгром преподавательских кадров Ярославского пединститута в начале 1930-х гг. и его последствия [Текст] / А.М.Ермаков

- // Ярославский педагогический вестник. Научный журнал. – 2001. – № 3 - 4 (28- 29). – С. 135-143
5. *Карпов А.В.* Становление школы (вместо предисловия) [Текст] / А.В.Карпов // Общая и прикладная психология: Хрестоматия. М.- Ярославль: РПО, 2001, с. 3-14
6. *Карпова Т.В., Карпов В.В.* Великий русский педагог-демократ К.Д.Ушинский [Текст] / Т.В.Карпова, В.В.Карпов. Ярославль: Верхне-Волжское издательство, 1975. 135 с.
7. *Мазилев В.А.* Разработка практической психологии: непонятый и неочтенный проект К. Д. Ушинского [Текст] / В.А.Мазилев // **Ярославский педагогический вестник. Научный журнал, № 3, том 2 (психолого-педагогические науки), 2014, с. 191-199**
8. *Мазилев В.А.* К.Д.Ушинский как создатель парадигмы практической психологии: непонятый проект [Текст] / В.А.Мазилев // Образовательная панорама. Ярославская область: пространство образовательных возможностей: Научно-методический журнал, № 1, 2014, с.48-60 .
9. *Мазилев В. А.* Методология современной отечественной психологии [Текст] / В.А.Мазилев //Методология и история психологии. 2008. Т. 3. № 3. С. 9-24.
10. *Мазилев В. А.* Становление метода психологии: страницы истории (метод интроспекции) [Текст] / В.А.Мазилев // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. № 1. С. 61-85.
11. *Мазилев В. А.* Методология психологической науки: проблемы и перспективы [Текст] / В.А.Мазилев // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2007. Т. 4. № 2. С. 3-21.
12. *Мазилев В.А.* О предмете психологии [Текст] / В.А.Мазилев // Методология и история психологии. 2006. Т. 1. № 1. С. 55-72.
13. *Мазилев В.А.* Научная психология: проблема объяснения [Текст] / В.А.Мазилев // Методология и история психологии. 2008. Т. 3. № 1. С. 58-73.
14. *Мазилев В.А.* М.С.Роговин и методологические проблемы психологии / В.А.Мазилев // Проблемы психологии и эргономики, № 3, 2000, с.36-39.
15. *Мазилев В.А.* Слово о Михаиле Семеновиче Роговине [Текст] / В.А.Мазилев // Ярославский психологический вестник. Вып. 17. М.- Ярославль, «Изд-во Российское психологическое общество», 2006, с. 146-151
16. *Мазилев В.А.* М.С.Роговин – философ психологии / В.А.Мазилев // Сибирский психологический журнал, № 24, 2006, с. 32-36.
17. *Мазилев В.А., Слепко Ю.Н.* Психология деятельности: итоги и перспективы [Текст] / В.А.Мазилев, Ю.Н.Слепко // Ярославский педагогический вестник . Психолого-педагогические науки, № 1. – Том II (Психолого-педагогические науки). с. 150-155
18. *Мазилев В.А., Слепко Ю.Н.* В.Д.Шадриков: исследование психологии деятельности человека [Текст] / В.А.Мазилев , Ю.Н.Слепко// Ярославский

психологический вестник. - Вып. 31. - Москва-Ярославль 2014. - 136 - С. 59-68

19. *Мазилев В.А.* Хранитель традиций (Слово о М.М.Рыбаковой) [Текст] / В.А.Мазилев // Ярославский психологический вестник. Вып.7. М.-Ярославль: РПО, ЯрГУ, 2002, с.98-99

20. Мазилев В.А. Николай Павлович Ерастов, профессор психологии (Слово об учителе) [Текст] / В.А.Мазилев // Ярославский педагогический вестник: научно-методический журнал, 2000, № 1, с.194-201.

21. *Мазилев В.А.* Н.П.Ерастов, профессор психологии [Текст] / В.А.Мазилев // Научно-исследовательские материалы по истории российской психологии. Т.2. Ярославль-Тверь, 1999, с.102-112

22. *Мазилев В.А.* Homo succedant: несколько штрихов к портрету В.Д.Шадрикова [Текст] / В.А.Мазилев // В.Д.Шадриков. Фундаментальный ученый. Талантливый руководитель. Творец эпохи. Кострома: КГУ, 2014, с. 14-26

23. *Мурашев Г.А.* Из истории Ярославской психологии [Текст] / Г.А.Мурашев // Психологический пульс Ярославля / Под ред. В.В.Новикова. Москва; Ярославль: МАПН, 1998, с. 21-47

24. *Новиков В.В.* Мой главный учитель (Василий Степанович Филатов) [Текст] / В.В.Новиков // Социальная психология и экономика. избранные произведения в 12-ти томах. т. 12. Ярославль: МАПН, 2005. с. 305-311

25. *Новиков В.В.* Кавалер ордена Ленина / В.В.Новиков // «За педагогические кадры» , 22.04.1970 г., с. 1

26. Профессора ЯГПУ (1908-2008): Биографические очерки. [Текст] / Составитель А.В.Еремин. Ярославль: ЯГПУ, 2008. 220 с.

27. *Сорокина М.Ю.* Четвериков Иван Пименович / М.Ю.Сорокина // Российское научное зарубежье: материалы для библиографического словаря [Текст]. – Вып. 2. [Пилотный]: Психологические науки: XIX – первая половина XX в./ Под ред. Н.Ю. Масоликовой, М.Ю. Сорокиной. - М.: Дом Русского Зарубежья им. А.И. Солженицына, 2010. . – С. 104-105

28. *Стоюхина Н.Ю.* Изучение истории психологии как компонент развития гражданской идентичности студенчества [Текст] / Н.Ю.Стоюхина // Дополнительное профессиональное образование в условиях модернизации: материалы седьмой всероссийской научно-практической интернет-конференции (с международным участием) / под науч. ред. М.В.Новикова. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2015, с. 227-239

29. *Ульянкина Т.И.* «Дикая историческая полоса...». Судьбы российской научной эмиграции в Европе (1940-1950). [Науч. ред. И.Н. Толстой, предисл. проф. Е.Л. Магеровского] [Текст] / Т.И.Ульянкина. –М.: РОССПЭН, 2010.

30. *Филатов В.С.* Учение Ушинского о воле и ее воспитании [Текст] / В.С.Филатов // Ученые записки. Педагогика и психология. Ярославль: ЯГПИ, 1948. Вып. 13(23). с. 75-101

31. *Филатов В.С.* Китайская школа на новых путях [Текст] / В.С.Филатов // Учительская газета, 29.09.1956, с.3

32. *Цветков И.М.* Воспитание трудолюбия у детей (по Ушинскому) [Текст] / И.М.Цветков // Ученые записки. Педагогика и психология. Ярославль: ЯГПИ, 1948. Вып. 13(23). с. 105-129

33. *Четвериков И.* К организации центральной психологической лаборатории в Ярославле [Текст] / И.П.Четвериков // Наш труд. – 1924. - No 7. – С. 44- 45.

В.А. Мазиллов , Н.Ю. Стоюхина (Ярославль, Н.Новгород, Россия)

Д.И. РЕЙТЫНБАРГ КАК ОСНОВАТЕЛЬ ПСИХОЛОГИИ ВОЗДЕЙСТВИЯ В СССР

Аннотация. В статье дается характеристика советской психотехники и ее яркого представителя - психотехника 1920-1930-х гг. Д.И. Рейтынбарга, специалиста и основателя психологии воздействия. Начало его научной деятельности было связано с методологическим и методическим обоснованием новой для советской науки области – психологии рекламы. В дальнейшем он перешел к изучению воздействия через плакат по технике безопасности труда, предложив множество методов для изучения его эффективности.

Ключевые слова. Психология воздействия, психотехника, психология рекламы и плаката, изучение эффективности воздействия.

Abstract. The authors talks about psychotechnics of 1920-1930? D.I. Reytynbarge, specialist and founder of the psychology of influence. Beginning of his scientific activity was devoted to methodological base for the new Soviet science - psychology of advertising. Later, he went on to study the impact through Industrial Safety Poster, offering a variety of methods to study its effectiveness.

Keywords. Psychology of influence, psycho, psychology and advertising posters, study of the effectiveness of exposure.

История отечественной психологии XX столетия, несмотря на то, что хронологически отстоит не так уж далеко от наших дней, еще скрывает немало загадок, лакун, белых пятен [5, 6, 27, 28]. Причины этого хорошо известны, не станем здесь их анализировать. Отметим только, что наибольшая концентрация белых пятен приходится на 20-30-е годы минувшего столетия, когда, в частности, интенсивно развивалась, а потом

фактически прекратила свое существование отечественная психотехника. Богатую пищу для размышлений и сопоставлений дает книга Н.С. Курека, в которой выявлены очевидные параллели между историей психотехники в СССР и Германии (История ликвидации педологии и психотехники в СССР. 2004). Очень важно, что о психотехнике очень часто говорят в целом, не выделяя вклад отдельных ученых, не описывая биографические данные ученых, что, несомненно, тормозит научное освоение этого важного для истории психологии материала.

В истории отечественной психотехники 1920-1930-х гг. выделяются несколько фигур, имевших, безусловно, ключевое значение для развития отрасли. Это И.Н. Шпильрейн, С.Г. Геллерштейн, Д.И. Рейтынбарг, А.М. Мандрыка, Н.Д. Левитов, А.А. Толчинский, П.А. Рудик, И.Н. Дьяков и пр. У нас до сих пор нет возможности подробно познакомиться с судьбой даже заметных исследователей-психотехников. Число индивидуальных биографий, как ни удивительно, единично: замечательный исторический очерк об основателе психотехнике – И.Н. Шпильрейне, статьи о С.М. Василейском, А.А. Гайворовском, С.Г. Геллерштейне, И.Н. Дьякове, А.П. Нечаеве, Н.В. Петровском и словарные статьи в тех немногих словарях, где история психологии раскрыта «в лицах».

Давид Исаакович Рейтынбарг (1899-1977) – «русский психолог, специалист в области психологии труда, психологии воздействия» [4] – ученый, безусловно, заслуживающий широкого освещения своей научной биографии и драматической судьбы. Психология воздействия была одним из направлений психотехники, изучавшая разнообразные возможности психологических средств, содействующих практике влияния на людей – как на исполнителей работы, так и на потребителей товаров [24]. Д.И. Рейтынбарг руководил «разработками, направленными на выявление эффективности визуальных способов воздействия (плакатов) в целях профилактики производственного травматизма и аварийности» [4] в Московском Институте охраны труда. Частично это направление в деятельности ученого мы уже освещали [24, 25], но в данной статье хотелось бы остановиться на многогранной психотехнической деятельности Д.И. Рейтынбарга – основателе психологии воздействия и психологии рекламы в СССР.

Теплые, сердечные воспоминания о Давиде Исааковиче Рейтынбарге в своей книге оставила его дочь – Прима Давидовна [23].

Он родился в Ровно (Украина) в семье служащего, мать вела домашнее хозяйство. Давид был старшим сыном, были еще сестра и брат. По окончании городского училища, затем гимназии в Екатеринославе (сейчас – Днепропетровск), учился в педагогическом институте (там же), где, по словам П.Д. Рейтынбарга, познакомился с С.Г. Геллерштейном, ставшим его коллегой и другом на всю жизнь. Первым рабочим местом стала колония для беспризорных еврейских детей в подмосковной

Малаховке, где Рейтынбарг был учителем². Там он познакомился со своей будущей женой – Нехамой Самуиловной Геллер, тоже учительницей. Жительница г. Ковно (Каунас), одна из семи братьев и сестер, она получила хорошее образование для девушки – учительница рукоделия. Как отмечает Прима Давидовна, родители как педагоги были последователями педагогических идей С.Т. Шацкого.

В Москве семья жила на Никитском бульваре, д. 15, но у каждого из родителей была своя жилплощадь – крохотные комнатки в разных квартирах, комната Д.И. Рейтынбарга была в квартире 7. Дочь ходила к отцу в гости, там всегда было интересно; к тому же он хорошо пел, знал и любил еврейский язык, вообще, придавал большое значение знанию иностранных языков и хотел, чтобы его дочь каждый день слышала дома и говорила на разных языках, был очень работоспособен, дружил со многими психотехниками (И.Н. Шпильрейном, С.Г. Геллерштейном, В.М. Коганом, Ю.И. Шпигелем, А.А. Нейфахом, А.И. Розенблюмом).

Свою профессиональную деятельность Давид Исаакович начал в 1923 г. в качестве внештатного сотрудника Лаборатории промышленной психотехники НКТ СССР, которой руководил И.Н. Шпильрейн, в дальнейшем, с 1925 по 1935 г., заведовал Кабинетом по борьбе с промышленным травматизмом в Московском институте охраны труда [4].

Одна из близких знакомых семьи Рейтынбаргов оставила словесный портрет Давида Исааковича: «Сутулый, невысокого роста, с выпуклыми серо-зелеными глазами, опущенными рыжевато-белесыми ресницами, с вольтеровски-ироничным выражением рта, который всегда был готов к улыбке. Давид даже внешностью выделялся в компании. В основе, конечно, лежало его необычайное обаяние, талант общения с людьми. Давид прямо-таки излучал незаурядность. Энциклопедист, всезнайка, он любил щегольнуть эрудицией и делал это с блеском. О чем бы Давид не говорил, это всегда было интересно, ярко, во всем чувствовалась работа мысли» [23, с. 115].

Первая статья Д.И. Рейтынбарга, которую мы находим, посвящена сравнительному анализу организации профпригодности в Германии и в СССР. Он критикует Г. Мюнстерберга за слова о нейтральности психотехники, т.к., по его мнению, жизнь показывает ошибочность такой постановки вопроса: «никакая другая наука не нейтральна, поскольку она имеет дело с живыми людьми. А тем более психотехника – испытание профессиональной пригодности рабочих, лежащая на самой грани межклассовых отношений» [11, с. 158].

² В 1919 г. педагог Б. Шварцман на базе уже существующих в Малаховке детских домов организует детскую колонию с сельскохозяйственным уклоном под названием «Третий интернационал». Ей были выделена земля для сельхозработы, которая становится обязательной для колонистов, также дети сами готовили пищу, делали ремонт своих помещений, организовывали свой быт. Все – и взрослые и воспитанники – обращались друг к другу «товарищ», на «ты». В колонии были опробованы методы, в скором времени признанными передовыми (например, А. Макаренко). В настоящее время Малаховская колония больше известна в связи с тем, что в ней работал учителем рисования М. Шагал и музыкант, основатель тель-авивской консерватории Ю. Энгель.

Д.И. Рейтынбарг представляет психотехническую работу в СССР, состоящую из 1) научно-методической работы, учитывающей весь местный научный опыт, экспериментально-психотехнические достижения, составление профессиональных карточек, публикации проработанного материала; 2) практически-организационной работы, где в жизнь внедряются достигнутые результаты и доводится до различных лабораторий единый план работы. Важными являются вопросы о связи психотехники со школой, о подготовке самих работников-психотехников, о пропаганде самой науки через публичные лекции, брошюры, выставки, периодические издания, перевод иностранной литературы [11].

Пожалуй, эта короткая статья – единственная по общим вопросам психотехники в рассматриваемый период, но нельзя не упомянуть в этом аспекте о рецензиях Д.И. Рейтынбарга на самые значительные книги ученых-психотехников, известных во всем мире (Г. Мюнстерберг, Ф. Баумгартен, Г. Э. Бэрд, Г.А. Кристиен, Г. де Ман).

В дальнейшем Д.И. Рейтынбарг сосредоточится на психологии воздействия через рекламу и плакаты.

Впервые интерес к психологии рекламы у Рейтынбарга обозначился в хрестоматии по организации труда «Организационный труд», написанный для внешкольного чтения, где в разделе «психотехника» он дает общее понятие психотехники рекламы через короткие тексты: «Условия успешности рекламы», «Воздействие на чувство», «Воздействие на память», «Воздействие на волю», «Условия действия рекламы» [22].

В этом же, 1925 г. появляются его небольшие заметки о рекламе. Например, в докладе, прочитанном на заседании сотрудников психотехнического отдела Государственного института экспериментальной психологии и психотехнической секции Государственного института охраны труда (май 1925 г.), он делится опытом «летучего опроса» – «простейшем эксперименте» со слушателями курсов НОТ при постоянной показательной выставке ВСНХ и таких же курсов МГСПС (Московского городского совета профессиональных союзов) [15, 16]. Курсанты в течение 3 минут писали по два названия рекламы, вспоминая без усилий. В статье отчетливо слышится романтический энтузиазм молодого ученого (ему всего 26 лет), когда он замечает, что этот опрос – «начало для регулярного изучения возмездного эффекта нашего рекламирования» [15, с. 67].

По форме наиболее выгодны «рекламы звучащие», так называет Д.И. Рейтынбарг стихотворные строки, далее – лозунги, плакаты, вывески, похожие на плакаты, и афиши. Газетная и журнальная реклама запоминается, если она оригинальна. Автор делает выводы: дифференцировать рекламу, приспособив ее к той группе населения, для которой она предназначена, для чего следует изучать различные социальные группы потребителей; продвигая товар к потребителю, больше использовать рекламу кино; насытить рекламой окраину, а не ждать, что потребитель поедет за рекламой; объединить методически работу по

общественно-политическому и торгово-промышленному воздействию. Он предлагает создать хозрасчетную организацию для изучения эффективности рекламы, и ей могла бы стать, например, опытная станция при каком-нибудь культ- или хозучреждении с быстрой выгодой [16].

Рейтынбарг рассматривает газету как наиболее распространенную форму общения власти и народа, «коллективный пропагандист, агитатор, политический воспитатель, коллективный организатор», несущую функцию информационного и эмоционального удовлетворения читателя. Различные определения газеты во многом совпадают с определениями рекламы, «перед нами внутренне однородный тип деятельности, цель которой – известное воздействие, направленное на определенный объект – группу или массу людей» [9, с. 25]. Психологическая цель газеты – это привить читателю известную систему оценок и отношений к окружающему его миру явлений, главным образом общественного порядка, что совпадает с определением идеологической рекламы. Газету можно изучать с разных сторон: социологической, технической, организационной, экономической, и психотехнику открываются большие методологические возможности, еще мало использованные для изучения прессы, для изучения политико-культурного воздействия, при исследовании психотехнического подхода к газете: нужно обратить внимание на процессы, происходящие между газетой – суммой воздейственных средств, и читателем – объектом этого воздействия.

Не обошел вниманием Д.И. Рейтынбарг те короткие тексты – «микроскопические элементы плаката» – которые могут усилить эффект воздействия, а могут поставить потребителя в тупик своим смысловым несоответствием [14]. Проанализировав надписи на русском (революционном), немецком и американском (по пропаганде охраны труда и безопасности) плакатах и размеры этих надписей, автор выяснял оптимальные: средний размер надписи на плакате; синтаксический строй надписи (типы соединений предложений, чередование синтаксических элементов, состав предложений); размер плаката; красочность плакатов; расположение надписи относительно рисунка; внутренний смысл надписей. По результатам исследования Д.И. Рейтынбарг утверждает, что есть максимальный объем внимания, равный 4-5-6 элементам; примерная формула надписи в плакате: 1-2 предложения; 1-6 слов, или 3-15 слогов, или 5-30 букв [14, с. 46]. Вопрос изучения внутреннего смысла надписи только намечается им для изучения.

Охватившая мир «эпидемия танца», по мнению ученого, отразилась и на ритмическом оформлении плаката. Ритм, как «универсальнейшее средство для повышения производительности или... уменьшения затраты энергии» [21, с. 59], возможно применить к психологии масс через восприятие ею рекламы, увеличив эффективность, т.к. затраты пока не оправдываются. Ритмическое оформление рекламы возможно, если «в каждом случае найти систему колебаний, которая могла им покрыть все составляющие рекламу элементы» [21, с. 60]. Надо заметить, что Д.И.

Рейтынбарг не предлагает что-то принципиально новое (в чем и признается), т.к. принцип ритма был известен еще издавна. Смысл своей работы автор видит в том, что «он впервые применил этот принцип и практически его осуществил в специальной области рекламы. Ритм повышает производительность. Восприятие рекламы — работа. Значит, и производительность этой работы может быть повышена, если рекламу оформить ритмически» [21, с. 60].

Одно из направлений психологии воздействия – психология рекламы – набирала силы, о ней писали психотехники А.А. Гайворовский, И.Н. Дьяков, психологи А.Б. Залкинд и В.И. Смирнов, инженер М.А. Мануйлов, искусствоведы В.П. Полонский и Я.А. Тугендхольд и др., поэтому закономерно, что в августе 1927 г. в Москве на территории сельскохозяйственной выставки открылась «Полиграфическая выставка» со специальным отделом рекламы и пропаганды, к его устройству привлекли членов Ассоциации работников рекламы при ДOME печати (АРР).

Сама по себе Ассоциация работников рекламы при ДOME печати была связана с Обществом работников научной организации труда Москвы, Кабинетом по изучению рекламы и пропаганды при Государственной академии художественных наук и Центральным музеем охраны труда и социального страхования Москвы. О том, что состоялось организационное собрание АРР в Москве, был помещен отчет в майском номере журнала «Die Reklame» – печатном органе Союза германских работников рекламы.

В Центральном музее охраны труда и социального страхования проходили экскурсии для членов АРР, слушались доклады работников музея о постановке пропаганды охраны труда и безопасности в СССР. В Совете съездов торговли и промышленности состоялся доклад т. Дрюбина (АРР) о социально-экономических предпосылках капиталистической и советской рекламы. Присутствовали на докладе и принимали участие в прениях представители торговых и промышленных организаций. Постановлено: 1) вопрос о рационализации рекламы подвергнуть подробному рассмотрению; 2) создать при Совете съездов специальную конвенцию по вопросам рекламы. На объединенном заседании АРР с Кабинетом рекламы и пропаганды ГАХН было заслушано сообщение Д.И. Рейтынбарга «Ритм и резонанс как экономический принцип в рекламе (работа Паули, Германия)». С критическими замечаниями об учении Паули выступили: проф. М.А. Рейснер, Н.А. Попов, В.Ю. Гаус, Б.Н. Познанский, В.М. Каабак, Ю.Н. Халтурина, Д.И. Рейтынбарг и др. Постановили подробный протокол заседания послать в Германию самому Ф. Паули.

В 1928 г. выходит три книги о труде пожарных: «Изучение профессии пожарного» (в соавт.), «Полундра. Жизнь пожарных», «Труд и утомляемость пожарных», две из которых написаны Д.И. Рейтынбаргом. Такое детальное изучение опасной профессии, нам кажется, сыграло значительную роль в дальнейшей деятельности ученого, когда он посвятил себя пропаганде технике безопасности в различных профессиях.

В 1929 г. Д.И. Рейтынбарг предпринимает важный методический шаг, публикуя библиографический список литературных источников по рекламе и пропаганде безопасности труда [13] из 92 источников на русском языке и 409 – на иностранных, заодно проясняя основные термины. Ученый выделяет три группы подходов к понятию «реклама»: первая, идущая от самих работников рекламы, ориентирована на практическую или теоретическую установку автора, на объем понятия; вторая – определения частно-психологические, указывающие на один психофизиологический механизм, к которому адресуется реклама и от удачного воздействия на который зависит ее успех; третья, самая правильная, по мнению автора, выдвигающая ряд механизмов, подлежащих воздействию рекламы. Термин «реклама» синонимичен термину «торговая пропаганда»; это самая литературно разработанная область пропаганды. Ядром всей области пропаганды является политическая пропаганда – «наука об организации общественного мнения», с ее важнейшей частью – газетоведением (журналистика), но есть другие виды пропаганды: антирелигиозная, противоалкогольная, санитарно-гигиеническая, пропаганда безопасности (самая молодая отрасль) и т.д. [13].

После Постановления ЦК ВКП (б) «Об улучшении библиотечной работы» в октябре 1929 г., направленного на «формовку» советского читателя, Д.И. Рейтынбарг уделяет большое значение рекламе книги.

В работе о рекламе книги он вводит определение «свободной воздейственной деятельности» – «деятельность, направленную на других людей с целью склонить этих людей добровольно исполнить задачи, которые ставит перед собой субъект воздействия (лицо, учреждение, организация)» [20, с. 55], в отличие от воздействия принудительного – воздействие физическое, гипноз, воздействие законов природы и воздействие государственных законов. Он разделяет понятия «плаката» и «рекламы» (что делали не все) именно при описании воздействия через книгу: под коммерческой рекламой он понимал «преднамеренную деятельность, направленную на группу или массу людей, с целью побудить эту группу или массу приобрести данный товар или воспользоваться предлагаемыми платными услугами» [20, с. 55]; второе определение рекламы – «обозначение совокупности рекламных средств» [там же].

Процесс продвижения книги от издательства, книжного магазина, агентства, библиотеки к покупателю, читателю нуждается во внешней помощи, чем будет воздействие на покупателя, читателя со стороны издательства, библиотеки, со стороны многих других политпросветучреждений. При этом, воздейственные усилия библиотеки наталкиваются на сопротивление «со стороны других источников воздействия, например, пивной, кино и пр., и со стороны самого адресата воздействия» [20, с. 56]. Библиотечное воздействие сможет иметь успех только в том случае, если оно будет интенсивнее, вызовет больше доверия,

чем другие, конкурирующие воздействия. В рамках политической, классовой борьбы, где наивысшей точкой является революция и экономической борьбы с конкуренцией между отдельными предпринимателями в капиталистическом обществе, Д.И. Рейтынбарг призывает применять богатый арсенал политического и коммерческого воздействия. Психотехник также разработал методы учета эффективности библиотечной рекламы (прямые и косвенные), которых в то время не было, как за границей, так и в СССР.

Давил Исаакович был исследовании сотрудников отделения психологии труда и кабинета психологии воздействия Института охраны труда (Л. Бурлюк, С.Г. Геллерштейн, Л. Красновская, Д.И. Рейтынбарг, Ю.И. Шпигель), впервые опубликовавших работу о роли личного фактора в несчастных случаях. Хотя работа носила только ориентировочный характер, она подчеркивала всю важность проблемы и подтверждали необходимость проведения дальнейших экспериментов [1]. На основе обобщения мирового опыта о причинах несчастных случаев на производстве, авторы отметили сохранившуюся тенденцию трактовать вопрос о несчастных случаях в промышленности с технической и статистической точек зрения. Для выбора оптимального варианта борьбы с несчастными случаями необходимо создать классификацию их причин, но нет разработанной методологии изучения причин несчастных случаев.

Впервые вопрос о роли личного или психологического фактора в происхождении несчастных случаев возник в связи с профессиональным подбором на профессии «движенцев»: вагоновожатых, шоферов, железнодорожных машинистов и летчиков. Стремясь найти связь между пригодностью работника к профессии и подверженностью его несчастным случаям, который виделся как прямой индикатор профессиональной пригодности, профессиональный подбор рассматривался как средство борьбы с несчастными случаями. Авторы хотели дифференцировать психологические причины несчастных случаев, когда источник их коренится или в недостаточном развитии у работника некоторых психофизических функций, или в чрезмерной лабильности и неустойчивости ряда психических функций, или, когда «одновременно различные психофизиологические факторы – профессиональная непригодность, профессиональная утомляемость и другие – создают условия, делающие наиболее вероятным факт травматизации» [1, с. 655]. Перед ними стояла задача исследования профтравматизируемости как функции профпригодности и профутомляемости, но в дальнейшем актуальными должны стать «специальные вопросы психологии травматизма: о связи несчастных случаев с ритмом движений, с соотношением скорости и точности движений, о влиянии системы заработной платы на травматизм, о связи травматизма с монотонной работой и т.д.» [1, с. 656].

Таким образом, коллектив психотехников из Института охраны труда данной работой обосновали методологический подход к изучению

травматизма, чем обусловили развитие психологии воздействия в области плаката по технике безопасности (ТБ) и охраны труда (ОТ).

Работая с плакатами по ТБ, Д.И. Рейтынбарг обозначил существующие зарубежные методы изучения эффективности плаката: массовая оценка плаката рабочими и служащими предприятий, экспертная оценка плакатов санитарными или техническими инспекторами, лабораторное изучение, одновременно предложив расширить тематический круг плакатов по безопасности за счет увеличения плакатов, пригодных для всех отраслей промышленности; подбирая темы, используя статистику несчастных случаев, соотносить издаваемые плакаты с реальной частотой и тяжестью несчастных случаев; привлекать работников на местах к конкурсам на проекты плакатов; привлекать самых разных художников-плакатистов, приветствуя самые разные формы: карикатуру, фотографию, лубок и т.д.; согласовывать необходимость темы какого-то плаката с организацией; издавать плакаты на национальных языках; четко просчитывать стоимость плаката; выпускать уменьшенные плакаты в виде марок; выпускать стандартные рамы и доски для плакатов и т.д. [10].

Он провел масштабное исследование на выставке советских и иностранных плакатов по гигиене и безопасности труда, где были показаны плакаты Австрии, Англии, Германии и Голландии, Канады, Норвегии, САСШ, СССР, Франции, Чехословакии, Японии (всего около 700). Выставка проходила в разных местах: в Музее охраны труда, в рабочем клубе им. Кухмистерова, в Политехническом музее, на заводе «Парострой», а также в Иваново-Вознесенске, Шуе, Кинешме и Костроме и проходила в 1929 и 1930 гг. Посетители должны были ответить на вопросы: «Что вы думаете о нашей выставке?», «Плакаты какой страны вам кажутся наиболее удачными?». Мнение публики изменилось за два года: от утилитарного восприятия зрители перешли к конкретным и детальным замечаниям. Автор отметил, что с 1929 г. плакатное дело в СССР начало освобождаться от германского влияния, «влияние иностранной продукции на нашу становится не больше влияния нашей продукции на иностранную». И зрители на выставке отмечают, что «плакаты СССР просты и наглядны», «лучше и понятнее для нас», «русских плакатов плохих нет», «наши плакаты не хуже, но во многом лучше иностранных», «русские плакаты яркие, наглядны, животрепещущи» [17; с. 259].

В 1930 г. вышла книга Д.И. Рейтынбарга «Социалистическое соревнование на снижение несчастных случаев в производстве», где он провозглашает основной принцип соревнования – метод массовой работы, следует привлекать как можно больше народу в это движение за счет премирования рабочих, широкого информирования рабочих о положении дел, интенсивного и постоянного поощрения интереса и контроля ответственными над материалами. «Вообще привлекать и останавливать внимание заинтересованных должно и можно новизной, изобретательностью, остроумием и безусловной художественностью

оформления материала» [2], в то время как зачастую на производствах встречается куча висящих вниз головой плакатов, они не меняются месяцами.

В 1931 г. Д.И. Рейтынбарг – ассистент отдела психологии труда Государственного научного института охраны труда НКТ, НКЗ и ВСНХ СССР (директор института – профессор, врач-гигиенист С.И. Каплун) выпустил уникальную книгу о плакате по технике безопасности труда в СССР и за границей [18], в которой было представлено его диссертационное исследование [23]. Рейтынбарг предлагает уточненное определение плаката, исходя из трех его свойств: «Плакат – произведение изобразительного (включая и фото, и набор) и словесного (может быть одного изобразительного, или одного словесного, или комбинации этих двух видов искусств) искусства, посвященное одной теме и рассчитанное при помощи открытого воздействия практически изменять поведение людей» [18, с. 20]. Есть и другие особенности: четкость изображения, яркость, различимость на расстоянии, объективность, «эпичность» в отличие от лиричности и субъективности картины.

Кроме методологических основ психологии воздействия с применением плаката по ТБ автор дал полный, исчерпывающий обзор методов определения эффективности плаката, в основном, описанных зарубежными специалистами, и впервые обозначил «болеую» точку во взаимодействии заказчика, художника и психотехника, вернее, отсутствие взаимодействия, описал типичные случаи непонимания позиций, обосновал свою позицию на равноценность точек зрения. Д.И. Рейтынбарг писал о стоящих перед создателями таких плакатов задачах: «привлечение к участию в создании плакатов не только художников, но и тысяч рабочих, для которых они выпускаются; популяризация плаката как средства пропаганды; изучение читаемости и понимаемости популярной литературы по безопасности труда, изучение эффективности экскурсий и других форм пропаганды охраны и безопасности труда [18]. Он предложил целый ряд мероприятий в рабочей среде, среди которых первое место по популярности занимают конкурсы на запоминание плакатов, где предлагалось назвать или описать плакаты по безопасности, показанные сотрудниками института на заводе в течение месяца до объявления конкурса. За наибольшее количество названных плакатов и за лучшее их описание была назначена первая премия – 15 руб., вторую – 10 руб., и подарки всем участникам конкурса, независимо от количества плакатов, которые они назовут [12, с. 10]. Особо ценно, что вокруг конкурса создается общественное мнение, о плакатах начинают говорить, интересоваться, и в связи с распределением премий можно созывать большие собрания рабочих и давать на этих собраниях расширенную программу по охране и безопасности труда. На этих собраниях можно поставить доклад, инсценировку, показать кинофильм.

На I Всесоюзном съезде психотехники и психофизиологии труда (20-25.05.1931 г., Ленинград) сотрудница Центральной лаборатории по

профконсультации и профотбору ВЦСПС Э.А. Рахмель, отметив небольшие успехи мировой психотехники, в то же время подчеркнула серьезные достижения советской психотехники, которые все же снижают ошибки некоторых психотехников. Так, работа по пропаганде безопасности по созданию советского плаката в этой области, осуществляемая Д.И. Рейтынбаргом, полностью переносит опыт Америки в советские условия, не делая никаких отличий; теоретические работы по пропаганде безопасности и по плакату не обосновывались, что привело к делячеству и ползучему эмпиризму как системе. Грубые политические ошибки имелись в применении тестов коллизий в армии и школе в разработке вопросов партпросветработы, что заменяло собой область политической массовой работы психотехникой. В вопросы психологии промышленного травматизма переносились «буржуазные теории Марбэ, Гильдебрандта и других, трактующих травматизм как врожденное биологическое качество. Психотехника очень мало сделала для помощи предприятиям в борьбе с травматизмом» [8, с. 175]. Психолог из ГИППа Т.Л. Коган, подводя итоги I Всесоюзного психотехнического съезда, также обвинила Д.И. Рейтынбарга в извращениях марксизма-ленинизма, выразившихся в идеалистическом и формалистическом обосновании вопросов пропаганды техники безопасности: «классовое содержание выхолащивалось, вопросы изучения плаката по безопасности брались чуждые нашей социалистической стройке, без теоретических обоснований и изолированно от политико-просветительных задач. Грань между буржуазным и советским плакатом по безопасности была стерта. Вместо отражения социалистического хозяйства... мы имели значительную часть импортированных буржуазных плакатов» [3, с. 166].

На волне критики была развернута дискуссия, в центре которой стоял вопрос – каким должен быть плакат по ТБ: смешным или страшным? – т.к. трудящиеся «с мест» говорили, что они не будут работать на производстве, опасность которого натуралистично изображена на плакате (такие плакаты были признаны контрреволюционными, мешающими строить социализм). Были инициированы методически интересные эксперименты Д.И. Рейтынбарга и И.О. Макарова (Изучение эффективности положительного и отрицательного (устрашающего) плаката по безопасности, 1931), Г.А. Ротштейна (К вопросу об эффективности устрашающего и неустрашающего плаката, 1931), Ф.Н. Барановского (К вопросу о плакатах по технике безопасности, 1930), которые дали обширный материал по психологии восприятия.

На пороге второй пятилетки собирается I Уральская психотехническая конференция (март 1932), где один из выступающих – Д.И. Рейтынбарг (теперь – работник кабинета психологии воздействия Всесоюзного центрального института оздоровления и организации труда) в своем докладе заявил о коренном пересмотре плаката по охране труда и уже традиционно покаялся в ошибках. Он признал, что пришло время сосредоточиться на «мотивах производственного поведения и о мотивации

этого поведения плакатом» [19, с. 270], потому что мотивация – та ступень теоретического обобщения, на которую можно и должно поднять изучение плаката, внося в нее элементы классовой борьбы, которые раньше не замечались советскими психотехниками, наши советские плакаты по мотивировке значительно беднее, чем буржуазные; причиной тому «мы не смогли использовать нашего богатейшего арсенала политических, классовых мотивов, мотивов, связанных с новым пониманием труда, с строительством нового общества и созданием нового типа человека» [19, с. 274].

Психотехник предлагает положить в основу дальнейшей работы над плакатом по безопасности труда положения: плакат по БТ не может быть оторван от других средств агитации и пропаганды социалистической трудовой политики, поэтому он должен быть политически острым; плакат по БТ должен подаваться под лозунгом «Усвой технику своего производства»; плакат должен строиться по принципам максимальной инструктивности, покрытия конкретного технического содержания, дифференциального подхода к зрителю; плакаты следует дифференцировать по конкретным отраслям. Были обозначены трудности: оформление тем, техническое содержание которых чрезвычайно примитивно, но важно, организация плакатного дела; гигантская нужда страны в плакате; усвоение опыта капиталистических стран в рациональных организационных формах распространения плаката; исследовательская работа над плакатом должна ликвидировать разрыв между теорией и практикой. Д.И. Рейтынбарг называет следующие исследовательские задачи: подготовка плаката к печати совместно с техником, художником, редактором издательства и с оформителем текста; оформление плаката по ТБ «изображаемая на плакатах обстановка должна говорить о высокой культуре социалистического труда. Плакаты должны внушать гордость и радость, любовь к машине и труду» [19, с. 277]; использование плаката в агитационно-пропагандистской практике (рационализация методов экспозиции, изучение «кривой воздействия», разработка новых способов экспозиции). Но исследовательская практика в плакатной работе сильно задерживалась, потому что специалистов по психологии воздействия мало, и подготовка кадров в этой области не была предусмотрена никакими программами. Д.И. Рейтынбарг предложил включить психологию воздействия в программы курсов по психотехнике и в каждую психотехническую лабораторию, особенно там, где изучают вопросы травматизма, организовать работы по воздействию и учитывать, кроме плаката, и другие средства пропаганды.

В 1935 г. Д.И. Рейтынбарга арестовали по обвинению в контрреволюционной деятельности («знаменитая» статья 58-10) за опубликованную еще в 1928 г. в соавторстве с И.Н. Шпильрейном, Г.О. Нецким книгу «Язык красноармейца» [29], исследования к которой велись по заказу Политуправления РККА, которое хотело иметь представление о том, как влияет язык армейских газет и политических руководителей на

сознание красноармейцев. Для изучения сознания 2500 красноармейцев были составлены тесты, где один ответ из 4-х был правильный. В результате тщательного и статистически значимого анализа стало очевидно «крайне примитивное состояние интеллектуального и образовательного уровня военнослужащих» [23, с. 202]. Но в представленных неправильных ответах тестов власти почудилось двусмысленность и политическая неблагонадежность, или даже более – антисоветские мысли. С 27 января 1935 г. начался трехлетний срок исправительного-трудовых лагерей в Сегежском целлюлозно-бумажном комбинате у Д.И. Рейтынбарга. Как пишет Прима Давидовна, «папе не просто повезло, а сильно повезло» [23, с. 202], так же «повезло» Г.О. Нецкому – он выжил в лагерях, а вот И.Н. Шпильрейн был расстрелян.

Вскоре психотехника окончила свое существование [7]. П.Д. Рейтынбарг видит причину ликвидации психотехники в неоднозначных результатах тестов, применяемых психотехниками, а также «нейтральность» психотехники. Так закончился интересный, плодотворный период работы психотехника Д.И. Рейтынбарга.

Отца своего дочь увидела в 1939 г., в Москве ему жить не разрешили, комнату конфисковали. До самой войны он жил и работал в Красноярске, откуда его вызвал С.Г. Геллерштейн в госпиталь в Кисегач, где они проводили научную и практическую работу по восстановлению трудоспособности инвалидов войны. Множество тяжело раненых, ставшие инвалидами и калеками, не имели перспектив на новую жизнь, они нуждались в обслуживании, в протезах, в приобретении новой работы с учетом их ограниченных возможностей, а часто – в помощи в обучении речи, возвращении памяти. «В масштабах страны было организовано грандиозное дело... Кисегачский госпиталь стал... центральной методической базой для всех тыловых госпиталей подобного рода» [23, с. 222], что отразилось в работах «Организация мастерских трудотерапии при эвакуогоспиталях ВЦСПС» (1944), «Восстановительная трудовая терапия», (1948, совм. с С.Г. Геллерштейном). Потом Рейтынбарг продолжил работу: он занимался пропагандой безопасности дорожного движения среди школьников и выпустил работу: «Стоит ли рисковать?» (1960).

История психотехники в СССР скрывает еще много белых пятен, не проясненных моментов, непроанализированных источников, неописанных биографий, без которых ни составление истории психотехники в полном объеме, ни разработка объективной истории психологии в СССР невозможны.

1. Бурлюк Л., Геллерштейн С., Красновская Л., Рейтынбарг Д., Шпигель Ю. К вопросу о психологическом изучении несчастных случаев // Промышленный травматизм и борьба с ним: Труды и материалы Государственного института охраны труда НКТ, НКЗ и ВСНХ СССР под общ. ред. директора института проф. С.И. Каплуна. – М.-Л.: Гострудиздат, 1930. 720 с. С. 653–656.

2. Катц А. Рейтынбарг Д.И. Социалистическое соревнование на снижение несчастных случаев в производстве. Популярная библиотека ин-та охраны труда. Гострудиндат, 1930 г. 64 с. // Психотехника и психофизиология труда. 1930. № 4. С. 348-349.
3. Коган Т. К VII Международной психотехнической конференции // Психология. 1931. Т. V. Вып. 2. С. 161-167.
4. Кольцова В.А., Носкова О.Г. Рейтынбарг Давид Исаакович / Психологический лексикон. Энциклопедический словарь в шести томах / ред.-сост. Л.А. Карпенко. Под общ ред. А.В. Петровского. – М.: ПЕР СЭ, 2005. 783 с. С. 389.
5. Мазилев, В.А. Актуальные методологические проблемы современной отечественной истории психологии // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 2, том 2. С. 202-210.
6. Мазилев В.А История психологии и философия психологии: необходимо взаимодействие // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. №2. С. 94-100.
7. Мазилев В.А., Стоюхина Н.Ю. Последняя осень советской психотехники // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 4, том 2. С. 223-236.
8. Рахмель Э.А. К итогам I Всесоюзного съезда психотехники и психофизиологии труда // Психология. 1931. Т. V. Вып. 2. С. 171-178.
9. Рейтынбарг Д.И. Газета как реклама // Журналист. 1927. № 6. С. 24-25.
10. Рейтынбарг Д. К вопросу об издании плакатов по технике безопасности, профессиональной гигиене и социальному страхованию // Вопросы просвещения по охране труда и социального страхования. Сборник материалов под ред. дир-ра Центрального музея ОТ и СС НКТ СССР, РСФСР и отдела труда Моссовета д-ра О.Л. Кузнецова. – М.: Вопросы труда, 1929. – 96 с. С. 63-69.
11. Рейтынбарг Д.И. К вопросу об организации испытания профпригодности // Вопросы труда. 1923. № 10-11. С. 157-159.
12. Рейтынбарг Д. Массовая работа с плакатом по безопасности труда // Охрана труда. 1931. № 23-34. С. 10-13.
13. Рейтынбарг Д.И. Материалы к библиографии рекламы и пропаганды, в частности пропаганды безопасности // Вестник Казанского института НОТ. 1927. № 2. С. 40-45, № 3. С. 41-44; № 4. С. 29-34; № 5. С. 21-29; № 6. С. 25-28.
14. Рейтынбарг Д.И. Надпись на плакате (опыт статистики плаката) // Журналист. 1927. № 7-8. С. 44-46.
15. Рейтынбарг Д. Наша реклама // Время. 1925. 11 (23). С. 66-69.
16. Рейтынбарг Д. «Нигде кроме...» // Журналист. 1925. - № 10. С. 59-60.
17. Рейтынбарг Д.И. Отзывы посетителей о выставках советских и иностранных плакатов по безопасности труда 1929 г и 1930 г. (230 анкет) // Психотехника и психофизиология труда. – 1930. – Вып. 4. С. 243-260.

18. Рейтынбарг Д.И. Плакат по безопасности труда в СССР и за границей. М., 1931. 240 с.
19. Рейтынбарг Д.И. Плакат по безопасности труда на новом этапе // Советская психотехника. 1932. № 4. С. 269-278.
20. Рейтынбарг Д.И. Реклама книги / Прикладная психология (Психология труда и психотехника). Под ред. проф. И.Н. Шпильрейна. М., 1930. 160с.
21. Рейтынбарг Д. Ритмическое оформление рекламы // Советское искусство. 1928. № 3. С. 59-62.
22. Рейтынбарг Д.И., Гейвесман Р.М., Минц Р.В. Организационный труд. Хрестоматия по организации труда для внешкольного чтения. М.: Работник просвещения, 1925. 488 с.
23. Рейтынбарг П. Так мы жили. – Cherlston, SC, 2013. 410 с.
24. Стоюхина Н.Ю. История советской психотехники: психология воздействия. Учебное пособие. М.: Логос, 2012. 324 с.
25. Стоюхина Н.Ю. Психология рекламы глазами психотехника Д.И. Рейтынбарга // Приволжский научный вестник. 2014. № 11-2 (39). С. 57-62
26. Стоюхина Н.Ю., Мазилев В.А. Рождение парадигмы воздействия в работах первых психотехников Америки и Европы // Методология современной психологии: академический сборник научных статей. Вып. 4 / Под ред. В.В. Козлова, А.В. Карпова, В.Ф. Петренко. М.: МАПН, ЯрГУ, ЛКИИСИ РАН, 2014. С. 119-130.
27. Стоюхина Н.Ю., Мазилев В.А. Забытый съезд: Первый Всероссийский съезд по психоневрологии // Ярославский педагогический вестник. Научный журнал, № 4, том 2 (психолого-педагогические науки), 2013, с. 251-260
28. Стоюхина Н.Ю., Мазилев В.А. Неизвестные съезды: Второй психоневрологический // Ярославский педагогический вестник. Научный журнал, № 1, том 2 (психолого-педагогические науки), 2014, с. 277-287
29. Шпильрейн И.Н., Рейтынбарг Д.И., Нецкий Г.О. Язык красноармейца. Опыт исследования словаря красноармейца Московского гарнизона. – М.-Л.: Госиздат, Отдел военной литературы, 1928. – 190 с.

Стоюхина Н.Ю., Мазилев В.А., Костригин А.А. (Н.Новгород, Ярославль, Россия)

В. А. СНЕГИРЕВ: ПСИХОЛОГ, БОГОСЛОВ, УЧИТЕЛЬ

Аннотация. В статье представлены результаты биографического исследования психолога и богослова Вениамина Алексеевича Снегирева. Несмотря на фундаментальность идей, которые выдвигал в своем творчестве Вениамин Алексеевич, его имя оказалось забытым, а вклад не полностью оцененным. Авторы статьи описывают обнаруженные факты жизни ученого: период детства, студенчество и профессорско-преподавательскую деятельность. Подробно изложена работа В.А.

Снегирева в Казанской духовной академии и Казанском университете: он читал курсы по психологии, логике и метафизике, состоял в Совете академии, занимался обеспечением функционирования библиотеки, был удостоен нескольких орденов и наград. Освещена педагогическая деятельность В.А. Снегирева по воспоминаниям его ученика, известного философа Виктора Ивановича Несмелова. Обсуждаются психологические и философские взгляды ученого: основным положением его размышлений о проблемах психологии является признание объекта науки – человека – «живой личностью», самостоятельно думающей, чувствующей и волящей, отрицание сведения человека к сумме душевных явлений. Основой же философских наук В.А. Снегирев считал психологию, т.к. философские проблемы являются содержанием сознания человека, которое должна изучать именно психологическая наука. Приводится библиографический список научных работ ученого.

Abstract. The article presents the results of biographical research of psychologist and theologian Veniamin Alekseevich Snegirev. Although the ideas studied in his works were fundamental, V.A. Snegirev's name is now forgotten and his contribution is not fully appreciated. The authors describe discovered facts of the scientist life: childhood, student's period and working as a professor. The work of V.A. Snegirev in the Theological Academy of Kazan and the University of Kazan is written in details: he taught courses on psychology, logics and metaphysics, was a member of the Academy Council, took part in functioning of the library, was honored with several awards and honors. The authors tell about teaching activities of V.A. Snegirev, using the recollections of his pupil, the famous philosopher Viktor Ivanovich Nesmelov. The article discusses the psychological and philosophical views of the scientist: the main point of his thinking about the problems of psychology is to recognize the object of science - human – as a "living person", thinking, feeling and willing by himself; the denial of reduction person to an amount of mental phenomena. V.A. Snegirev considered psychology as a basis of philosophy because philosophical problems are the content of human consciousness that psychology has to study. The authors present a bibliography of V.A. Snegirev's scientific works.

Ключевые слова: история психологии, биография, В.А. Снегирев, религиозно-философская психология, Казанская духовная академия, В.И. Несмелов, библиография, психология живой личности, философия, метафизика, логика, Нижегородская духовная семинария.

Key words: history of psychology, biography, V.A. Snegirev, religious and philosophical psychology, Theological Academy of Kazan, V.I. Nesmelov, bibliography, psychology of living personality, philosophy, metaphysics, logics, Theological Seminary of Nizhni Novgorod.

История отечественной психологии в последнее время характеризуется тем, что в нее постепенно возвращаются имена, до этого практически не известные, давно и прочно забытые. Это можно только приветствовать, так как мы хорошо знаем, что причин для забвения в нашем отечестве всегда много. Для этого, скажем, вполне достаточно, чтобы идеи того или иного автора показались не своевременными или не гармонирующими с лозунгом текущего момента. Иногда этого оказывается вполне достаточно, чтобы выпасть из "писаной" истории на неопределенный срок. Возвращение таких имен - одна из задач истории психологии, если она намерена отражать развитие психологической науки в стране в полном объеме [13, 15, 16]. Нам уже приходилось писать о том, что разные пласты психологического знания необходимо дополняют друг друга, только их взаимодействие и потенциальное единство в тот или иной момент времени дает полную картину понимания психического [11, 12, 17]. К примеру, философская психология призвана не давать научной психологии отрываться от своего подлинного (пусть еще не постигнутого, окруженного ореолом тайны) предмета, возвращаться к нему. Напомним, что С.Н. Трубецкой предостерегал от искушения принять результаты психофизического исследования за *целую* психологию [15, 18]. Эту функцию, которая состоит в том, чтобы выявлять отношение между декларируемым и реальным предметом, не допускать неоправданной редукции, сведения можно назвать предметной.

Философская психология имеет еще одну очень важную функцию – назовем ее условно эвристической. Именно она позволяет ставить новые вопросы. Поиск будет вести научная психология, она спланирует, построит исследование, которое подтвердит или опровергнет справедливость предположений философской психологии. Вообще продуцирование новых идей – важнейшая функция философской психологии. Соотнося различные смыслы, "играя" ими, философская психология создает возможности для разработок психологии научной. Из истории психологии легко видеть, что часто высказанная идея может "ожидать" разработки долгие годы.

Таким образом, философская и научная психология необходимо сосуществуют. У них различающийся предмет, разные методы, иные задачи. Кстати, так называемая практическая психология представляет собой еще одну, чрезвычайно любопытную составляющую общего "организма" современной психологии. Специфика практической психологии также должна быть проанализирована дополнительно. Для "нормального" развития психологии в целом необходимо "нормальное" соотношение потоков внутри нее. Если в силу каких-то причин возникают

диссоциации, то появляются “нарушения” в развитии, оно становится “аномальным”. В таких случаях особая роль принадлежит философской психологии, выполняющей “психотерапевтическую” функцию за счет порождения новых смыслов. Сейчас, когда российская психология переживает очередной трудный период, связанный с “переоценкой ценностей”, требуется такое “психотерапевтическое” воздействие философской психологии [16, 17].

Уже поэтому значимо обращение к трудам В.А.Снегирева, философского психолога. В настоящее время происходят активные дискуссии о соотношении психологии и религии, о возможности существования христианской психологии и о важности разделения религиозных ценностей и научного мышления в человеке. М.Ю. Кондратьев указывает на то, что психология и религия – это две параллельные предметные области и «проникновение и влияние «чужеродного» субъекта в любую из этих двух епархий губительно и недопустимо уже хотя бы потому, что активность не профессионала в рамках каждого из этих самоценных проблемно-предметных областей неминуемо окажется разрушительной, а не созидающей» [9, с. 66].

Однако интеллектуальная атмосфера второй половины XIX в. была иного рода: психология только зарождалась как самостоятельная наука, поэтому в ее формировании участвовали люди из различных областей: философы, богословы, культурологи, физиологи, математики и, конечно, собственно психологи. Проблема несовпадения дискурсов ученых была не так актуальна, как сегодня. Тем не менее, именно из-за такого всеобщего интереса и совместных усилий психологическая наука начала работать над уточнением собственного предмета исследования.

Примером такой, несвойственной современной науке, но распространенной в XIX в. позиции – сочетания религиозного и научного в одном человеке – является Вениамин Алексеевич Снегирев. Пройдя долгий богословский путь (духовное училище, духовная семинария и академия), Вениамин Алексеевич занимался решением многих проблем: философской метафизикой, историей богословия, а также общепсихологическими вопросами.

Духовные академии всегда отличались обилием образованных людей, глубокими мыслителями и философами. И.В. Цвык отмечает, что в академиях осуществлялось качественное преподавание философских дисциплин, в том числе, и новейшая для того времени философия. «Философские труды профессоров-академистов XIX в., их преподавательская, переводческая, издательская, теоретическая деятельность способствовала не только модернизации православного сознания, но и развитию русской философии в целом» [31, с. 5]. Неудивительно, что и В.А. Снегирев обладал достаточными знаниями, чтобы начать собственную научную деятельность.

Изучение истории развития психологической науки и персоналий, участвовавших в ее становлении, важно для поиска преемственности идей

и понимания методологии науки, что подчеркивали в своих научных работах В.А. Кольцова [8], В.А. Мазиллов [14], Ю.Н. Олейник [20] и др.

Нами предпринимались уже попытки изложить взгляды В.А. Снегирева [10, 27, 28]. Данная работа посвящена описанию известных на настоящий момент деталей биографии Вениамина Алексеевича, полученных при изучении энциклопедических статей, отзывов учеников и некоторых архивных данных. В статье используются следующие историко-психологические методы: метод анализа продуктов деятельности, метод источниковедческого анализа и биографический метод.

Снегирев Вениамин Алексеевич (1842-1889) – психолог, философ, профессор Казанской духовной академии. Родился в селе Тимонькино, Нижегородской губернии в семье священника Алексея Михайловича Снегирева. С детства отец приобщал Вениамина Алексеевича к «Житиям святых» и занимался подготовкой своего сына к поступлению в духовное училище.

В 1854 г. В.А. Снегирев поступил в Печерское уездное училище, которое находилось рядом с Нижним Новгородом, где он стал «первым учеником». Его брат А.А. Снегирев так описывает время обучения в училище: «...училищное обучение оказало на В.А. благотворное действие одною из лучших своих сторон, – именно: приучило его к самостоятельному осмысленному труду по усвоению училищных «наук», переработке, в массе упражнений, усвояемого материала, а вместе с тем способствовало быстрому умственному развитию» [22, с. 8].

В эти годы Печерским училище заведовал Елпидифор Антонович Садовский – преподаватель греческого языка, священной истории и арифметики, позже – катехизиса и латинского языка, и наконец, смотритель Печерского училища. Он был удостоен орденами – св. Анны 3 степени и св. Станислава 2 степени, а так же бронзовой медали в память войны 1853-1856 гг. [33]. Известно, что Е.А. Садовский имел некоторое влияние на В.А. Снегирева в годы его обучения в духовном училище. «Принимая в своем любимце-ученике чисто родственное участие, Елпидифор Антонович, в своих ежедневных домашних беседах с ним, обогащал его знаниями по разным отраслям, вселял в него лучшие чувства и стремления и руководил им своими указаниями и советами» [22, с. 8].

После Печерского духовного училища в 1858 г. Вениамин Алексеевич поступил Нижегородскую духовную семинарию. Во время этого периода обучения В.А. Снегирев изучал «философские науки», немецкий и французский языки. И здесь он также успешно занимался, достигнув «той высоты развития, которая возможна была для ученика семинарии того времени» [22, с. 9]. Следует отметить, что он учился в одном классе с Н. Добролюбовым, и в списке журнала учащихся за 2 класс напротив их двух фамилий в графе «особенные свидетельства» написано учителем: «Благородство характера, трудолюбие и примерное благонравие» [2].

В 1864 г., окончив Нижегородскую семинарию, В.А. Снегирев был отправлен на казенный счет для дальнейшего обучения в Казанскую Духовную Академию. Уже здесь В.А. изучает английский язык и пробует писать научные статьи-«трактаты».

8 июня 1868 г., в год окончания Казанской академии, Вениамин Алексеевич был оставлен на кафедре психологии и логики на богословском отделении академии для получения степени магистра и одновременно определен преподавателем по классу логики и психологии [1; 30, С. 454]. По этому поводу Вениамин Алексеевич писал своим родителям: «и так осуществилась заветная надежда, сбылась золотая мечта, - я призван сдужить горячо любимой науке!» [22, с. 10].

30 июня 1870 г. ему присвоили степень магистра богословия [1] за сочинение на тему: «Учение о Лице Господа нашего И.Христа в трех первых веках христианства» [30, с. 454]. По решению ректора академии, магистерское сочинение Вениамина Алексеевича было напечатано в приложении к журналу «Православный Собеседник» [30, с. 454]. 15 августа того же года он стал доцентом [6, с. 51].

С 3 декабря 1871 г. по 15 августа 1885 г. [1] (по иным источникам – с 1877 г. по 1886 г. [30]) он приглашен читать психологию и логику в Казанском Университете. Его брат пишет об этом периоде следующее: «Если принять во внимание, что постановка чтений Вениамина Алексеевича по Психологии и Логике, при единстве общего характера их, в Академии и Университете была различна, что он не любил повторять из года в год одно и то же здесь и там, а постоянно оживлял свои лекцию новыми, современными данными той и другой науки, для чего требовалось иногда заново редактировать целые отделы; то, имея в виду другие ученые занятия покойного профессора, легко понять как много и с каким напряжением должен был трудиться он» [22, с. 11].

По поручению Совета академии В.А. Снегирев дважды временно преподавал курс метафизики – с 5 февраля 1884 г. до конца учебного года и с 15 ноября 1886 г. до конца 1877/1878 учебного года [30, с. 455].

Как любой преподаватель он занимался методической и административной деятельностью в рамках вопросов, определенных отделениям Казанской духовной академии:

«а) изыскание мер ко временному и постоянному замещению открывавшихся по отделению профессорских и других преподавательских вакансий и составление программ конкурса для занятий вакантных кафедр;

б) рассмотрение и оценкой диссертаций, представленных на соискание ученых степеней – доктора, магистра и кандидата богословия;

в) производство магистерских и переводных испытаний, слушание и оценкой пробных лекций лиц, желающих занять должность преподавателя в семинарии;

г) обсуждение вопросов, касающихся постановки чтений по предметам отделений; рассмотрение программ преподавания этих предметов, представляемых вновь поступающими наставниками;

д) рассмотрение и обсуждение тем, даваемых преподавателями для кандидатских сочинений студентам III курса и для семестровых сочинений студентам I и II курсов;

е) изыскание мер по усилению учебной деятельности студентов, обсуждением вопросов, касающихся практических занятий со студентами IV курса;

ж) рассмотрение вопроса о командировании наставников за границу с научной целью;

з) представление наставников к повышению по службе;

и) распределение сумм на учебные пособия и многими другими предметами» [30, с. 69-70].

В.А. Снегирев состоял в «комиссии административного характера». С 1869 г. академиям предоставлялась свобода в выработке положений об устройстве академии [30, с. 36]. В 1873 г. Вениамин Алексеевич вместе с экстраординарными профессорами А.И. Гренковым и Н.И. Ивановским разработал правила проведения практических занятий для студентов IV курса по преподаванию выбранных ими наук в местных духовных семинариях [30, с. 38], однако данный проект был возвращен обратно в Совет академии для пересмотра по причине отказа священнослужителем местной семинарии Антонием в допущении студентов академии «к производству педагогических опытов над учениками семинарии» [30, с. 38]. В 1874 г. Снегирев составил инструкцию для занятий во время заграничной командировки доцента И.А. Милославского [30, с. 455].

Кроме того, в 1876 г. он вместе с профессором М.Я. Красиным и доцентом А.К. Волковым были избраны Советом академии на трехлетний срок в комитет духовной цензуры [30, с. 55].

При Казанской академии существовал Совет, который занимался вопросами по учебно-воспитательной и административной частям. Вопросы разделялись на две группы: 1) наиболее важные выносились на общее собрание Совета, где председателем был ректор, а в состав входили все ординарные и экстраординарные профессора; 2) остальные вопросы, выносившиеся на обыкновенное собрание под председательством ректора, но в состав входили его помощники по учебной части, инспектора академии и шесть профессоров (по два от каждого отделения – богословского, церковно-исторического и церковно-практического) [30, с. 73].

В.А. Снегирев был избран членом Совета академии от богословского отделения на срок с 1874 по 1882 гг. Ежегодно проводились торжественные собрания Совета, где секретарь академии читал отчет за прошедший учебный год и кто-либо из профессоров – речь научного содержания. В 1874 г. такую речь – «О сне и сновидениях» [30, с. 74] – читал профессор В.А. Снегирев. На открытых собраниях Совета проходили защиты сочинений на степень доктора, и 16 сентября 1873 г. Вениами Алексеевич выступил официальным оппонентом (вместе с Д.В. Гусевым) на защите

сочинения М.Я. Красина на тему «Творение Августина “De civitate Dei”, как апология христианства в борьбе с римским язычеством» [30, с. 76].

Совет академии занимался обеспечением работы библиотеки. В 1871 г. В.А. Снегирев вместе с профессорами П.В. Знаменским, А.А. Некрасовым и Е.А. Будриным входил в комиссию для составления проекта систематического каталога библиотеки духовной академии [30, с. 39], а в 1877 г. профессора В.А. Снегирев, Ф.А. Курганов и доцент Н.Ф. Красносельцев были назначены членами комиссии по составлению первого продолжения к систематическому каталогу [30, с. 155]; в 1881 г. и 1885 гг. В.А. Снегирев был назначен членом комиссии для проверки академической библиотеки [30, с. 454]. По воспоминаниям своего брата, Вениамин Алексеевич выписывал множество книг в академическую библиотеку, а также на собственные средства покупал научную литературу: «... не ограничиваясь тем, что давали ему специальные монографические исследования в области психологии и логики, он с большим вниманием следил еще за журнальной философской литературой – английской, немецкой и французской» [30, с. 13].

Наконец, профессора руководили занятиями студентов, которые оставались после обучения в академии в качестве профессиональных стипендиатов. В начале года профессора составляли план занятий для стипендиатов, а в конце года рассматривали отчет о проведенных занятиях и передавали свое мнение в Совет академии [30, с. 257]. Профессор В.А. Снегирев в 1887-1888 учебном году руководил занятиями по метафизике профессорского стипендиата В.И. Несмелова [30, с. 258], впоследствии – русского философа и богослова, признававшего себя его учеником и написавшего некролог о нем [19].

Вениамин Алексеевич удостоен следующих наград:

- 1873 г. орден Святой Анны 3-й степени [1; 30, с. 456].
- 23 августа 1875 г. орден Святого Станислава 3-й степени [1; 30, с. 456];
- 24 октября 1880 г. чин статского советника со старшинством [30, с. 456];
- 9 октября 1887 г. премия Митрополита Московского Макария решением Совета Казанской духовной академии [1].

С.А. Терновский, изучая деятельность Казанской духовной академии в последней четверти XIX в., указывает, что занятия преподавателей в Казанской духовной академии заключались в преподавании и разработке «своей науки», а также в проверке и оценке семестровых, кандидатских и магистерских сочинений студентов. В качестве принципов для построения содержания курсов выступали следующие: в преподавании какой-либо науки «избирать для подробнейшего изучения несколько отделов, менее разработанных, а остальные излагать с меньшею подробностью, указывая в тоже время готовые руководства, по которым студенты могли бы приготовляться к испытаниям» [30, с. 32].

Вениамин Алексеевич преподавал логику, психологию и метафизику. Его ученик В.И. Несмелов так характеризовал деятельность своего учителя: Вениамин Алексеевич Снегирев «принадлежал к числу тех немногих истинно глубоких философов-мыслителей, которые в своем беззаветном стремлении к знанию гораздо более думают о том, что им не известно, нежели о том, что они знают, и потому, требовательные вообще ко всякому, занимающемуся философией, и особенно ко всякому, хотя бы даже и весьма высоко стоящему в ученой иерархии претенденту на выражение последнего слова науки, прежде всего и беспощаднее всего обращаются с широкими требованиями к себе самим» [19, с. 97].

В.И. Несмелов вспоминает свое первое впечатление о В.А. Снегиреве: «В осеннее полугодие 1883 года в аудиторию Вениамина Алексеевича вступил новый курс академических слушателей. Лекция психологии как раз состоялась на второй же день по объявлении занятий и, насколько помнится, она была первой лекцией, на которую должны были заявиться новые студенты... Вениамин Алексеевич, едва только вошел в аудиторию, разумеется, с первого же взгляда отгадал настроение своих слушателей и, живой от природы, еще более оживился при виде со всех сторон устремленных на него любопытных глаз. Он, как и потом не редко бывало, быстро вбежал на свою кафедру и с живым увлечением начал читать свою первую вступительную лекцию о понятии психологии» [19, с. 100-101]. Эта первая лекция по психологии имела противоречивое и заинтриговывающее влияние на слушателей: «...профессор все поразрушил, наставил ряд вопросов и ушел, ничего не сказав» [19, с. 102].

Читая лекции по истории психологической литературы, В.А. Снегирев показал студентам свою «ученость»: «Лекции эти были довольно сухи и, кажется, необходимо должны были показаться скучными, - тем более, что ни один из новичков-студентов не знал трех новых языков; - и однако же находились люди, и было не мало таких, которые сидели и с несомненным интересом слушали, как профессор делал иногда довольно длинные перечни имен авторов и заглавий их сочинений на английском, немецком и французском языках, определяя их значение в истории своей науки сразу по целым группам. В этом случае большинство несомненно восхищалось только обширными знаниями своего профессора и, кроме это восхищения, выносило из указанных лекций не особенно много, и однако же тем более возвышался тогда ученый авторитет профессора» [19, с. 105]. Вениамин Алексеевич поддерживал интерес у слушателей тем, что сам был увлечен тем предметом, той наукой, которую преподавал.

Говоря о содержании лекций по курсу «Психологии», можно сказать, что В.А. Снегирев говорил о критической оценке современных направлений в психологии (спиритуалистическая, материалистическая, физиологическая и интроспективная психология), истории психологии, предмете и задачах психологии, психических процессах (виды, физические причины, физиологические механизмы), чувствах и др. Вениамин Алексеевич давал всесторонний анализ психических процессов: например,

при изучении ощущений профессор показывал значение их «в жизни души» и сопровождающие их физиологические процессы.

В.И. Несмелов отмечал, что успех преподавания психологии в академии «затенял» лекции по логике. Причиной этому служило достаточно сложное изложение логики с помощью сравнительного метода. «Вениамин Алексеевич, обыкновенно, очень подробно указывал и пересчитывал, кто и что именно думал и высказал по тому или другому вопросу логической науки.... Вследствие же этого бывали такие случаи, что он приведет в своей лекции восемь, десять и даже двенадцать чужих формул....а между тем сам В.А....устранял себя от общего вывода и предоставлял сделать эту работу самим студентам» [19, с. 121]. Студенты, пытаясь объяснить, почему В.А. Снегирев именно так излагал курс логики, считали, что логика для него была менее интересна. На самом деле такой метод преподавания объяснялся противоречивым этапом развития логики как науки, по-другому излагать ее было невозможно, но для многих слушателей такая постановка логических проблем была полезной в усвоении курса [19, с. 123-124].

Наконец, передавая общее мнение студентов о В.А. Снегиреве, В.И. Несмелов пишет: «Вениамин Алексеевич ценился студентами не просто только с традиционной точки зрения о нем, но он действительно принадлежал к избранному числу тех выдающихся профессоров и ученых, которые обладают почти исключительной способностью и силой не только поддерживать установившееся о них высокое мнение, но и всегда почти вновь его создавать» [19, с. 106].

Совершенно точно можно сказать, что В.А. Снегирев относится к религиозно-философскому направлению в психологии. В.А. Кольцова указывает ключевые характеристики данного направления: рассмотрение души как сферы внутренней реальности, внутреннего мира человека в его внутреннем содержании, в самосознании; признание психического мира человека как некоторой самостоятельной сущности; утверждение непрерывности процесса сознания и отрицание бессознательных психических явлений; признание тезиса о тождестве веры и знания; признание наличия свободы воли у человека [8, с. 39-41].

В.И. Несмелов отмечает, что в своих лекциях В.А. Снегирев выражал отрицательное отношение к схоластике в психологии, а именно «к общепринятому делению человеческой души на отдельные силы и способности» [19, с. 109]. Говоря об уме, чувствах и воле, «он не только не говорил об этих явлениях, как о явлениях разных сил и способностей, но и прямо замечал, что везде и всегда в душевных явлениях действует одна и та же живая, неделимая сила» [19, с. 109].

Студентами отмечался некоторый интерес Вениамина Алексеевича к психофизиологической ветви психологии. Однако профессор не просто анатомировал человеческую душу и описывал душевные явления, «он смотрел на эти явления, как на живые явления в живом организме человеческой личности, и потому, оставляя их живыми, ни в каком случае,

разумеется, не мог рассматривать их иначе, как только в связи со всеми данными условиями жизни этого организма» [19, с. 111].

Вениамин Алексеевич во всем обнаруживал свое собственное мнение и свой взгляд. Знакомясь с исследованиями западных коллег, В.А. Снегирев «не выказывал никакого особенного увлечения западом» [19, с. 111], безусловно уважая труды западных психологов, но критически к ним относясь. Он не одобрял тех психологов, которые прибегают к «склеиванию» своих систем из суждений разных западных авторитетов, совершенно оставляя в стороне различия в их точках зрения. «Для него ничего не было хуже тех систем психологии, в которых по тразным отделам попеременно фигурируют – то Бэн, то Тэн, то Спенсер, то Вундт, и сам он очень строго воздерживался от изготовления такого, по его собственному выражению, винегрета» [19, с. 112].

В своей работе «Психология и логика как философские науки» (1876) В.А. Снегирев дает определение психологии: «Психология имеет своим предметом явления внутренней духовной жизни человека, как явления данные в опыте, доступные наблюдени. внутреннему и отчасти внешнему, доступные известной мере даже экспериментации, т.е.искусственному намеренному измерению со стороны исследователя, явления, подчиняющиеся неизменным законам в своем происхождении и бытии, подобно всем другим явлениям доступного человеческого наблюдению мира» [23, с. 427]. По мнению Вениамина Алексеевича, психология исследует именно такие психические явления, которые присущи все людям, при всех условиях их жизни, с помощью которых могут быть объяснены явления частного характера, индивидуальные изменения «душевной жизни». В.И. Несмелов такую позицию В.А. Снегирева определяет как индивидуализм.

Отдельной, важной для него темой является сон и сновидения, которым он посвятил две свои работы «Вера в сны и снотолкование» (1874), «Учение о сне и сновидениях» (1886). Он был одним из первых научных исследователей этой темы вместе с Н.Я. Гротом, И.Г. Оршанским, П.Я. Светловым и др. [28] Таким образом, к началу XX в. сформировался устойчивый интерес русской науки к проблемам сна, и, возможно, благодаря их работам русская интеллигенция была подготовлена к принятию психоанализа...

Интересны рассуждения казанского профессора о бессознательных феноменах души, подчеркивающие, что наличие бессознательных явлений не помогает объяснению душевных процессов: «никакой бессознательной области в духе не существует, потому что, как чистая энергия, он не подлежит пространственным измерениям и никаких бессознательных состояний в нем не сохраняется, потому что его жизнь и деятельность есть сознание. Поэтому каждая идея, перестав сознаваться, перестает жить и разлагается на свои составные части, потому что только сознание есть ее жизнь, ее единственная форма бытия» [24, с. 274].

В своих воззрениях, по мнению Несмелова, В.А. Снегирев отрицал принципы теорий его современников – Льюиса, Милля, Спенсера, английский психологов.

Будучи одновременно и психологом-метафизиком, видевшим в душевных явлениях самостоятельное начало, и психологом-эмпириком, исследовавшим только факты эмпирического сознания, в различных психических процессах «он видел одну и ту же действующую личность, вместе – мыслящую, чувствующую и волящую, словом – живую человеческую личность, как она действительно существует и непосредственно каждым сознается и познается» [19, с. 117]. Эта человеческая личность и была центральным пунктом, от которого выходили и к которому снова возвращались все психологические рассуждения Вениамина Алексеевича. Можно сказать, что он исповедовал «психологию живой личности».

Вениамин Алексеевич написал две крупные философские работы - «Спиритизм как религиозно-философская доктрина» (1871) и «Сон и Сновидения» (1875), где выразил философские взгляды, начиная с того момента, когда он был преимущественно богословом-философом, и завершая переходом к метафизике – последним периодом жизни. В своих работах В.А. Снегирев рассматривает возможности гармонического совмещения веры и знания, рационалистического и мистического мирозерцания, что под силу только философии. Лучший образец такого философского слияния веры и знания он видел у отцов и учителей древней христианской церкви, которые «объединили всю сумму современных им знаний рациональных и поставили их в гармонию с истинами веры, принимая за истину только то, что дано в откровении, и в человеческом знании – то, что не противоречило откровенной истине» [25, с. 30]. По мере развития науки, будет развиваться и христианское учение, специфичное для каждой исторической эпохе.

Однако далее взгляды Вениамина Алексеевича изменились, в дальнейшем он стал считать, что необходимо уделять больше внимания познанию, принимая возможность рационального постижения сути вещей.

Развивая свою философию, Снегирев сначала был увлечен немецкой метафизикой, но немецкие мыслители не придавали большого значения индивидуальному, единичному, к чему стремился Вениамин Алексеевич. О его отношении к кантовской «Критике чистого разума» В.И. Несмелов пишет: «Критика чистого разума, по самому характеру ее, никогда не могла понравиться Вениамину Алексеевичу, потому что все эти трансцендентальные формы и категории с их трансцендентальной схематической связью ему казались не иным чем, как простым умерщвлением живого человеческого духа» [19, с. 139]. Ученый достаточно быстро разочаровался в данном направлении философии и обратился к позитивизму, но и позитивистскую традицию он критиковал за то, что О.Конт не придавал самостоятельного начного значения психологии и обесценивал субъективный метод исследования, которые в

тот период развития психологии был основным и самым адекватным (в первую очередь потому, что объективными методами были по преимуществу физиологические). Снегирев считал, что «...интроспективный метод психолога... был таким же научным методом, как и экспериментальный метод физика [19, с. 142].

Впоследствии В.А. Снегирев вернулся к изначальной метафизической позиции: «человек всегда и на всех ступенях своего развития – мистик в глубине души, мистик по самой природе своей» [19, с. 148], считая себя ученым-мистиком, поэтому ему одинаково претила и метафизика идеализма, и строго позитивная философия.

В последние годы жизни Вениамин Алексеевич крайне редко был доволен философской литературой – как русской, так и западной, в большинстве же случаев давал оценку своей обычной фразой: «автор еще слишком мало думал и потому, вместо того, чтобы других учить, ему нужно еще самому поучиться» [19, с. 149].

К поздним его философствованиям можно отнести обоснование тезиса о том, что психология является центральной наукой в философии, «результаты которой и обосновывают и определяют собой всякое вообще философское знание» [19, с. 150]. В.А. Снегирев начал разрабатывать положение о том, что философия может быть сведена к изучению сознания, т.е. к психологии сознания. «Идеи субъекта и объекта, материи и духа, пространства и времени, причины, абсолютного, – все это может быть сведено на психологическую почву и если не окончательно разрешено исключительными средствами психологии, то по крайней мере, значительно подготовлено в ней к такому разрешению» [19, с. 151]. К сожалению, завершенной концепции Вениамин Алексеевич нам не оставил...

В.И. Несмелов с сожалением отмечает, что В.А. Снегирев не имел привычки «сообщать в печати все, что им было сработано, и потому напечатал очень немного» [19, с. 97]. Тем не менее, мы приведем список найденных нами его научных работ:

1. Учение о лице Господа Иисуса Христа в трех первых веках христианства (1870);
2. Спиритизм, как философско-религиозная доктрина (1871);
3. Вера в сны и снотолкование (1874);
4. Психология и логика, как философские науки (1876);
5. Науки о человеке (1876);
6. Сон и сновидения (1875, 1876);
7. Физиологическое учение о сне и сновидениях (1882, 1884);
8. «Психологические сочинения Аристотеля (1885);
9. Учение о сне и сновидениях. Историко-критический очерк (1886);
10. Метафизика и философия (1890);
11. О природе человеческого знания и отношении его к бытию объективному (1891);
12. Самосознание и личность (1891);

13. Субстанциональность человеческой души (1891);
14. Нравственное чувство (опыт психологического анализа) (1891);
15. Сердце и его жизнь (1892);
16. Психология. Систематический курс чтений по психологии (1893);
17. Логика (1901).

Критические разборы чужих трудов:

1. «Ересь антитринитариев III века», соч. Гусева (1870);
2. «Космологическое доказательство бытия Божия», соч. Попова (1871);
3. «Православное христианство в Китае, соч. Панова (1871);
4. «Древнее языческое учение о странствованиях и переселениях душ и следы его в первые века христианства, соч. Милославского (1874).

Современник Снегирева М. Вержболович выразил свое мнение об ученом после смерти казанского профессора. Он отмечает, что на В.А. Снегирева было оказано сильное влияние со стороны традиции английской психологии. М. Вержболович называет подход В.А. Снегирева «психологическим индивидуализмом» [4, с. 459], который вряд ли можно понять без тесной связи души с телом, что и составляет эту целостность, цельность личности, которая обеспечивается самосознанием.

Последователь В.А. Снегирева по работе в Казанской духовной академии казанский преподаватель В.Н. Ивановский написал рецензию на посмертно изданную книгу В.А. Снегирева «Психология». По мнению рецензента, автор «Психологии» является сторонником английской психологии и делает важные дополнения и поправки к теориям английских психологов. Говоря о метафизических взглядах, В.Н. Ивановский называет Снегирева дуалистом. Описывая разделы книги, отмечая сходства и отличия концепций Снегирева с другими авторами, рецензент считает учение о воле недостаточно разработанным: «многих частей не нашлось в записках автора; изложены лишь довольно кратко отношение движений к воле и их виды...» [7, с. 93].

Современные историки философии и психологии уже совсем по-иному оценивают творчество Вениамина Алексеевича. И.В. Цвык в энциклопедии «Русская философия» рассматривает В.А. Снегирева как сторонника т.н. психологического идеализма, «...именно с его творческой и преподавательской деятельности берет свое начало тенденция христианского антропологизма в Казанской духовной академии, продолженная в последствии его учеником Несмеловым» [32, с. 578].

И.П. Печеранский различает в личности В.А. Снегирева две стороны: мыслителя-метафизика и психолога-эмпирика. С одной стороны, В.А. Снегирев защищает спиритуалистическую точку зрения, а с другой, пытается раскрыть суть понимания психологии как естественной науки, признающего на деле специальную логику психологической науки, которая опирается только на непосредственные факты эмпирического сознания. И.П. Печеранский пишет: «...несмотря на метафизическое

положение, что душа есть трансцендентная основа индивидуального бытия человека, он считал, что познать мы её можем только в эмпирическом феномене человеческой личности. Вот именно эта человеческая личность, в связи с понятием сознания и самосознания, была центральным пунктом его психологической концепции» [21, с. 58].

Ю.А. Стоянов, анализируя логические (гносеологические) взгляды казанского профессора, усматривает влияние на него со стороны «Московской духовной академии, т.к. многие московские профессора преподавали в Казани» [29, с. 279]. Это, прежде всего, такие мыслители как В.Н. Карпов, П.С. Авсенев. Что касается этических воззрений, Ю.А. Стоянов относит В.А. Снегирева к представителям метафизического психологизма, в ряды которых входил известный русский и украинский философ и педагог П.Д. Юркевич. Ю.А. Стоянов пишет: «Снегирев на философско-психологическом уровне показывает становление индивидуальности, т.е. метод формирования личности путем развития самосознания. Важно то, что в основе мышления лежит самосознание, которое осуществляет согласие мыслимого и действительного, и которое рассматривает также и сверхчувственные начала в человеке, т.е. в самосознании соприкасаются разум и вера» [29, с. 282].

Н.К. Гаврюшин романтически характеризует Вениамина Алексеевича: «Похоже, что Снегирев своими путями шел по той же тропе, по которой позднее, но существенно дальше пройдет Анри Бергсон, а именно, к конституированию некоего единого жизненного начала (*élan vital*) и строгому, «научному» анализу «непосредственных данных сознания»... Снегирев умер в тот самый год, когда в печати появилась первая работа Бергсона...» [5, с. 286]. И далее: «Можно сказать, что Снегирев на самом деле ставил перед собой собственно философские задачи, но отталкиваясь от «профессиональной», исторической философии и ориентируясь преимущественно на «строгую» естественную науку... Он, наверно, и мечтал о философии как «строгой науке», но не «вместе с Гегелем» (о котором отзывался «резко»), и не «упреждая Гуссерля» — а сам по себе, как автохтонный субъект русской мысли...» [5, с. 288]. Близкими по воззрениям к Снегиреву, Н.К. Гаврюшин видит архиепископа Никанора (Бровковича) и Филиппа Пустынника с его книгой «Диоптра».

Как видно из различных трактовок творчества В.А. Снегирева, присутствует разнообразное многоголосие, отсутствует единое мнение относительно его психологических и философских взглядов. Однако несомненно можно сказать, что интерес к его личности в последние годы возрастает.

Несмотря на такую активную жизнь, прожить Вениамину Алексеевичу было суждено не долго: 16 февраля 1889 г. он умер от неизлечимой болезни (рака пищевода) [1; 22, с. 11]. В.И. Несмелов был автором некролога своего учителя [19].

Без преувеличения можно сказать, что В.А. Снегирев сделал большой вклад в развитие психологии конца XIX в., метафизической

философии и логики. Его увлекающие чтения в Казанской духовной академии подарили русской философии такую фигуру, как В.И. Несмелов. И, может быть, В.А. Снегирев был предтечей психологических концепций русских ученых XX в. Последний тезис заслуживает дальнейшего исследования.

Закончить данный очерк хотелось бы искренними и яркими словами его ученика В.И. Несмелова: «Мистик высокообразованный, он искал живого Бога, вечно живой личности человеческой и мира высшего за пределами чувственного, феноменального бытия, и требовал доказательств всего этого действительных, реальных, а не тех, которые предлагали схоластика и идеализм. Мистик глубокоученый, он требовал реформы этих дорогих для человека представлений сообразно с изменившимся понятием о физической вселенной, и всю свою жизнь посвятил на отыскание необходимых научных средств для этой гигантской реформы» [19, с. 154].

Список литературы

1. Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ) Ф. 10 Оп. 1. Д. 6417а. Л. 1.; Д. 6427. ЛЛ. 41,42, 43.; Д. 6572. Л. 3.; Д. 6861. Л.7.; Д. 7137. ЛЛ. 3-3 об.; Д. 6243. Л. 10.; Д. 8100. Л. 5.; Д. 8426. Л.1.; Ф. 977. Оп. Совет Д. 5554. Л. 3.; Д. 7349. Л. 1.
2. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 567. Оп. 1. Д. 50. Л. 77.
3. Авдеев Д. О русском психологе профессоре В.А. Снегиреве // Вестник «В помощь страждущей душе», 2012. URL: <http://www.daavdeev.ru/stati-i-intervyu/o-russkom-psixologe-professore-v.a.snegireve.html>
4. Вержболович М. Обзор главнейших направлений русской психологии // Вера и разум. – 1895. – Т. 2. – Ч. I. – С. 455–487.
5. Гаврюшин Н.К. Антропология в свете гносеологии: В.А. Снегирев и В.И. Несмелов // Русское богословие. Очерки и портреты. – Нижний Новгород: Нижегородская духовная семинария, 2011. – С. 284-295.
6. Загоскин Н.П. Деятели императорского Казанского Университета 1805 г. – 1900 г. – Казань: Типо-литография Императорского университета, 1900. – 186 с.
7. Ивановский В.Н. Рец. На учебник «Психология» // Вопросы философии и психологии. Книга 19 (4). – 1893. – С. 89-94.
8. Кольцова В.А. Психология в России начала XX века (предреволюционный период) // Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / Под ред. А.В. Брушлинского. – М.: Издательство «Институт психологии РАН», 1997. – 576 с. - С. 10-48.
9. Кондратьев М.Ю. Психология и религия: параллельные проблемно-предметные плоскости // Психология. Журнал высшей школы экономики. – 2007. – Т. 4. – №. 2. – С. 65-73.
10. Костригин А.А. Проблема предмета психологии в философских работах В.А. Снегирева // Молодежь XXI века: образование, наука,

инновации: материалы II Всероссийской студенческой научно-практической конференции с международным участием: в 2 ч. / Министерство образования и науки РФ, Новосибирский государственный педагогический университет. – Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2013. – Часть 1. – С. 39-40.

11. Мазиллов В.А. Актуальные методологические проблемы современной отечественной истории психологии // Ярославский педагогический вестник. Научный журнал, № 2, том 2 (психолого-педагогические науки), 2014, с. 202-210.

12. Мазиллов В.А. История психологии и философия психологии (о некоторых актуальных методологических проблемах современной истории психологии) // Ярославский психологический вестник. - Вып. 29. - Москва-Ярославль 2014. - 138 - С. 10-16.

13. Мазиллов В.А. Методологические проблемы исследований в истории психологии // Ярославский педагогический вестник. Психолого-педагогические науки. Yaroslavl pedagogical bulletin : научный журнал Ярославль: РИО ЯГПУ, 2015. – № 1. – Том II (Психолого-педагогические науки), с.91-97

14. Мазиллов В.А. Методология психологической науки: история и современность. - Ярославль: МАПН, 2007. – 362 с.

15. Мазиллов В.А. Проблемы сознания в работах С.Н.Трубецкого // Психология сознания: современное состояние и перспективы: Материалы I Всероссийской конференции 29 июня – 1 июля 2007 г. , Самара. Самара: Изд-во Научно-технический центр, 2007, с. 109-111

16. Мазиллов В.А. Русская православная философия, философская психология и методологические проблемы современной психологии // Ребенок и пространство: Семь шагов к истине / Под ред. В.В.Козлова. М.: МАПН, 1996, с. 58-71.

17. Мазиллов В.А. Теория и метод в психологии. Ярославль: МАПН, 1998. 356 с.

18. Мазиллов В.А., Слепко Ю.Н. История психологии: учебно-методический комплекс дисциплины. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2015. - 291 с.

19. Несмелов В.И. Памяти Вениамина Алексеевича Снегирёва//Православный собеседник. – 1889. – № 5. – С. 97–154.

20. Олейник Ю.Н. Периодизация истории психологии: проблемы и перспективы // Методология и история психологии. - 2008. - Т. 3. - № 2. - С. 25-32.

21. Печеранский И.П. Единство религиозной веры и положительного знания в «Психологии живой личности» В. Снегирева // Религиоведение. – 2013. - №4. – С. 93-100.

22. Снегирев В.А. Психология. – СПб.: Общество памяти игуменнии Таисии, 2008. – 768 с.

23. Снегирев В.А. Психология и логика, как философские науки // Православный собеседник. – 1876. т. II. – С. 427-451.

24. Снегирев В.А. Сон и сновидения // Православный собеседник. – 1875. - т. III, С. 208, С. 441. - 1876. - т. II, С. 57, С. 136, т. III, С. 321.

25. Снегирев В.А. Спиритизм, как философско-религиозная доктрина // Православный собеседник. 1871. - т. I. – С. 12, С. 279; т. III. – С. 9, С. 142, С. 282.

26. Снегирев В.А. Учение о лице Господа Иисуса Христа в трех первых веках христианства // Православный собеседник. Приложение. – 1870. III и 71, I и отдельно Казань, 1871.

27. Стоюхина Н.Ю., Костригин А.А. Методологические аспекты психологии в работах В.А. Снегирева // APRIORI. Серия: Гуманитарные науки. - 2013. - № 2. – С. 11.

28. Стоюхина Н.Ю., Костригин А.А. Отечественные психологи конца XIX - начала XX вв. о снах и сновидениях // Психология и Психотехника. — 2015. - № 1. - С.63-69. DOI: 10.7256/2070-8955.2015.1.13808

29. Стоянов Ю.А. Гносеологические воззрения В.А. Снегирева // Вече. Альманах русской философии и культуры. – 2004. – № 16. – С. 279–286.

30. Терновский С. А. Историческая записка о состоянии Казанской Духовной Академии после ее преобразования (1870-1892) //Казань: Типолит. имп. ун-та. – 1892.

31. Цвык И.В. Духовно-академическая философия в России XIX в.: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.03/ М.: РУДН, 2002.

32. Цвык И.В. Снегирев Вениамин Алексеевич / Русская философия: Энциклопедия // Под. общ. ред. М.А. Маслина. Сост. П.П. Апрышко, А.П. Поляков. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2014. – 832 с. – С. 578.

33. 24 октября 2010 года исполнилось 115 лет со дня кончины смотрителя Нижегородского Печерского Духовного училища Елпидифора Антоновича Садовского [Электронный ресурс] URL: <http://www.pecherskiy.nne.ru/text/chronicle/537/> (Дата обращения: 05.05.2015)

Фаерман М. И. (г. Ярославль, Россия))

К КОНЦЕПЦИИ РАЗВИВАЮЩЕГО ИНТЕГРАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА (РИП)

В этой статье мы продолжим рассматривать в качестве объекта теоретического и эмпирического исследования интегративный конструкт *Развивающее интегративное пространство*. Предметами рассмотрения станут пространство в различном понимании, уровни потребностей в психологическом сопровождении, личностное развитие, интеграция в целостном теоретико-практическом конструкте РИП.

Понятие РИП рассматривается как рабочий теоретический и практический конструкт, обобщающий и интегрирующий известные идеи ряда психологических подходов, а так же новую концептуальную позицию интегративной психологии и целостного подхода.

In this article, we will continue to be seen as an object of theoretical and empirical research of integrative construct Developing integrative space. Will be the subject of space in a different sense, the levels of demand for psychological support, personal development, integration in the whole theoretical and practical construct DIS.

The concept of DIS is considered as a work of theoretical and practical construct summarizing and integrating the ideas of a number of well-known psychological approaches, as well as new conceptual stance integrative psychology and holistic approach.

Развивающее интегративное пространство, пространство, личностное развитие, уровни развития, интеграция.

Developing integrative space, space, personal development, levels of development, integration.

Понимание Развивающего интегративного пространства. Когда мы говорим о любого рода пространствах, то возникает необходимость их каким-то образом измерить. Это успешно делает физика, география, геометрия, астрономия, используя количественные методы. Философия, культурология и психология могут предложить качественные измерения (метафора, смысл, феноменология и др.). И, наконец, в целостном подходе можно использовать разного рода измерения, предполагая, что само понятие *пространства* предполагает и количественные, и качественные измерения, и представляется как нечто вообще неизмеримое, непостижимое.

В практической психологии под пространством (развивающим) часто понимается либо развивающая среда (аспект, смежный с педагогикой, реабилитологией и социальной работой), а так же как метафора (в семейной психологии, организационной психологии, трансперсональной психологии и др.). Лишь в очень специфичных областях психологии термин «пространство» используется в смысле природной среды, например в психологии окружающей среды, ландшафтной терапии. В эзотерике или духовных традициях мира, пожалуй, самое известное направление, использующее понятие «пространство», как активную символическую энергию влияния на жизнь человека, это китайская традиция Фен-шуй. Мы хотим предложить расширение смыслов данного конструкта, их интеграцию и новое уникальное понимание.

Развивающее интегративное пространство - концепция на пересечении разных областей знания [10]: как уже говорилось выше,

пространство в своем физическом измерении раскрывается в естественных и точных науках. А пространство в его метафорическом символическом измерении в свою очередь раскрывается в искусствоведении, антропологии или других аспектах исторической науки, в религиоведении и этнологии, в гуманитарных направлениях. Субъективная сторона пространства, его проекции, его рефлексия, ассимиляция, анализ и синтез - это уже предмет в частности психологии.

В расширенном смысле психологического контекста *пространство*, как трансформация, ассимиляция, проекция, репрезентация и, обобщая, интеграция личностью имеет множество измерений или содержаний. *Физическое или естественное измерение* пространства (длина, ширина, высота, объем, форма, цвет, вес, длительность, бесконечность, космос, природа, энергия...) постигается ощущением и восприятием на ряду с другими психическими процессами индивида, трансформируется в творчестве, ассоциациях, иллюзиях...

Событийное измерение пространства (яркость, насыщенность, значимость), как и *символическое - метафорическое измерение* (Вселенная, космос, энергия, пространство возможностей, пространства развития, пространство жизни...), как и *социальное измерение* (семья, общество, группа, племя...), как и *психологическое измерение* (развивающее интегративное пространство, терапевтическое пространство, «ореп спресе», телесное – и психо-телесное пространство...), как и *энергетическое, информационное измерения* и многие другие, постигаются и трансформируются личностью, индивидуальностью, самостью, мышлением, творчеством, воображением, взаимодействием, общением, рефлексией, осознанностью...

Пространство вне измерений – *интегрированное пространство* - постигается и трансформируется – интегрируется целостной *интегрирующейся* личностью.

РИП: уровни потребностей клиентских запросов, их сопровождение, интеграция.

Вообще, возникает важный вопрос, кому и зачем нужны группы или индивидуальные практики в концепции РИП и других схожих по духу подходов, таких как гуманистический, экзистенциальный [12, 15, 16], интегративный [2, 8], трансперсональный [4, 5]...? Ведь, исходя из философии такого рода подходов, работа в них направлена на довольно широкие и не вполне конкретные категории задач – самопознание, самоактуализация, ресурсность, расширение, осознание, личностный рост, творческий поток, приобретение смыслов, целостность, постижение себя и мира, гармоничность. Все эти позитивистские категории, удовлетворяющие отнюдь не дефицитные потребности человека, а потребности в развитии, в движении, в жизненном поиске, в каком-то смысле, удовлетворяют потребность в личностной трансценденции или *личностном развитии*... По статистике из психологических центров и от

психологов-консультантов, в России (по крайней мере в Ярославском регионе) запросов на такую работу значительно меньше по сравнению с запросами на условно «*терапевтическую*» работу, направленную как раз на реализацию дефицитарных потребностей: когда человеку плохо по причине разрушенных отношений или навязчивых страхов, или другого рода проблем. Безусловно, встречаются в психологической практике и промежуточные запросы: речь идет о задачах приобретения определенных навыков или компетенций, или качеств. Т.е. это уже не проблемный запрос, а скорее «задачный». Есть потребность в развитии и совершенствовании, например в области деловой эффективности, - но это еще не «трансцендентные» задачи, а вполне себе конкретные и прикладные.

Таким образом, можно выделить по меньшей мере три уровня потребностей, формирующих заказ на сопровождение: *проблемные, задачные, развитие (трансцендентные)*. И к каждому виду задач существует свой вид сопровождения и поддержки: условно, *психотерапия, консультирование – коучинг, сопровождение личностного развития* – или в метафоре РИП: «*путеводитель*», которые в свою очередь, включают множество конкретных подходов, направлений, методов, процедур и технологий. Можно говорить и об уровне *патологических проблем* (находящемся в этой логике перед уровнем проблем), выражающемся в хронических состояниях, серьезной психосоматика, и так называемом большом и отчасти малом круге психиатрии (психические заболевания). Но в большинстве случаев данный уровень будет предметом медицины, а не психологии (последняя здесь может лишь помогать и быть на вторых ролях).

Такое деление причин клиентских запросов на уровни созвучно со знаменитой «пирамидой потребностей» Абрахама Маслоу (идея деления потребностей на дефицитарные (первичные) и потребности развития (вторичные) так же заложена в концепции этого мыслителя), где безопасность и физиология могут соотноситься с проблемами, принадлежность и признание – с задачами, а самоактуализация (познание, личностный рост), конечно, соответствует развитию или трансцендентности. Есть и другая менее известная широкой публике аналогия: в буддистском космосе (или представлении об устройстве Вселенной) есть картина 6 миров (лок), расположенных сверху вниз. А В.В. Козлов в своей книге «Психология буддизма» [3] дополнил описание каждого из миров человеческими состояниями. Получилась красивая аналогия:

1 мир «Рай богов» - ассоциируется с состоянием гармонии и благополучия. В этом состоянии человек не нуждается ни в какой работе и движении. Это недостижимый идеал.

2 мир «Мир полубогов (Асур)» – все хорошо, но есть желание поиска и движения. Это та самая трансцендентная задача развития и потребность в личностном поиске.

3 мир «Мир людей»- есть разные потребности, есть страсти, все человеческие проявления в здоровом состоянии. Это уровень задач.

4 мир «Мир животных» - здесь правят инстинкты, бессознательные мотивы и импульсы. Это уровень задач и терапии одновременно.

5 мир. «Мир голодных духов» (Претов) – этот мир отличает постоянный голод, неутолимые потребности, патологическая зависть, обида, жадность и другие неврозы. Это уровень психотерапии.

6 мир. «Ад демонов». – соотносится с хроническими психическими проблемами (депрессия, кризис) или психиатрическими диагнозами. Соответственно, это уровень терапии, переходящий в психиатрию (т.е. в непсихологическую компетенцию).

Таблица 1. Уровни запросов - сопровождения

Уровень клиентского запроса	пример	сопровождение	примеры методов и процедур
Уровень сопровождения психиатрии и дополняющей психологии - ненормально (вне нашего рассмотрения)			
Патологическая проблема	<i>хроническая депрессия</i>	Медикаментозное, помогающее	<i>вспомогательная арт-терапия, лого-терапия...</i>
Уровни сопровождения психологии - нормально			
Проблема	<i>переживание развода</i>	Психотерапия (консультирование)	<i>гештальт-терапия, РЭТ...</i>
Задача	<i>навыки управления</i>	Консультирование (коучинг, тренинг)	<i>активные методы обучения: игра...</i>
Развитие (трансценденция)	<i>самопознание</i>	Личностное развитие (группы личностного роста, путешествие самопознания...)	<i>холоotropное свободное дыхание, духовный ритуал...</i>
Мета-уровень сопровождения интегративного подхода (в центре нашего рассмотрения)			
Целостность – интегративность предыдущих уровней	Целостность предыдущих уровней	РИП, системное целостное сопровождение	Целостность предыдущих уровней

На основе многолетнего опыта исследовательской и сопровождающей практики в том числе на уровне личностного развития в группах и индивидуальных консультациях, мы заключаем, что такого рода работа актуальна не только для малого количества «ищущих» людей, но и для всего общества с позиции расширения пределов своих ограничений, расширения мировоззрения, познания и изменения себя через мир и мир через себя. Такое расширение пределов ограничений дает ресурс для работы на более конкретных уровнях проблем и задач. Личность может приобретать новые сценарии и паттерны поведения, взгляд со стороны, инсайт, творческие состояния, рефлексивную или мета-рефлексивную позицию. Группа может менять структуру, ускорять и качественно менять параметры групповой динамики, изменять и расширять стратегии коммуникаций и взаимодействий. Общество может обогащать и изменять ментальность, стереотипы, отношения, аспекты культуры и традиций, могут более конструктивно, экологично и безболезненно протекать межэтнические, религиозные и политические конфликты вплоть до снижения их частоты и т.д. Мы глубоко убеждены, что в этом движении за пределы заключен один из экзистенциальных смыслов бытия как конкретного человека, так и человечества.

Таким образом, приходим к выводу, что условно выделяемые виды или уровни потребностей в психологическом сопровождении, по большому счету, формируют не автономные виды сопровождения клиента, а всего лишь маршруты освоения целостного пространства развития [11]. Мы солидарны с И. Яломом, критикующим «краткосрочную диагностически ориентированную терапию», и предполагаем, что не правильно или не в полной мере эффективно выявлять и останавливаться только на одном из обозначенных уровней, решая узкую задачу. В этом случае мы получаем мощное ограничение большинства психологических, психотерапевтических, эзотерических и духовных подходов, а так же их носителей в лице консультантов, психотерапевтов, психоаналитиков, шаманов, космоэнергетов, коучей, тренеров и т.д. Чтобы выйти за ограничение, работа может выстраиваться как путешествие с исследованием и развитием каждого уровня в его актуальном и уникальном выражении. В этом случае воплощается идея о целостном пространстве не только психического мира человека, но и целостном пространстве сопровождения (подходов, методов, технологий).

Личностное развитие. Тогда, часто используемый нами конструкт «личностное развитие» – можно рассматривать как интегративное целостное понятие, являющее качественно новое образование, объединяющее, уточняющее и обогащающее в себе такие хорошо исследованные конструкты, как самоактуализация и личностный рост (раскрыты в гуманистической (и трансперсональной) концепции А. Маслоу [6]); трансценденция (раскрыта в аналитической (и трансперсональной) психологии К.Г. Юнга, в трудах Э. Канта, У. Хайдеггера, Жана –Поля Сартра и других), поток (раскрыто в концепции

позитивной психологии М. Чексентмихайи [13]), психологическое благополучие (раскрыто в концепции К. Рифф); интеграция или интегральность (раскрыты в концепциях интегративной или интегральной психологии В.Козлова [2] и К. Уилбера [8] соответственно), проактивная жизненная позиция и авторство своей жизни (раскрыта в экзистенциальной концепции К. Ялома, Р. Кочунаса, Н.В. Ключевой), холотропное сознание (раскрыто в трансперсональной психологии С. Грофа, Л. Орра) и др.

Целостность личностного развития заключается и в том, что оно объединяет разные по своей природе процессы. И естественно-протекающие независимо от стремлений и вклада субъекта генетические, физиологические, психические, социальные процессы, формирующие соответствующие новообразования (социализация, аспекты жизненных сценариев, зрелость, телесность, аспекты интеллекта и мышления...). Процессы, требующие осознанного часто волевого непосредственного или опосредованного, например обучением, вклада индивида (именно такие процессы часто называют «личностный рост») - (навыки, умения, знания, качества или стратегии, паттерны, стили поведения). И, наконец, процессы, имеющие глубинную феноменологию, часто неосознанную и не всегда подвластную контролю (например, инсайты, катарсис, эвристические состояния и другие так называемые расширенные состояния сознания, расширение эмоциональной, когнитивной и поведенческой сферы). Все эти разные по своей природе и механизмам процессы, обогащают, наполняют, дают большую функциональность личности и объединяются в интегративное понятие *личностное развитие*. Надо так же отметить, что метафоры вроде бы синонимичных терминов «рост» и «развитие» отличаются именно по ширине охвата. Первое предполагает движение только в одну сторону (вверх), второе – во все стороны сразу.

Личностное развитие как интегративный конструкт, как психический и жизненный процесс одновременно является высоким уровнем потребностей человеческой жизни, отдельной задачей психологического сопровождения, маршрутом на пути исследования каждого уровня личностных потребностей: проблем, задач и мета-задач; энергией – силой и перманентным результатом путешествия по целостному пространству жизни (РИП).

Итог. Расширение смыслов РИП.

Очередным итогом наших заключений является представление интегративной системы, в которой Развивающее интегративное пространство является с одной стороны теоретическим конструктом понимания интеграции внутреннего многоуровневого и многосистемного (т.е. интегративного по своей сути) целостного мира человека, такого же интегративного мира внешнего, и *мета-мира (микро – макрокосмо, Дао)* в своем единстве. Здесь «развивающее» подразумевает механизм и феноменологию взаимовлияния и взаимообогащения миров, служащий одной из важнейших на наш взгляд движущих сил формирования

личности. С другой стороны РИП – среда (целостное пространство) благоприятных условий для личностного развития, т.е. практико-ориентированный конструкт, воплощаемый в конкретных программах, проектах, методиках и технологиях сопровождения личности и группы, в выстраивании и конструировании своего жизненного пути. Здесь, как и в следующем далее смысле, «развивающее» подразумевает оказываемый на личность эффект. С третьей стороны РИП – это метод интегративной психологии в русле концепции Развивающего интегративного пространства, интегративной психологии и целостного подхода, воплощаемый через группы личностного развития, путешествия личностного развития [9], конкретные интегративные психотехнологии (холотропное путешествие на основе холотропного свободного дыхания и динамической медитации, проективное картирование РИП, дневник путешествия в том числе видео-дневник, проективная исследовательская методика «мировые места силы» и др.), автономные интегрируемые методы (ландшафтная терапия, анимало-терапия, холотропное дыхание, вайвейшен, свободное дыхание, ребефинг, ДМД, арт-терапия, эмоционально-образная терапия, телесно-ориентированная терапия, символдрама, метафорические карты, элементы психодрамы, огромный «веер» адаптированных психо-духовных практик мировых традиций и множество других).

Все три стороны подразумевают определенный контекст РИП, заключающийся в нахождении ресурсности или полезности в каждом элементе нашего жизненного пути и психической реальности, а так же в рассмотрении таких категорий, как счастье, удовлетворенность, состояние потока и вообще, в глобальном плане, отношение к людям и их жизни как потенциальности, возможностям, постоянному развитию. И этот контекст лишь дополняет идею ограниченности, замкнутости, «территориальности» человека – что так же является мощным ресурсом развития. Эти идеи во многом совпадают и отчасти заимствованы из взглядов экзистенциально-ориентированной и позитивной психологии (раскрыто в трудах К. Ясперса, И. Ялома и других, М. Селигман, М. Чиксентмихайи).

Во всех смыслах и со всех сторон рассматриваемые нами конструкты: развивающее интегративное пространство, личностное развитие, уровни личностного развития – интегративны. И эта интегративность хорошо раскрывается в метафоре «гнезда», предложенной Кеном Уилбером [8]. Или в метафоре матрешек, более понятной русской ментальности. Или в системно-уровневой теории, разработанной в частности в трудах М.С. Роговина [7].

Концептуальное обоснование РИП позволило нам разработать ряд центральных практических методов, таких как группа личностного развития в развивающем интегративном пространстве, путешествие личностного развития в развивающем интегративном пространстве, принципы и программы работы студии интегративных практик психологии

и йоги «Терра: Территория Твоего Развития». А так же арсенал методик и психотехнологий в концепции РИП. В свою очередь опыт воплощения методов и применение психотехнологий на практике для сопровождения клиентских запросов позволили актуализировать и постулировать многие положения концепции Развивающего интегративного пространства. Подробнее о практике РИП в следующих статьях.

Литература.

1. Гроф, С. Холотропное сознание [Текст] / С. Гроф. – М.: АСТ и др., 2002. – 267 с.
2. Козлов, В. Интегративная психология: пути духовного поиска, или освещение повседневности [Текст] / В. В. Козлов. – Москва: Психотерапия, 2007. – 520 с.
3. Козлов, В. Психология буддизма [Текст] / В.В. Козлов – Москва, 2010 – 239 с.
4. Козлов, В. Трансперсональная психология: Истоки, история, современное состояние [Текст] / В. В. Козлов, В. В. Майков – М.: АСТ, 2004. – 603 с.
5. Майков, В. Становление трансперсональной психологии [Текст] / В. В. Майков // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии: сб. ст. [Текст] / Под ред. Д. А. Леонтьева, В. Г. Щур. – М.: Смысл, 1997. – 334 с.
6. Маслоу, А. Самоактуализация [Текст] / А. Маслоу // Психология личности: Тексты: сб. / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, А. А. Пузыря. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – 287 с.
7. Роговин, М.С. Структурно-уровневые теории в психологии [Текст] Ярославль, ЯрГУ, 1977. – 78 с.
8. Уилбер, К. Интегральная психология [Текст] / К. Уилбер, М.: АСТ и др., 2004. – 231 с.
9. Фаерман, М Психологический туризм: методические принципы [Текст] Психология XXI столетия. МАПН., Ярославль, 2015. - 7с.
10. Фаерман, М. Развивающее пространство как практическая концепция интегративной психологии. [Текст] Психология XXI столетия. Том 2. МАПН , Ярославль, 2012. – 6 с.
11. Фаерман, М. Интегративная концепция в групповом и индивидуальном консультировании [Текст] Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки 2011. № 3 - 5с.
12. Франкл, В. Э. Человек в поисках смысла: сб. / В. Э. Франкл; пер. с англ. и нем. [Текст] / Общ. ред. Л. Я. Гозмана, Д. А. Леонтьева. – М.: Прогресс, 1990. – 366 с.

13. Чиксентмихайи, М. Поток. Психология оптимального переживания. [Текст] / М. Чиксентмихайи, Москва, 2011. - 1122 с.
14. Юнг, К. Г. Аналитическая психология: ее теория и практика: Тэвистокские лекции. Исследование процесса индивидуации [Текст] / К. Г. Юнг, М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 1998. – 295 с.
15. Ясперс, К. Разум и экзистенция. [Текст] / К. Ясперс, М.: Канон+, 2013
16. Ялом, И, Экзистенциальная психотерапия. [Текст] / И. Ялом, М.: Класс, 1999
17. Материалы веб-сайта: персональный сайт www.faerman-terra.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Изакова А. Т. (Астана, Казахстан)

Методология построения модели компетенций на примере анализа деятельности государственных служащих Республики Казахстан

Ключевые слова: отбор персонала, модель компетенций, методология построения модели компетенций, психометрический опросник

Keywords: personnel selection, competency model, Methodology of model building competencies, psychometric questionnaire

Аннотация

В статье описаны функции модели компетенции; показаны выводы анализа должностных инструкций государственных служащих и Реестра должностей; выявлены компетенции, влияющие на отдельные виды деятельности; продемонстрирована модель компетенций государственных

служащих; описан психометрический опросник составленный на основе модели.

Abstract

The article describes the function of a competence model; shows findings of the analysis of job descriptions of civil servants and position registries; identifies competencies that affect certain activities; demonstrates competency model of civil servants; describes a psychometric questionnaire based on a model.

Эффективный отбор персонала – это одна из основных задач центра по управлению персоналом государственных служащих. При этом актуальным вопросом стоит методология построения модели компетенций. Это происходит вследствие процесса укрепления и развития общества, и как результат обоснованное повышение требований к деятельности государственных служащих.

Модель компетенций, ее содержание, во многом зависит:

- от методологии ее построения,
- от характера деятельности, в которой проявляются компетенции,
- от ожидаемого образа кандидата на должность служащего, для которого модель является ориентиром в профессиональном самоопределении,
- от ожидаемого образа требуемого работодателем, для которого данная модель является идеальным профилем, отправной точкой, оценки персонала.

Методология построения модели компетенций основывается на анализе мотивационной сферы личности, так как способности личности и условия деятельности являются производной и функцией мотивационных свойств личности (см. Схему 1).

Схема 1. Влияние мотивационных свойств на способности и деятельность личности

Таким образом, методологической основой исследования построения модели компетенций, являются:

- теории и концепции исследования обусловленности субъективных характеристик и условий деятельности Б.Д.Карвасарского, В.К.Вилюнаса, А.Анастаси; направленности личности, ее динамическая и смысловая характеристики С.Л.Рубинштейна, А.Н.Леонтьева, А.С.Прангишвили; представлений личности о себе – «я»-концепции А.Маслоу, К.Роджерса, Р.Б.Бернса, Л.И.Божович, А.Н.Леонтьева; интегративный подход исследования личности В.В.Козлова.
- теории и концепции исследования профессионально важных качеств Е.А. Климova, В.Д.Шадрикова, А.В. Карпова; профессиональной пригодности В.А.Бодрова; профессиональный психологический отбор Б.Л.Малкина, А.Г.Маклакова; оценка качества жизни В. А. Хащенко, И. А. Джидарьян, Н. А. Журавлева.
- исследования управленческих компетенций в профессиональном самоопределении А.Т.Изаковой.

Для построения модели компетенций собраны следующий материал:

- анализ должностных инструкций, который показал, что целесообразно все должности дифференцировать по функционалу;
- анализ Реестра должностей государственных служащих, позволил дифференцировать должности государственных по группам категории должностей и самих должностей;

- анализ анкет уточняющие и выявляющие содержание деятельности и характеристик способностей, реализуемых государственными служащими в деятельности.

Данный материал послужил основой для выделения следующих компетенций:

- Аналитичность - способность получать новые познавательные результаты, анализировать и устанавливать отношения между частями целого.
- Стратегическое мышление - способность человека прогнозировать результаты и последствия действий (своих и чужих) на много шагов вперед.
- Ориентация на качество - способность ориентироваться на интересы потребителей государственной службы и стратегию организации, ориентироваться на передовые стандарты условий жизнедеятельности.
- Лидерство - способность управлять действиями группы (организации), обладать признанным авторитетом и влиянием, отвечать за принятые решения и взаимоотношения в группе (организации).
- Организованность - способность обеспечить оптимальные условия для выполнения функций и обязанностей государственной службы.
- Инициативность - способность достигать результаты своей деятельности, реализуя свою инициативность и креативность, невзирая на трудности.
- Коммуникативность - способность использовать систему внутренних ресурсов личности, необходимых для построения эффективной коммуникации в определенном круге ситуаций межличностного взаимодействия.
- Этичность - способность оставаться членом государственной службы, прилагать усилия в интересах государственной службы, принимать ценности государственной службы и разделять ее цели.

Классифицировали функционал должностей и тип деятельности по предмету труда (по Е.А.Климову [1], см. Таблицу 1). Функционал должностей имеет следующие характеристики:

Аналитическая группа – содержание должности: разработка и проведение правовой экспертизы нормативных правовых актов / разработка аналитических отчетов / формирование бюджетных программ, плана финансирования, бюджетных инвестиционных проектов / разработка аналитических финансовых отчетов / проведение оценочно-проверочных процедур.

Административно-хозяйственная группа – содержание должности: кадровая работа / административная работа / работа с корреспонденцией / ведение документации / административно-хозяйственная деятельность.

Коммуникативная группа – содержание должности: непосредственное взаимодействие с услугополучателями.

Организационная группа – содержание должности: организация мероприятий, связанных с выполнением функционала.

Таблица 1. Типы профессий по предмету труда

Тип профессии по предмету труда	Гностические (распознать, определить)	Преобразующие (обработать, обслужить)	Изыскательские (изобрести, придумать)
Человек - техника		Административно-хозяйственная группа	
Человек - знаковая система	Аналитическая группа		
Человек - человек		Коммуникативная группа; Организационная группа	Организационная группа

Выявленные характеристики компетенций и характеристики функционала должностей соотнесли по следующим параметрам:

1. Предмет деятельности;
2. Цели деятельности;
3. Средства деятельности;
4. Условия деятельности;
5. Характер подвижности в деятельности;
6. Характер общения в деятельности;
7. Ответственность в деятельности;
8. Особенности деятельности;
9. Типичные трудности и неприятности;
10. Минимальный уровень образования для работы.

В результате соотношения характеристик компетенций и должностей, сформировалась шкала соответствия компетенций группам и уровням должностей. Уровнями должностей являются следующие [2]: руководители высшего звена (РВЗ), руководители среднего звена (РСЗ), руководители Рабочей группы (РРГ), исполнители (И). Определены уровни соответствия по следующим критериям:

- 100%-ое соответствие характеристик функционала должностей и компетенций – коэффициент 4;
- 75%-ое соответствие – 3;
- 50%-ое соответствие – 2;
- 25%-ое соответствие – 1. (см. Таблицу 2)

Таблица 2. Шкала соответствия компетенций группам и уровням должностей

	Компетенции
--	-------------

Группы должностей, должности		Аналитичность	Стратегическое мышление	Ориентация на качество	Лидерство	Организованность	Инициативность	Коммуникативность	Этичность
Аналитическая	РВЗ	4	4	3	4	3	4	3	4
	РСЗ	4	3	2	3	2	3	2	3
	РРГ	4	3	2	3	2	3	2	2
	И	4	3	1	3	1	3	1	1
Организаторская	РВЗ	3	3	4	4	3	4	4	4
	РСЗ	2	2	3	4	2	4	4	3
	РРГ	2	2	3	4	2	4	4	2
	И	1	2	3	4	1	4	4	2
Коммуникативная	РВЗ	3	3	4	4	3	4	4	4
	РСЗ	2	2	4	4	2	4	4	4
	РРГ	2	2	4	4	2	4	4	4
	И	1	2	4	4	1	4	4	4
Административно-хозяйственная	РВЗ	3	3	4	4	4	4	3	4
	РСЗ	2	2	3	4	3	4	2	3
	РРГ	2	2	3	4	3	4	2	2
	И	2	2	3	4	3	4	1	2

Анализ шкалы соответствия компетенций группам и уровням должностей показал наиболее устойчивые значения компетенций. Устойчивыми компетенциями определены следующие: компетенция аналитичность в Аналитической группе должностей; компетенции лидерство, инициативность, коммуникативность – в Организационной; компетенции ориентация на качество, лидерство, инициативность, коммуникативность, этичность – в Коммуникативной; компетенции лидерство и инициативность – в административно-хозяйственной. Результаты наиболее устойчивых компетенций, в большей степени влияют на успешность реализации деятельности одной из четырех групп должностей и отнесены к профессиональным компетенциям, компетенции, которые имеют неустойчивое значение необходимости в деятельности отнесены к личностным компетенциям.

Таким образом, каждой группе должностей наиболее соответствует тот образ компетенций, который в наибольшей степени отвечает требованиям характеристики деятельности, а система образов является моделью компетенций (см. Таблицу 3).

Таблица 3. Модель компетенций

Виды компетенций	Группы должностей			
	Аналитическая	Организационная	Коммуникативная	Административно-хозяйственная

Личностные компетенции	Коммуникативность Организованность Ориентация на качество Этичность Инициативность Лидерство Стратегическое мышление	Организованность Стратегическое мышление Аналитичность Этичность Ориентация на качество	Организованность Стратегическое мышление Аналитичность	Коммуникативность Стратегическое мышление Аналитичность Этичность Организованность Ориентация на качество
Профессиональные компетенции	Аналитичность	Коммуникативность Инициативность Лидерство	Этичность Коммуникативность Инициативность Лидерство Ориентация на качество	Инициативность Лидерство

Ориентируясь на полученную модель компетенций (идеальный образ служащего) сконструирован психометрический опросник компетенций государственного служащего.

Психометрический опросник – это проективная методика, которая направлена на выявление различных проекций в данных исследования личности. С помощью вопросов создается экспериментальная ситуация, с помощью вариантов ответов создается множественность интерпретаций при восприятии испытуемыми ситуации.

Так называемой, «экспериментальной ситуацией» в данном опроснике являются вопросы, ориентированные на определение следующих характеристик:

1. Направленности мотивов личности:

- направленность на карьеру – личностная направленность – на себя;
- направленность на успех – профессиональная направленность – на деятельность;
- направленность на принадлежность к группе – социальная направленность – на общение.

2. Мотивы личности:

- предвосхищение, процесс подготовки к действию – мотив ожидания;
- желание действовать – мотив побуждения;
- мобилизованность – мотив готовности;
- контроль – установки личности.

В ответах спроецированы образы, то есть «множественность интерпретаций»: идеальный образ, реальный образ, актуальный образ, допустимый образ, необходимый образ.

Таким образом, опрашиваемый, в вопросе входит в анализ ситуации, а в ответе совершает наиболее подходящий, по его мнению, выход, то есть проецирует свои мотивы в рамках характеристик компетенций, которые входят в содержание вопросов и ответов. Тем самым, опрашиваемый создает свою модель компетенций: по личностной направленности, по «я»-концепции, позволяя определить мотивы деятельности и уровень устойчивости собственного образа, которые являются критериями сопоставления с полученной моделью компетенций (идеальным образом).

Литературные источники:

1. Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. - М.: Издательский центр "Академия", 2004. - 304 с.
2. Бодров В.А. Психология профессиональной пригодности. Учебное пособие для вузов – М.. ПЕР СЭ, 2001– 511 с.

Клюева Н.В., Армашова А. Б. (Ярославль, Россия)
**ЭТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПСИХОЛОГА-КОНСУЛЬТАНТА**

Аннотация. В статье анализируются основные проблемы этической составляющей профессиональной деятельности психолога-консультанта в современной России. Рассматриваются наиболее острые противоречия этических систем, влияющих на процесс психологического консультирования. Ставится проблема исследования детерминант восприятия этических дилемм консультантом и принятия решения в подобных ситуациях.

Ключевые слова: психолог-консультант, этический кодекс, профессиональное сообщество, этическая дилемма

The article analyzes the main problems of the ethical aspects of professional activities of psychological counsellors in modern Russia. The most urgent and calamity contradictions of ethical systems that affect the process of psychological counseling are being considered. The research of the determinants of the perception of ethical dilemmas by the counsellor is being under review as well as the taking decisions in such situations.

Keywords: psychological counsellor, Code of Ethics, professional community, ethical dilemma

Качество отношений психолога – консультанта с клиентом во многом зависит от того, какие правила регулируют эти отношения. Не смотря на уникальность контакта «психолог-консультант» и большом диапазоне возможных сценариев развития отношений, есть установки и предписания,

которым неукоснительно следует профессионал в сфере человеческих отношений. В то же время, в современной России есть ряд проблем, которые являются предметом дискуссий профессионального сообщества и ученых.

Перечислим некоторые из них:

- *отсутствие правовой регуляции и механизмов защиты клиента и психолога-консультанта от неправильных действий.* В нашей стране нет сформированного механизма, обеспечивающего соблюдение норм Этического кодекса, который включал бы в себя как этический аудит, так и регуляцию системы этико-правовых санкций за нарушение этических норм и правил. В США управление этическим режимом возложено государством, прежде всего, на федеральные агентства, функционирует Офис защиты исследований с людьми (OHRP), где разрабатывается политика и правила защиты участников исследований и контролируется их соблюдение с помощью создаваемых в научно-исследовательских и учебных организациях Институциональных наблюдательных советов (Institutional Review Board, IRB). Так же в регуляции участвуют Национальный институт здравоохранения (NIH), Администрация по продовольствию и лекарствам (FDA)) [2];

- *проблемы функционирования профессиональных сообществ как основных административных центров исполнения профессионального этического кодекса.* Для решения проблем этической сферы только правовой регуляции недостаточно, действие права ограничено как временными рамками, так и отсутствием обратной силы, и влиянием на действие закона условий переходного, неустойчивого состояния общества. Конечно, российское профессиональное сообщество давно осознало, что там, где заканчивается действие закона, должны начинать действовать профессиональные этические ограничения. Однако решения по поводу организации работы этических комитетов носят весьма разрозненный и неорганизованный характер, поскольку требуют адаптации под условия существования сообществ в нашей стране, особенности их социального статуса в сравнении с западными и европейскими психологическими ассоциациями. Гарбер И.Е. в своей статье «Этика психотерапии и психологического консультирования в России: постановка проблемы» (2014) приводит для сравнения численность членов Российского профессионального сообщества (РПО), которое позиционирует себя как профессиональную корпорацию психологов России и составляет 5000 человек. Есть Ассоциации, которые объединяют психотерапевтов (Профессиональная психотерапевтическая лига), региональные сообщества, в частности на территории Ярославской области уже пятый год существуют Региональная Ассоциация психологов-консультантов (НП «РАПК»), в которую входит 38 психологов-консультантов и психотерапевтов. Для сравнения Американская психологическая ассоциация (АРА) объединяет около 150000 членов, а Европейская

Федерация Психологических ассоциаций (EFPA) — около 300000. У них иные административные, финансовые и издательские возможности. [2]

- *недостаточность этического образования психологов* (недостаточность специализированных дисциплин, направленных на повышение осведомленности будущих психологов-консультантов в вопросах этики, дефицит специализированной литературы и занятий, посвященных идентификации конфликтов интересов и способам разрешения моральных дилемм, анализу типичных ситуаций, возникающих на практике, тренингов, направленных на решение этических проблем с экспертами и супервизорами). [1,2,4,7,8]

Одним из главных факторов значимости обсуждения выделенных выше проблем являются случаи нарушения этики психологами и психотерапевтами. Проблема нарушений, содержит в себе множество аспектов, касающихся как стандартов взаимодействия психологов с клиентами, так и функционирования профессиональных сообществ, квалификации практикующих психологов и законодательной базы лежащей в основе профессиональной психологической деятельности.

В Европе прижилось выражение «Этичный бизнес – здоровый бизнес» (Francis,1993). За рубежом соблюдение этики прочно подкрепляется простыми коммерческими соображениями, желанием избежать негативных отзывов в прессе, претензий и судебных исков.[7] Много ли клиентов, обращающихся за психологической консультацией в нашей стране, знает о существовании этических комитетов, о значимости членства специалиста в профессиональном сообществе? Случаи обращений в этические комитеты единичны, зачастую они ограничиваются редкими обсуждениями на психологических порталах в интернете. В нашей стране вопросы соблюдения этики это вопросы личной нравственности психолога. В своей частной практике в большинстве случаев психолог работает в условиях нерефлексируемого морального выбора, когда его профессиональная и социальная ответственность минимальна, а возможное этическое нарушение не влечет за собой никаких правовых санкций.

Таким образом, ситуация этической дилеммы из этического измерения, переходит в психологическое, личностное, где принятие решения зависит не столько от совершенства профессиональной этической системы, сколько от зрелости индивидуального сознания специалиста, осознанности принятия им той или иной этической системы, его ценностных установок и мировоззрения, личностной зрелости и мудрости.

Рассмотрим наиболее острые противоречия, выделенные нами на основе анализа результатов исследований в сфере психологической этики и деонтологии, приводящие к возникновению этических проблем в профессиональной деятельности психолога-консультанта.

Дилемма профессиональной и личной этических систем.

Требования этического стандарта помогающих профессий, в том числе и к профессии психолога, очень высокий по сравнению со средним

уровнем индивидуальной нравственности в обществе [11,12]. Следствием этого является возникновение феномена двойного этического стандарта у специалистов помогающих профессий, описанного Е. К. Веселовой.[1] Он заключается в следовании двум этическим системам: профессиональной на работе, и индивидуальной, моральные притязания, которой на порядок ниже, в обыденной жизни. Как правило, в такой ситуации возникает два варианта исхода событий. При позитивном исходе, высокая этическая планка профессии заставляет человека лично развиваться, и приводит к осознанной интериоризации профессиональных этических принципов, что способствует минимизации ценностных конфликтов.

Во втором варианте этический профессиональный кодекс заучивается как правила поведения при выполнении профессиональной роли. Однако в таком случае, в ситуации ценностного конфликта, следование профессиональному кодексу, будет требовать больших волевых усилий от специалиста, что может привести к быстрому профессиональному выгоранию. Так же двойной моральный стандарт может способствовать тенденции нарушения принципов Этического кодекса в ситуациях так называемого «слабого морального выбора», когда неисполнение требований кодекса не повлечет за собой наказания, и серьезных последствий, но зато принесет коммерческую или иную выгоду.

Дивергенция ценностей психологических школ.

Основой нравственного сознания личности является его мировоззренческая система. При вынесении сложной этической дилеммы на суд психологического сообщества, членами которого являются представители различных школ консультирования, не редко происходит трансляция нравственных коллизий возникающих в ситуации взаимодействия людей, имеющих различные нравственные ориентиры.

И. Р. Мироненко в своей работе, посвященной проблеме поиска нравственных ориентиров в отечественной психологии, говорит о том, что кризисное положение в сфере нравственности вызвано дивергенцией представлений о ценностях в ситуации сложного многообразия и растущей интенсивности взаимодействия культур как в современном обществе, так и в психологической методологии и практике в частности. [6]

Мировая наука находится в процессе интеграции, где неизбежно обнажаются ценностно-нравственные основания различных теорий и подходов, являющиеся отражением идеалов породивших их культур. Каждая психологическая теория, как собственно и конкретное психологическое исследование исходит из определенной философской концепции, представлении о сущности человека и его предназначении, которое оно подтверждает или опровергает. На сегодняшний день в психологической науке нет единых ценностных ориентаций. Представления об основных функциях психики, её эволюционном предназначении в концепциях разных школ существенно различаются, не

говоря об ответах на вопросы о сущности и идеале человеческой личности.

Таким образом, различия в мировоззренческих системах могут осложнять нахождение единственного разрешения ситуации, очевидного для членов сообщества с моральной точки зрения.

Дилемма морали справедливости и морали заботы.

Одной из самых сложных типов ситуаций выбора являются этические дилеммы. Этическая дилемма представляет собой ситуацию морального выбора, выход из которой предполагает лишь два взаимоисключающих решения, причем оба эти решения не являются безупречными с моральной точки зрения.[10] Иными словами, специалисту необходимо выбрать, какому этическому принципу кодекса он будет следовать в данном конкретном случае, а какой придется нарушить. Сюда же можно отнести ситуации, когда исполнение постулата профессиональной этики, приведет к нарушению общественных этических принципов.

В социальной работе для решения проблемы возникновения подобных дилемм предлагается Экран Этических принципов (Loewenberg and Dolgoff,1992), который представляет собой иерархию принципов по значимости.[9] Так, например, в Этическом кодексе социального работника есть принцип автономии и свободы, гласящий, что социальный работник должен принимать решения, которые способствуют автономии человека, его независимости и свободе. Однако, в ситуации, когда человек собирается нанести вред себе или кому-то другому, социальный работник обязан вмешаться, поскольку этический принцип защиты жизни стоит на первом месте в иерархии принципов. Иерархия Экрана Этических принципов построена на логике выбора наименьшего из двух зол, логике допущения наименьшего вреда прежде всего обществу и затем подопечному.

В психологическом консультировании механизм принятия решения в такой сложной ситуации не может регулироваться лишь рациональной расстановкой приоритетов этических принципов, так как выбор попадает под воздействие целой совокупности факторов внутренней детерминации (профессиональные и личные ценности, опыт профессиональной деятельности, возраст, личная история консультанта, особенности отношений с клиентом, эмоциональный интеллект, толерантность к ситуации неопределённости и т.д.) [1,3,4,5]

На Международном научном конгрессе «Психология XXI столетия», посвященном 45-летию факультета психологии ЯрГУ и 80-летию профессора В.В. Новикова был проведен круглый стол (руководители Н.В. Ключева и Е.Г. Руновская), посвященный этическим дилеммам в консультировании. В начале был произведен опрос участников, направленный на выявление знаний принципов этического профессионального кодекса психолога. Было выявлено, что участники назвали не столько реальные принципы этического кодекса, сколько личные этические принципы, которым они придерживаются в своей

деятельности. Были и участники (практикующие психологи-консультанты), не назвавшие ни одного принципа. На основе данных результатов, можно сделать предположение о том, что Этический кодекс для большинства является лишь внешним по отношению к их деятельности документом, реально не влияющим на отношения с клиентом. На основное обсуждение участникам была представлена этическая дилемма (случай из практики работы одного из руководителей дискуссии) : ситуация обращения за помощью клиента, являющегося распространителем наркотиков, в которой сталкивались принцип конфиденциальности и принцип гражданской ответственности. Проанализировав состоявшееся обсуждение, мы смогли выделить группы людей с абсолютно разным восприятием данной дилеммы:

- участники, рассматривающие ситуацию с позиции клиента, доверившего психологу свою проблему, при осознании риска своего обращения;

- участники, остро чувствующие свою гражданскую ответственность в данной ситуации;

- участники, которые не рассматривали данную проблему как дилемму вообще, и сразу давали четкий ответ, что нужно исполнить свой гражданский долг.

Исследование детерминант восприятия этических дилемм и принятия решения в подобных случаях представляется нам особенно актуальным и важным для развития и консультационной психологии как сферы научного знания, и психологического консультирования как практики оказания помощи личности, группе, семье.

Для того, чтобы найти варианты решения проблем этической регуляции, необходимо опираться или создать теоретико-методологическую схему, к которой будет предложен объяснительный принцип. Кэрон Гиллиган описала концепцию, согласно которой процесс морального развития представляет собой переплетение двух путей: пути морали справедливости и пути морали заботы, обусловленных мужским и женским типом развития.

Мораль справедливости, так называемый мужской тип развития, основан на прогрессе автономности, защите фундаментальных прав на жизнь и самореализацию. Мир активности людей такого типа - это мир иерархии связей соподчинения. Они говорят на языке морали справедливости, права невмешательства, законности.

Мораль заботы, мораль женского типа развития, основана на осознании значимости связи взаимозависимости между людьми. Это мораль эмпатии, мораль любви и заботы, её язык это язык ответственности и эгоистичности.

Согласно данной концепции, идеал моральной зрелости комплементарное сочетание этих двух типов морали. [3]

Оба типа морали сами по себе не являются полноценными с точки зрения нравственного развития. В рассматриваемой на круглом столе

дилемме один из вариантов решения, основанный на исполнении гражданской ответственности, в целом созвучен морали справедливости. Второй вариант решения, основан на сопереживании и защите, прежде всего, прав личности клиента, созвучен морали заботы. Оба варианта не безупречны с этической точки зрения. Они могут критиковаться как с позиций дефицитарности восприятия самой дилеммы, недостаточной погруженности в ситуацию, основ консультативного контакта, так и недостаточной самоидентификации специалиста как ответственного перед клиентом лица, профессиональным сообществом и гражданским обществом.

Результаты опросов психологов-консультантов показывают недостаточную компетентность специалистов в сфере этических дилемм, нехватку специализированных занятий и литературы, где подробно разбирались бы подобные ситуации. Специалисты, говорят о потребности в супервизиях, и действующих доступных этических комитетах, которые могли бы давать рекомендации в сложных ситуациях и служить регламентирующим органом.[8]

Важно, чтобы решение этого рода проблем сводилось не только к укреплению нормативных процедур, расширению кодекса, разработке санкций за нарушения и т.п., а прежде всего, было направлено на разработку методов формирования и укрепления моральной надежности специалистов, развития их нравственной зрелости.

Литература

1. Веселова, Е.К. Психологическая деонтология Текст.: дис. . докт. психол. наук / Е.К. Веселова. СПб., 2003.
2. Гарбер, И. Е. Этика психотерапии и психологического консультирования в России: постановка проблемы // Теория и практика психотерапии. 2014.№1(1).
3. Гиллиган, К. Иным голосом // Этическая мысль. - М.: Республика, 1992
4. Ключева, Н. В. Этика и профессиональное общение психолога-консультанта: метод. указания / Н. В. Ключева, Н. С. Головчанова; Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. – Ярославль: ЯрГУ, 2012. – 52с
5. Корнилова, Т.В., Новотоцкая-Власова, Е.В. Соотношение уровней нравственного самосознания, эмоционального интеллекта и принятия неопределенности// Вопросы психологии, 2009. № 6. С. 61-72.
6. Мироненко, И.А. Проблема нравственности в современной российской психологии // А. Л. Журавлев, А. В. Юревич (отв. ред.) Психология нравственности. Труды ИПРАН. - 2011. - С. 15-29
7. Форман, Н., Роулз, Р. «Этические проблемы в психологии: британский опыт» - Психология - 2004. № 1
8. Kolay Akfert, Serpil. Ethical Dilemmas Experienced by Psychological Counsellors Working at Different Institutions and their Attitudes and Behaviours as a Response to These Dilemmas /Educational Sciences: Theory and Practice, v12 n3 p1806-1812 Sum 2012

9. Loewenberg, F., & Dolgoff, R. Ethical decisions for social work practice (4th ed.)// Itasca, IL: F.E. Peacock, 1992

10. McConnell, T. Moral dilemmas / Stanford Encyclopedia of Philosophy / First published Mon Apr 15, 2002; substantive revision Mon Jun 30, 2014/ <http://plato.stanford.edu/entries/moral-dilemmas/>

11. Кодекс профессиональной этики Региональной Ассоциации психологов-консультантов/ <http://rapk.org/ethic-code/>

12. Этический кодекс РПО/ <http://рпо.рф/рпо/documentation/ethics.php>

Козлов В.В. (Ярославль), Смагулов Б.С. (Астана)

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭЛИТОЛОГИИ

Аннотация

В статье предпринята попытка анализа различных моделей в понимании элиты. Авторы считают, что актуальность проблемы, совокупность отдельных аспектов изучения элит в различных науках, в разные исторические периоды, а также анализ современной практики дают возможность разработать и обосновать интегративную психологическую концепцию элит.

Ключевые слова

Элита, общество, личность, массы, концепция, политический строй, низы, демократия

Abstract

The article attempted to analyse the different models in the understanding of the elite. The authors believe that the urgency of the problem, the totality of the individual aspects of the study of elites in various sciences, in different historical periods, as well as an analysis of current practices provide an opportunity to develop and substantiate the integrative psychological concept of elites.

Keywords

Elite, society, identity, mass concept, political system, gutter, democracy

Социально-политическое и экономическое переустройство общества во многом зависит от готовности элиты, как неотъемлемой и важной его составляющей к осуществлению функции управления социумом, а также выработки новых моделей поведения, позволяющих социуму приспособляться к изменяющемуся окружению.

Само толкование термина «элита» претерпевает семантические трансформации. Традиционная аксиологическая интерпретация понятия «элита» (лат. electus, англ., фр. élite - избранный, лучший) подчеркивает базовый, исходный смысл – «ценностный», «лучший». Имеется в виду, что люди, входящие в элиту, обладают по определению более высокими интеллектом, талантом, способностями, компетентностью, особым воспитанием и качественным образованием по сравнению со средними представителями конкретного социума.

В утилитарном представлении «элита» означает «лучший», «отборный», «избранный». В повседневном общении этим словом можно охарактеризовать самые различные предметы и явления (например, элитный клуб, элитное зерно, элитная модель машины и т.д.).

Концепции элит возникали еще в глубокой древности. Например, Платон выделял особую привилегированную группу людей (философов-аристократов), которая знает, как управлять государством, и выступал против того, чтобы к управлению допускались выходцы из низов [10]. В последующем подобные взгляды высказывали Н. Макиавелли, Ф. Ницше, Г. Карлейль, А. Шопенгауэр и др. [3, 7, 9]

Начиная с XVI в. слово «элита» стало употребляться для обозначения определенной избранной категории людей, занимающих в иерархической социальной структуре общества привилегированное положение. При этом в каждой сфере жизнедеятельности, как правило, имеется своя элита, например: «литературная элита», «научная элита», «творческая элита» и т. д.

Система взглядов и представлений в виде теорий элит сформировалась в социологии и политологии на рубеже XIX-XX вв. Все теории элит сходятся в том, что в любом обществе, в любой сфере жизнедеятельности существует сравнительно немногочисленный высший слой людей, который доминирует над остальными [11].

В советском обществоведении на протяжении многих лет теория политических элит рассматривалась как псевдонаучное буржуазное учение, противоречившее принципам народовластия (народной демократии). Политическая элита у большевиков ассоциировалась с политической аристократией буржуазного типа, которой в пролетарском государстве быть не должно. Но действительность опровергла иллюзии и догмы теоретиков бесклассового общества, и в СССР со временем была сформирована мощная и закрытая политическая элита. Политическая элита занимает особое место, так как она участвует в использовании государственной власти, обладает определенными властными полномочиями. Политическая элита - немногочисленная, привилегированная, относительно самостоятельная, высшая группа (или совокупность групп), в большей или меньшей степени обладающая определенными психологическими, социальными и политическими качествами, необходимыми для управления другими людьми, и непосредственно участвующая в осуществлении государственной власти. Люди, входящие в политическую элиту, как правило, занимаются политикой профессионально [8, 11].

В недрах социологии и политологии сформировалась своеобразная «теория элит» - концепция, предполагающая, что народ в целом не может управлять государством, и эту функцию берёт на себя элита общества. Элиты разных эпох отбирались по самым разным признакам - сила, происхождение, образование, опыт, способности, богатство и т.д., развитые общества обязательно включали возможность выдвижения

наиболее способных представителей народа. Механизмы этого выдвижения были самые различные.

С точки зрения этой теории в так называемых демократических государствах тоже управляет не весь народ, а несколько элит, которые ведут борьбу за власть. Считается, что народ может управлять этими элитами, используя избирательное право.

Теория элит как определенная система взглядов была сформулирована в XX в. В. Парето и Г. Моска. Теория элит базировалась на отрицании исторического прогресса (история рассматривалась как совокупность социальных циклов, характеризуемых господством определенных типов элит); на критике идеи суверенитета как утопического мифа романтиков; на утверждении, что неравенство - основа социальной жизни [6, 14].

Исходный постулат теории элит - это абсолютизация политических отношений. Политическая власть рассматривается в качестве основополагающего компонента социальных отношений, из которых наиболее значимы отношения господства и подчинения.

Итальянский экономист и социолог Вильфредо Парето (1848-1923) утверждал, что все общества делятся на управляющих и управляемых. Управляющие должны обладать особыми качествами (гибкостью, хитростью, умением убеждать других), чтобы уметь подчинять себе других. Они также должны обладать готовностью использовать насилие. В. Парето делил управляющих на два основных психологических типа: «лисы» и «львы». «Лисы» - это элиты, которые предпочитают хитрость, изворотливость. Такие типы элит больше подходят для правления в стабильных демократических режимах власти. «Львы» - элиты, которые предпочитают жесткие методы руководства. Они больше подходят для принятия решений в экстремальных условиях. В. Парето обосновал теорию смены элит. Например, если «лисы» не могут эффективно управлять в сложившейся ситуации, то им на смену приходят «львы», и наоборот. Кроме того, он делил элиты на правящую (участвующую в управлении) и не правящую (контрэлиту) - людей, обладающих элитными качествами, но пока не имеющих доступа к руководящим функциям [14].

Итальянский социолог и политолог Гаэтано Моска (1858-1941) в работе «Правящий класс» утверждал, что все общества разделены на два класса: правящий (элиту) и управляемый. Правящий класс монополизирует власть, используя законные и незаконные методы для ее поддержания. Господство элит существует в любом обществе - это закон, который подтверждается всей историей человечества. Г. Моска считал, что важнейшим критерием формирования господствующего класса является его способность к управлению другими людьми. Элита, которая сосредоточена исключительно на своих личных интересах, постепенно теряет свое политическое и идеологическое влияние и может быть свергнута. По мнению Г. Моска, существует два основных способа обновления (пополнения) правящей элиты: демократический и

аристократический. Первый является открытым и способствует постоянному притоку свежих достаточно подготовленных руководителей. Второй способ - аристократический (закрытый). Попытка правящего класса формировать элиту только из своих рядов приводит к ее вырождению и застою в общественном развитии [6].

Немецкий социолог и политик Роберт Михельс (1876-1936) в книге «Политические партии» утверждал, что любая социальная организация подвергается господству олигархии. Власть элит зависит от организованности, а сама организация общества требует элитарности руководства и неизбежно воспроизводит ее. Так сформулирован «железный закон олигархии» Р. Михельса.

В ходе формирования элит в обществе происходит выделение руководящего ядра и аппарата, которые постепенно выходят из-под контроля рядовых членов. Во-первых, рядовые члены, по мнению Р. Михельса, в силу своей инертности и некомпетентности не в состоянии контролировать лидеров. Во-вторых, массам присуща психологическая потребность в лидерах и лидерстве, тяга к сильной власти и преклонении перед харизматическими качествами элит. Р. Михельс считал, что демократия в строгом смысле невозможна. В лучшем случае она сводится к соперничеству двух олигархических групп [5].

Первоначально теории элит были открыто враждебны к буржуазной демократии. В конце 30-х – начале 40-х гг. И. Шумпетер и К. Мангейм (Германия) реконструировали теорию элит, стремясь совместить ее принципы с признанием буржуазно-демократических институтов. Мангейм утверждал, что отличительная черта демократии - это конкуренция относительно открытых элит за позиции власти и «демократический оптимум элитамассы» [14]. В 60-70-х гг. на основе этих идей была сформулирована так называемая «теория плюрализма элит», признающая наличие в обществе множества элитных групп, влияние которых ограничено определенной сферой деятельности. Наличие демократической конкуренции предотвращает формирование единой элитарной группы и делает возможным их контроль со стороны масс (О. Штаммер, Д. Рисмен, Р. Дал и др.)

Существование господствующего меньшинства в материальном, социальном и духовном аспектах общества теория элит рассматривает как всеобщий закон, следствие «человеческой природы» и технологических требований сложного производства.

Хотя и марксистская социология показывала ненаучный характер теории элит, их направленность против марксистского учения о классах и классовой борьбе, против требования социального равенства всех членов общества, она не сокрушила ни одной элитологической идеи, породив партократию как форму элитарности.

Представителями альтиметрического (лат. *altus* - высоко), то есть функционального подхода, принадлежность к элите подчеркивается прежде всего по фактическому обладанию какой-либо личностью или

ограниченным кругом людей политической властью и влиянием на общество, Интеллект, интеллигентность, морально-этические установки при таком понимании термина мало учитываются, просто констатируется сам факт знатного происхождения или принадлежности к высшим слоям общества. В качестве самоназвания «верхушка» общества использует такие определения, как «благородные мужи», «креативный класс», «член Семьи», «ум, честь и совесть», «сливки общества», «особа, приближенная к императору», «номенклатура» и под., противопоставляя себя «низким людям», «черни», «неудачникам» и под.

В романе «Машина времени» известного английского писателя-фантаста Герберта Уэллса, написанном в 1895 г., утверждается мысль, что человек остается человеком до тех пор, пока он трудится и развивается духовно. Его мрачное пророчество разделения людей на «эллов» и «морлоков» звучит как предупреждение. Уже сейчас можно наблюдать те социально-психологические и личностные трансформации, о которых предупреждает писатель: «постепенное углубление социального различия между Капиталистом и Рабочим»; «кастовая тенденция богатых людей, тенденция расширить пропасть между ними и оскорбляющей их грубостью бедняков ведет к захвату привилегированными сословиями все большей и большей части поверхности земли исключительно для себя. В окрестностях Лондона уже около половины самых красивых мест недоступно для посторонних!»; «А эта неуклонно расширяющаяся пропасть между богатыми и бедным, результат продолжительности и дороговизны высшего образования и стремления богатых к утонченным привычкам, - разве не ведет это к тому, что соприкосновения между классами станут все менее возможными?»; «чрезмерная обеспеченность жителей Верхнего Мира привела их к постепенной дегенерации, к общему вырождению, уменьшению роста, сил и умственных способностей» [Уэллс 1964:102-103]. Обратим внимание на окказионализм Уэллса «элои», результат его словотворчества: совершенно очевидно выстраивается словообразовательная цепочка: *electus* (лат.) → *élite* (англ.) → элои (авторский окказионализм Уэллса).

Функциональный подход к истолкованию понятия «элита» является в настоящее время доминирующим, поскольку он обладает определенными критериями «принадлежности». Можно говорить о большей или меньшей степени нравственности или беспристрастности подобных «критериев», поскольку они базируются не на объективных параметрах, а на таких понятиях, как принадлежность к высшим кругам «по крови и родству», «номенклатурный круг» и подобные, но и сторонники ценностного подхода также не имеют достоверных и проверяемых критериев принадлежности к элите.

В последнее время возрос интерес к проблеме изучения элиты. В психологии часто поднимаются вопросы о роли элиты в современном мире, критериях оценки ее деятельности, степени ответственности и уровне ее профессионализма.

Элитологическая проблематика начала активно внедряться в различные сферы науки. И если до настоящего времени изучение элит было прерогативой исключительно социально-политических исследований, то на современном этапе эту нишу стали заполнять психологические научные разработки [11].

Элитологическая концепция мышления и интерпретация на ее основе причин происходящих политических, социальных, экономических, культурных изменений становится все более востребованной в обществе, что обусловлено рядом проблемных ситуаций, порожденных той ролью, которую играет элита в современном мире:

во-первых, неоднозначным отношением к самому понятию «элита», которое приобрело негативный оттенок в общественном сознании, приравниваясь к таким социально неодобряемым явлениям, как «номенклатура» и «бюрократия», отражая причастность личности к определенному элитарному сообществу, свидетельствуя о существенном дистанцировании элиты от общества; а также смешиванием понятий «элитности» и «элитарности» или подменой одного другим, часто встречающимся как в научном, так и обыденном применении и приложении;

во-вторых, неисследованностью проблемы психологии элит, ее историко-теоретических основ и отсутствием психологических и социально-психологических критериев выделения элиты;

в-третьих, все возрастающим значением различных типов элит для стабилизации и интеграции социальной системы и ее поступательного развития;

в-четвертых, противоречивыми оценками, высказываемыми в зарубежной и отечественной литературе, касающимися качества и эффективности функционирования мировой элиты, уровня их соответствия тем требованиям, которые предъявляются к реализуемой ими специальной функции в жизни общества;

в-пятых, увеличившимся в последние годы интересом к элитологической проблематике, особенно в политологической и социологической сферах, обусловившим характер исследований в данной области, позиционирующей себя как новое научное направление - элитология, в которой еще недостаточно представлено психологическое поле изучения элит;

в-шестых, недостаточной разработанностью категориально-понятийного аппарата психологии элит, включающей содержательно-критериальные, структурно-функциональные, процессуально-формирующие составляющие, на базе которых возможно как построение теоретической модели психологии элит, так и выявление психологических особенностей современной мировой элиты;

в-седьмых, искажением образа субъекта элиты, создаваемого в общественном сознании средствами массовой информации: он не

совпадает с реальными личностными качествами представителя элиты и его способностью эффективно решать поставленные задачи;

В научной литературе вопросы психологии элит не нашли должного отражения, хотя реальная ситуация в последнее время выдвигает эту проблему как одну из наиболее актуальных. Вместе с тем историко-теоретический анализ источников показывает, что определенные аспекты психологии элит рассматривались в различных науках.

Учитывая, что историко-психологическое исследование базируется на исторических источниках, определяется их характером, по своей природе является опосредованным, важно было осмыслить уже состоявшуюся историю развития элитологических идей, выделяя то основное, что отвечает требованиям и запросам современного психологического знания.

Следовательно, актуальность проблемы, совокупность отдельных аспектов изучения элит в различных науках, в разные исторические периоды, а также анализ современной практики дают возможность разработать и обосновать интегративную [1,2] психологическую концепцию элит.

Интегративный подход дает возможность:

- выделить элитологические идеи, отраженные в историко-философских, культурологических, социологических, социально-политических подходах в различные исторические периоды;

- выявить элитопсихологические идеи в разных направлениях западной и отечественной психологии;

- раскрыть содержательно-критериальные, структурно-функциональные, процессуально-формирующие составляющие теоретической модели личности представителя мировой элиты;

- рассмотреть и описать типы элит в современном обществе (политической, бизнес-, культурно-интеллектуальной);

- раскрыть влияние историко-социальных изменений, влекущих за собой перестройку структуры сознания и поведения различных типов элит, переструктурируя систему многообразных (внутриэлитных, внеэлитных, межэлитных) взаимосвязей, отношений, ценностей, представлений, тем самым видоизменяя характер жизнедеятельности общества в целом.

Литература

1. Козлов В.В. Психология кризиса [Текст] М.: Институт консультирования и системных решений, 2014 - 528 с.
2. Козлов В.В. Интегративная психология: пути духовного поиска или освящение повседневности [Текст] М.: Изд-во Института психотерапии, 2007 - 528 с.
3. Макиавелли, Н. Государь [Текст] / Н. Макиавелли. - М.: Планета, 1990. - 79 с.
4. Мангейм, К. Проблема интеллигенции:

- исследование ее роли в прошлом и настоящем [Текст] / Карл Мангейм. – М.: Мысль, 1993.- 250 с.
5. Михельс, Р. Социология политических партий в условиях демократии [Текст] / Р. Михельс // Главы 3, 5, 7, 11, 13, 15, 18 из книги «Диалог», 1991. - №4. - С. 50-63; Диалог, 1991, - №3. – С. 44
 6. Моска Г. Правящий класс. Церкви, партии, секты / Пер. с англ. и примеч. Т.Н. Самсоновой //Социологические исследования. – 1994. № 10. С. 187–198; № 12. С. 97–117*.
 7. Ницше, Ф. Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей [Текст] / Ф. Ницше // Под ред. Г. Рачинского, Я. Бермана. - М.: ИЧП «Жанна», 1994.- 362 с.
 8. Понеделков, А.В. Элита (Политико-административная элита: проблемы методологии, социологии, культуры) [Текст] / А.В. Понеделков. – Ростов-на-Дону: Изд-во Северо-Кавказского научного центра Высшей школы, 1995. - 340 с.
 9. Пряжников, Н.С. Психология элитарности. [Текст] / Н.С. Пряжников. - М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2000. - 512 с.
 10. Смагулов Б.С. Психологический портрет элиты Казахстана. Монография - Астана, 2012 – 182 с.
 11. Смагулов Б.С., Козлов В.В. Методологическая парадигма изучения психологии элит. // ЧФ: Социальный психолог 2013 выпуск 1 (25) М., Ярославль, МАПН - С. 21-27
 12. Уэллс, Г. Машина времени. В 12-ти т. [Текст] / Герберт Уэллс. – Москва: Правда, 1964. – Т.1. - 462 с. – С.102-103.
 13. Шумпетер, Й. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия [Текст] / Йозеф Шумпетер // Предисл. В.С. Автономова. - М.: ЭКСМО, 2007. - 864 с
 14. Pareto, V. Mind and Society. N.Y., 1935.

Нугер Б. (Астана, Казахстан)

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА БРЕНДА

Аннотация

В статье проведен анализ бренда как психологического и социально-психологического феномена. Автор предлагает парадигму оптимизации брендинга во всех аспектах и этапах реализации.

Ключевые слова

Бренд, сознание, общество, группа, индивид, коммуникация, потребитель

Abstract

The article analyzes the brand as a psychological and socio-psychological phenomenon. The author offers a branding optimization paradigm in all its aspects and stages.

Keywords

Brand, consciousness, society, group, individual, communications, consumer

В настоящий момент существует возрастающая активность деятельности по созданию и продвижению брендов в различных сферах социальной жизни во всем мире. Формирование и коммуникативное развитие бренда являются приоритетной задачей компаний, занятых в экономическом секторе, и приобретают новое значение применительно к личностям, идеям, различного типа социальным общностям. Особенно важным это становится сейчас, так как в период кризисных преобразований экономических систем меняются социальные установки и предпочтения индивида, в связи с чем намечается тенденция исследования бренда как психологического и социально-психологического феномена, оказывающего влияние на сознание и поведение субъекта и отражающего социальное развитие общества в аспекте его потребительской деятельности [1,2].

Сознание и поведение индивида как потребителя является в настоящее время актуализированным центром прагматических интересов дифференцированных бизнес-сообществ, так как потребительский рынок Казахстана развивается быстрыми темпами. Социальные изменения, происходящие сегодня, ведут к развитию потребительского общества, которое характеризуется особыми психологическими установками, активизирующимися под влиянием бренд-коммуникации. В сложившейся социальной ситуации необходим психологический фундамент для осмысления и – на этой основе – оптимизации коммуникативных процессов, сопровождающих создание и продвижение бренда. Влияние бренд-коммуникации направлено на потребностно-мотивационную сферу индивидов, психологические механизмы поведения личности, групповую и межгрупповую деятельность, в связи с чем существует объективная потребность комплексного, целостного анализа бренда как социально-психологического феномена [3, 4].

Еще одним аспектом, определяющим актуальность данной темы, является социальное противостояние брендам, которое в нашей стране пока не проявляется так открыто, как за рубежом, но приобретает все более явные черты. В маркетинговой среде это ведет, в частности, к снижению эффективности традиционных средств прямой рекламы; в более широком социально-психологическом плане у индивидов формируются ощущение фрустрации, негативные аффекты, в результате чего образуются

социальные группы «протеста», явно или латентно направленные против идеологии бренд-коммуникации [5].

Исследования бренда на сегодняшний день ведутся в контексте различных научных парадигм, в частности, психологической, социально-психологической, социологической, маркетинговой, лингвистической, философской, культурологической, юридической и пр.

Необходимо развитие новых подходов к исследованию психологии бренда.

Бренд – это образ социального объекта, который возникает как реакция на стимул – имя бренда – в результате социального коммуникативного взаимодействия и направлен на мотивацию индивида.

Бренд-коммуникация представляет собой особый процесс взаимодействия, в результате которого предполагаются изменения в мотивации, установках, поведении, деятельности людей и формируется конвенциональный образ бренда как социального объекта. Это коммуникация, в которую вовлечены не только потребители и производители: она образует широкий социальный контекст [3,6].

Бренд формируется в результате группового взаимодействия. Бренд – это психологическое явление, которое возникает при условии включения индивида в группу. Семантика бренда формируется субъектами взаимодействия совместно, и бренды создаются в расчете на групповое восприятие, поддержку и оценку. Групповое предпочтение бренда делает возможным его существование. Выбор бренда бывает продиктован намерением субъекта управлять впечатлениями другого члена группы, т.е. быть воспринятым определенным образом.

В бренд-коммуникации участвуют следующие типы социальных групп: потребители; лояльные потребители; противники: субъекты, негативно настроенные по отношению к бренду; причастные к бренду (сотрудники компании); бренд-коммуникаторы; конкуренты; сообщества, разделяющие идеологию бренда; случайные коммуникаторы. Основание для данной типологии – мотивация индивида и способ взаимодействия по поводу бренда: все перечисленные группы вступают в это взаимодействие [5].

Сегодня Казахстан - один из лидеров СНГ по уровню экономического развития, политическая система страны прочно стоит на демократическом фундаменте. Республика активно вовлечена в процессы мирового развития, а в региональном значении Казахстан играет одну из заметных ролей.

Однако брендинг в Казахстане не являлся управляемым и систематическим процессом. Поэтому эти успехи и достижения оставались локальной информацией населения Казахстана, и об этом мало кто знал вне его пределов. При этом неверное и искаженное представление о Казахстане складывалось, зачастую, из-за отсутствия объективной информации, и информационный вакуум заполнялся домыслами или специально спланированной дезинформацией.

Сейчас государство столкнулось с тем, что большинство зарубежных журналистов, пишущих о Казахстане, пользуются стандартным набором стереотипов. Однако жизнь нашей страны намного сложнее и многограннее.

В результате на сегодняшний день имидж Казахстана не соответствует новым сложившимся реалиям и, следовательно, не оказывает нужного эффекта ни на значительный приток инвестиций и туристов, ни на подъем патриотических настроений среди населения, ни на укрепление влияния и авторитета страны на международной арене. Для разрешения подобных ситуаций предлагаем следующие пути решения:

1. Стабильность во всех сферах социально-политической жизни, устойчивость внутригосударственной системы власти и управления, предсказуемость Казахстана и его открытость, способствующая формированию только тех представлений, которые соответствуют действительности.

2. Привлекательность экономической системы для внешних инвесторов, связанная не только с совершенствованием государственных механизмов обеспечения их прав и гарантий на территории Казахстана, но и с правильным внедрением потенциальным инвесторам информации и акцентированием их внимания на объективных преимуществах работы с Казахстаном.

3. Транспарентность казахстанского общества, которое характеризуется сохранением и укреплением межнационального мира и межконфессионального согласия социума, стремлением к диалогу культур и религий.

Таким образом, концепция нового брендинга Казахстана поможет не только создать узнаваемый позитивный имидж страны в мире, но будет содействовать формированию и развитию казахстанской национальной идентичности, общего чувства цели и национальной гордости. Залогом ее успешной реализации должна быть координация работы задействованных государственных органов и соответствующих организаций компетентным специалистом. С учетом вышеизложенного формирование странового брендинга Казахстана в глобальном измерении представляется проблемой и государства, и общества. Для ее решения требуется моделирование нескольких наиболее действенных концептов страны и дальнейшая их оценка с целью определения оптимально соответствующих национальным интересам.

Казахстан является одной из новых стран, для которой бренд играет основополагающую и важную роль. Использование потенциала бренда означает, что такие страны, как Казахстан, могут конкурировать на глобальном рынке, даже если он не имеет огромного влияния и не обладает значительной экономической, военной или политической силой.

Анализ научной литературы российских и зарубежных авторов и систематизация содержащихся в ней представлений о проблеме

социального взаимодействия субъектов в бренд-коммуникации показывает системообразующую роль этого фактора. Нами исследованы мотивационные основания концепции бренд-коммуникации, теоретические предпосылки анализа бренда как мотива поведения, рассмотрена экстринсивная мотивация в бренд-коммуникации, исследована перцепция бренда как образа социального объекта, рассмотрены механизм убеждения и аргумент как его составляющая, выявлена специфика речевого взаимодействия в бренд-коммуникации [7].

Бренд – это сложный паттерн сенсорной информации, актуализирующийся во взаимодействии коммуникатора и реципиента в ситуации социальной коммуникации и обладающий особыми когнитивными характеристиками, не тождественными репрезентируемому им товару.

Бренд является образом социального объекта, возникающим как реакция на стимул – имя бренда – в результате социального коммуникативного взаимодействия и направлен на мотивацию индивида. Бренд как образ социального объекта является результатом взаимодействия субъектов бренд-коммуникации. Бренд-коммуникация представляет собой особый процесс взаимодействия, в результате которого предполагаются изменения в мотивации, установках, поведении, деятельности людей и формируется конвенциональный образ бренда как социального объекта. Бренд-коммуникация возникает в процессе совместной деятельности, проявляется в массовой, межгрупповой и межличностной формах и предполагает разные ситуации взаимодействия. Бренд-коммуникация направлена как на первичное взаимодействие, происходящее в конкретной ситуации, так и на дальнейшее взаимодействие; ее целью является мотивация индивида к определенному поведению.

Речевое взаимодействие в бренд-коммуникации – это деятельность по обмену социальными символами, выраженными в вербальной форме. Речевое взаимодействие является основой бренд-коммуникации.

Дискурс бренда – это единица бренд-коммуникации, в рамках которой социальное взаимодействие субъектов проявляется в формировании образа бренда и придании ему смыслов. Дискурс бренда – это дискурс мотивирующий. Единицей измерения эффективности бренд-коммуникации является аргумент, который создается по трехэтапной риторической схеме: инвенция (изобретение аргументов) – диспозиция (расположение аргументов) – элокуция (реализация аргументов в конкретном материале) – и является средством и результатом взаимодействия субъектов в дискурсе бренда [5].

Бренд создается в результате группового взаимодействия. Семантика бренда формируется субъектами взаимодействия совместно, и бренды создаются в расчете на групповое восприятие, поддержку и оценку. Выбор бренда может определяться намерением субъекта управлять впечатлениями другого члена группы, т.е. быть воспринятым

определенным образом. Путем теоретического анализа получены результаты, подтверждающие гипотезу о типах социальных групп, участвующих в бренд-коммуникации, к которым относятся: потребители; лояльные потребители; противники бренда; причастные к бренду; бренд-коммуникаторы; конкуренты; сообщества, разделяющие идеологию бренда; случайные коммуникаторы.

Социально-психологическая модель бренда как образа социального объекта основывается на трехкомпонентной структуре аттитюда (когнитивный, эмоциональный, поведенческий компоненты), при этом поведенческий компонент определяет степень лояльности к бренду индивида, выступающего в социальной роли потребителя. Эмпирическими референтами выступают эмоциональный, рациональный и мотивирующий аргументы [6].

Перспективы дальнейшего изучения бренд-коммуникации в социально-психологической парадигме могут быть связаны с совершенствованием методического инструментария, позволяющего исследовать эффективность различных брендов; с расширением охвата аудитории и проведением исследований в различных регионах. В прикладном отношении исследование может быть использовано не только для эффективного формирования брендинга Казахстана, но и бренда многих товаров и услуг, культурных ценностей, личностей этой быстро развивающейся страны.

Литература

1. Зазыкин В.Г. Психология рекламы и рекламной деятельности. – М.: Элит, 2009. – 224 с.
2. Злотницкий Е.Э. Социальный механизм управления брендом региона: Автореф. ... канд. социол. наук. – М., 2008. – 24 с.
3. Буренко Д.Л. Социально-психологическая оценка эффективности воздействия рекламы торговой марки на целевую аудиторию: Автореф. ... канд. психол. наук: 19.00.05. – М.: Изд-во ГУУ, 2005. – 24 с.
4. Божук С.Г. Предисловие к русскому изданию // Темпорал П. Эффективный бренд-менеджмент. – СПб.: Издат. Дом «Нева», 2003. – С. 9–11.
5. Лебедев-Любимов А.Н. Психология в маркетинге. COOL-BRAND-стратегия. – СПб.: Питер, 2008. – 192 с.
6. Нугер Б. Психологическое содержание бренда // Научный поиск. Ярославль, ЯрГУ, 2013 – С. 112 -116 (Совместно с Новиковым В.В.)
7. Нугер Б. Формирование и коммуникативное развитие бренда// ЧФ : Социальный психолог, В.2 (26) , Ярославль, 2013 - С. 89-94

Петренко В.Ф., Митина О.В. (Москва, Россия)
**ЦЕННОСТИ КАК ДЕТЕРМИНАНТЫ ВЕКТОРА РАЗВИТИЯ
ОБЩЕСТВА.³**

Аннотация

В статье обсуждаются возможности и перспективы использования психосемантических методов для изучения системы ценностей различных культур и сообществ. В отличие от традиционных опросников, используемых в социологии, и требующих от респондентов определенного уровня рефлексии на осознание собственной ментальности, а, следовательно, уязвимых для искажений, мотивированных «социальной желательностью», психосемантические методы позволяют выявлять и плохо рефлексируемые, и неосознаваемые ценности. Первая часть статьи посвящена обсуждению методологических аспектов использованию психосемантических методов для изучения ценностей, вторая часть содержит пример конкретного эмпирического исследования.

Ключевые слова. Психосемантика, система ценностей, методы психосемантики, структурное моделирование, социальные представления, геополитические представления, образ страны.

The article discusses the possibilities and prospects for using psychosemantic methods for studying the values' system of different cultures and communities. Unlike traditional questionnaires used in sociology, and requires a certain level of respondent's reflection in the awareness of their own mentality, and therefore vulnerable to distortions motivated by "social desirability" psychosemantic methods allow to identify and not well reflected values and unconscious ones.

The first part of the article is devoted to the discussion of the methodological aspects of psychosomatics in aspect of studying values systems, the second part contains an example of the empirical research.

Keywords. Psychosemantics, values system, psychosemantic methods, structural equation modeling, social representations, geopolitical representations, the image of the country.

Рефлексия обществом самоё себя, и в том числе его системы ценностей, является важнейшим компонентом его саморазвития и эволюции/. Как для развития личности и её устойчивости, важнейшей составляющей её структуры является наличие дальних мотиваций (см. Зейгарник 1982), так и для общества, государства, цивилизации фактором, обуславливающим их целостность и развитие, является система ценностей, присущих данному социальному образованию. Но ценность скорее социологическое понятие, характеризующее общественное сознание и менталитет общества. Можно говорить, например, о ценностях христианской, буддийской культур, исламской цивилизации, о ценностях

³ Исследования проводятся при финансовой поддержке РГНФ, грант № 15-06-10451

коммунистического общества или современного западного мира, т.е. применительно к специфике культуры, общественному сознанию, менталитету большого объединения людей. (См. Шпенглер 1998; Гуревич 1984; Назаретян 2013; Петренко, Карицкий, Митина и др 2012; Ракитянский 2013).

Различие наук обусловлено, в первую очередь, спецификой используемых ими методов. Применяемые в социологии опросники, основываются на рефлексии респондентов и отражают ценностные ориентиры, стабильные на длительных временных промежутках. Применительно к отдельному человеку попытка построения иерархии системы ценностей, как это представлено, например, у классика гуманистической психологии А. Маслоу (2008), представляется нам не слишком удачной и к тому же весьма статичной. Человек же существо динамичное, и когда, например, ставшие архетипическими образами любви, Ромео и Джульетта предпочитают умереть, не представляя жизни, друг без друга, то исходя из этого, вряд ли мы можем утверждать, что в их системе ценностей смерть была выше по значимости, чем жизнь.

Для характеристики поведения и личности отдельного человека больше подходят психологические понятия: системы мотивов, менталитет, картина мира личности, которые подвижны и зависимы от наличной ситуации, психического состояния, испытываемых человеком эмоций. Конечно, важны и стоящие над человеком и образующие его суперэго такие образования как культура, религия, система ценностей, но они имплицитно входят в его картину мира. Социологические анкеты, требующие от респондентов ранжировать значимость для них тех или иных ценностей, напоминают приставание взрослого к ребенку с требованием сказать, кого он любит больше: папу или маму. Разработки психоанализа были бы излишни, если бы все смыслы и ценности человека были бы доступны ему в саморефлексии.

С другой стороны, менталитет человека нельзя расчленять на отдельные области и сферы знания. Психика человека едина, и только в наших моделях и теориях мы расчленяем её по отдельным областям, создавая, как выразился Окам, «сущности без нужды» (Окам 2002). Более перспективным, является путь целостного описания картины мира, себя и других, используемый в психосемантике (Келли 2000; Франселла, Баннистер 1987; Петренко 1997; Петренко, Митина 1997), где система ценностей уже «вшита» в целостную картину мира человека. Эта картина отображается посредством многомерных семантических пространств, являющихся операциональной моделью сознания и бессознательного в их единстве. Отдельные параметры семантического пространства отображают отдельные параметры когнитивной организации сознания. Так размерность семантического пространства (количество ортогональных факторов) соответствует когнитивной сложности сознания в некоторой содержательной области. Сознание, как отдельного человека, так и группы людей (коллективное, общественное) гетерогенно, и можно быть

когнитивно сложным, например, при оценке автомобилей, но когнитивно простым, при оценке живописи, или когнитивно сложным при восприятии футбольных команд, но когнитивно простым при оценке политических партий. Попутно отметим, что сама когнитивная сложность сознания и индивидуального, и общественного может меняться, отражая уровень развития общества (см. Петренко, Митина 1997).

Содержание выделяемых в психосемантическом исследовании факторов соответствует категориальным структурам сознания, которые, могут, тем не менее, не осознаваться самими их носителями (т.е. испытуемыми, респондентами, участниками эксперимента). Это соответствует тому, что в лингвистике называется «*language competence*» - «*language performance*» - «знание и владение языком». Маленький ребёнок может вполне успешно говорить на своём родном языке, демонстрируя «*language performance*», не осознавая его грамматику и синтаксис, т.е. не обладая «*language competence*». Так и взрослый человек может не сознавать систему категорий, в рамках которых он осознаёт мир, себя, других людей. Выделить эту систему категорий позволяют методы экспериментальной психосемантики.

Другим параметром семантического пространства, отражающим субъективную значимость того или иного основания категоризации, используемой субъектом, является мощность выделяемых факторов («перцептуальная сила признака» в западной терминологии), определяемая как вклад фактора в общую дисперсию. Пространство как резиновое растягивается по осям факторов, имеющих большую мощность, отражая ценностный, мотивационный аспект этого изменения для конкретного человека. Например, для честолюбивого человека фактор престижности при восприятии себя и других будет иметь большую мощность, а, например, фактор «съедобности – несъедобности» животных вряд ли будет иметь место у вегетарианца.

Есть буддийская притча о путнике, спросившем местного жителя о том, насколько добрые люди живут в его деревне. В ответ местный житель поинтересовался о том, насколько добры люди в деревне путника. «О, – воскликнул путник, – в моей деревне живут добрые и сердечные люди!». И получил в ответ: «Значит и в нашей деревне ты увидишь таких же людей».

Наконец, основную информацию об отношении человека к тем или иным людям, объектам, событиям несёт размещение этих объектов, вернее, их коннотативных значений, в семантическом пространстве.

В качестве примера психосемантического исследования близкого к обсуждаемой проблеме ценности приведем результаты нашего исследования на тему: «**Образ страны как бренд**». (См. Петренко, Митина и др. 2009).

Национальный бренд (или бренд страны) – одно из наиболее важных понятий в сегодняшней общественно-политической ситуации. При тенденции к глобализации страны конкурируют друг с другом за внимание, уважение и доверие инвесторов, за освещение в СМИ, за рынки

потребления и туризма, за партнерские отношения с другими странами на разных уровнях включая правительственный. «Раскрученный» и позитивный национальный имидж существенно повышает конкурентно способность страны в целом и отдельных ее представителей (компаний, институтов, людей). Имидж страны является многомерной характеристикой.

Отметим, что в современной, в первую очередь англоязычной, психологической науке активно развивается географическая психология или поведенческая география (см. Дж. Голд 1990), исследуются отношения к другим странам. Эти исследования достаточно часто инициируются правительствами, общественными организациями, рекламными и маркетинговыми агентствами. Ибо положительный образ страны напрямую влияет на объем экспорта, туристического бизнеса, инвестиций и пр.

К факторам, которые влияют на формирование имиджа относятся в том числе размеры территории, численность населения, наличие природных богатств, уровень развития экономики. Это основные объективные, наиболее доступные для массового сознания показатели. К факторам, формирующим субъективные показатели, которые связаны с различными политическими, ценностными установками, моральными, этическими и эстетическими принципами относятся внешняя и внутренняя политика страны, а также культура и искусство.

Представление людей о странах это типичный пример социальных репрезентаций в терминах С.Московичи (1989). Образы этих стран, мысли о них формируются в ходе различных социальных взаимодействий и в большей степени под влиянием средств массовой информации. Географические, исторические, культурные, общественно-политические и пр. сведения о той или иной стране воспроизводятся в сознании человека на уровне конкретных понятий, обыденных представлений, организованных вокруг некоторого единого центрального значения, которое в определенном смысле можно сравнить с идеей бренда.

Бренд – это широко известное торговое имя компании (товара, услуги), положительно влияющее на репутацию компании и служащее своеобразной гарантией ожидаемого качества товара (услуги). На уровне чувств, мыслей, ассоциаций происходит в определенном смысле принудительное воздействие на индивидуальное сознание. Так и название государства тоже выступает своеобразной гарантией, когда речь заходит о достижениях в области науки, новом кинофильме, покупке автомобиля, политическом событии.

Достаточно часто отношение к стране обеспечивает определенную групповую идентичность. Особенно ярко это проявляется в период каких-либо международных конфликтов, когда образ страны упрощается (уплощается) до одномерного образа страны-врага или страны-союзника. Бренд как социальная репрезентация постоянно подкрепляется и изменяется в ходе опосредованных и непосредственных социальных

взаимодействий. Конечно, формирование бренда происходит под влиянием объективных и научных сведений. Однако всегда необходимо иметь в виду, что то, что сформированная в сознании человека картина – результат значительных трансформаций, своеобразный «научный миф», и в этом качестве не обязательно подчиняется законам формальной логики.

Согласно С. Московичи и М. Хьюстону (Московичи 1989; Moscovici, Hewstone 1983) эти трансформационные процессы идут по трем направлениям. Во-первых, научные факты связываются с индивидуальным или групповым опытом (персонификация). Во-вторых, абстрактные понятия наполняются образным содержанием. Наконец, понятия наделяются свойствами реально существующих физических объектов. Выделяются несколько уровней трансформации в зависимости от того, в какой степени изменяются имеющиеся представления. Могут изменяться только периферические элементы, далее трансформируется центральное ядро за счет включения новых элементов, но без уничтожения имеющихся, или же на уровне полной модификации ядро разрушается и формируется качественно новый образ.

Психосемантические методики являются наиболее адекватными и эффективными при изучении социальных презентаций. Отношение к стране в мире изменяется достаточно оперативно в зависимости от тех событий, которые в ней происходят. В нашем исследовании мы выделили категории, задающие имидж страны (см. также Anholt 2007):

Товары (насколько товары, произведенные в стране, пользуются доверием, спросом покупателей);

Туризм (привлекательность страны для путешествий);

Политика (стабильное и ответственное правительство, позитивные взаимоотношения общества и государства);

Инвестиции и иммиграция (перспективность для вложения финансовых средств, а также возможность длительного проживания (работы, профессиональной учебы) для иностранных граждан);

Люди (честные, ответственные, приятные в общении);

Культурно-историческое наследие;

Военная мощь;

Светскость;

Передовые технологии.

На операциональном уровне реконструировались категориальные структуры, опосредующие восприятие и осознание различных стран мира на основании результатов заполнения ими психосемантических матриц, и полученное многомерное семантическое пространство выступило также операциональной моделью этих структур сознания (см. Петренко 1997; Петренко, Митина 1997; Petrenko, Mitina 1997). Значения, которые получили страны в этих категориях, отражают имеющиеся у респондентов геополитические стереотипы. (См. например, Инглхарт 1997).

Методом исследования и одновременно формой репрезентации выделенных когнитивных структур выступала уже упомянутая выше

психосемантика (см. Петренко 1983, 1997, 2010), истоки которой восходят к методам семантического дифференциала Ч.Осгуда (Osgood, Suci, Tannenbaum 1957) и «репертуарных решеток» теории личностных конструкторов Дж.Келли (Kelly 1955, Келли 2000). Одной из типовых процедур использования инструментария психосемантики является оценка респондентами анализируемых объектов по градуальным шкалам с последующим уменьшением размерности исходного пространства описания с помощью методов многомерной статистики.

Испытуемые. В роли испытуемых выступали граждане 19 стран Мира (не россияне). Это люди с высшим образованием, в большинстве студенты социальных и политологических специальностей. Все протоколы раздавались лично или после предварительной договоренности пересылались по интернету. Заполненные матрицы также передавались лично респондентом или пересылались по интернету.

Процедура опроса. Испытуемых просили оценить ряд стран Мира по 40 шкалам-дескрипторам, характеризующим состояние дел в этих странах по экономике, культуре, образованию, внутренней и внешней политике и т.п. Шкалы имели семизначную градацию (3, 2, 1, 0, -1, -2, -3), где число 3 означало максимальную оценку страны (данную респондентом) по предложенному признаку, а число -3 означало наличие противоположной по смыслу, антонимической характеристики. Всем респондентам предлагался фиксированный список шкал, по которым они должны были оценить различные страны. Страны для оценивания предлагалось выбрать из списка, состоящего из 33 стран мира (не менее 10), которые респондент знал лучше всего. Также в этот список предлагалось включить собственную страну респондента. Индивидуальные ответы респондентов подвергались процедуре конфирматорного факторного анализа (Митина 2006). Обработка данных осуществлялась в пакете EQS.

Анализ и обсуждение результатов.

На рис. 1 представлена измеряемая модель (факторы и детерминируемые ими переменные со значимыми факторными нагрузками) латентной структуры восприятия любой страны, а на рис. 2 – структурная модель (корреляции фактором друг с другом). Величина сравнительного критерия согласия (CFI) 0.85, а величина ошибки аппроксимации (RMSEA) 0.06. Можно говорить, что модель соответствует экспериментальным данным и позволяет судить об общих тенденциях в восприятии образа стран.

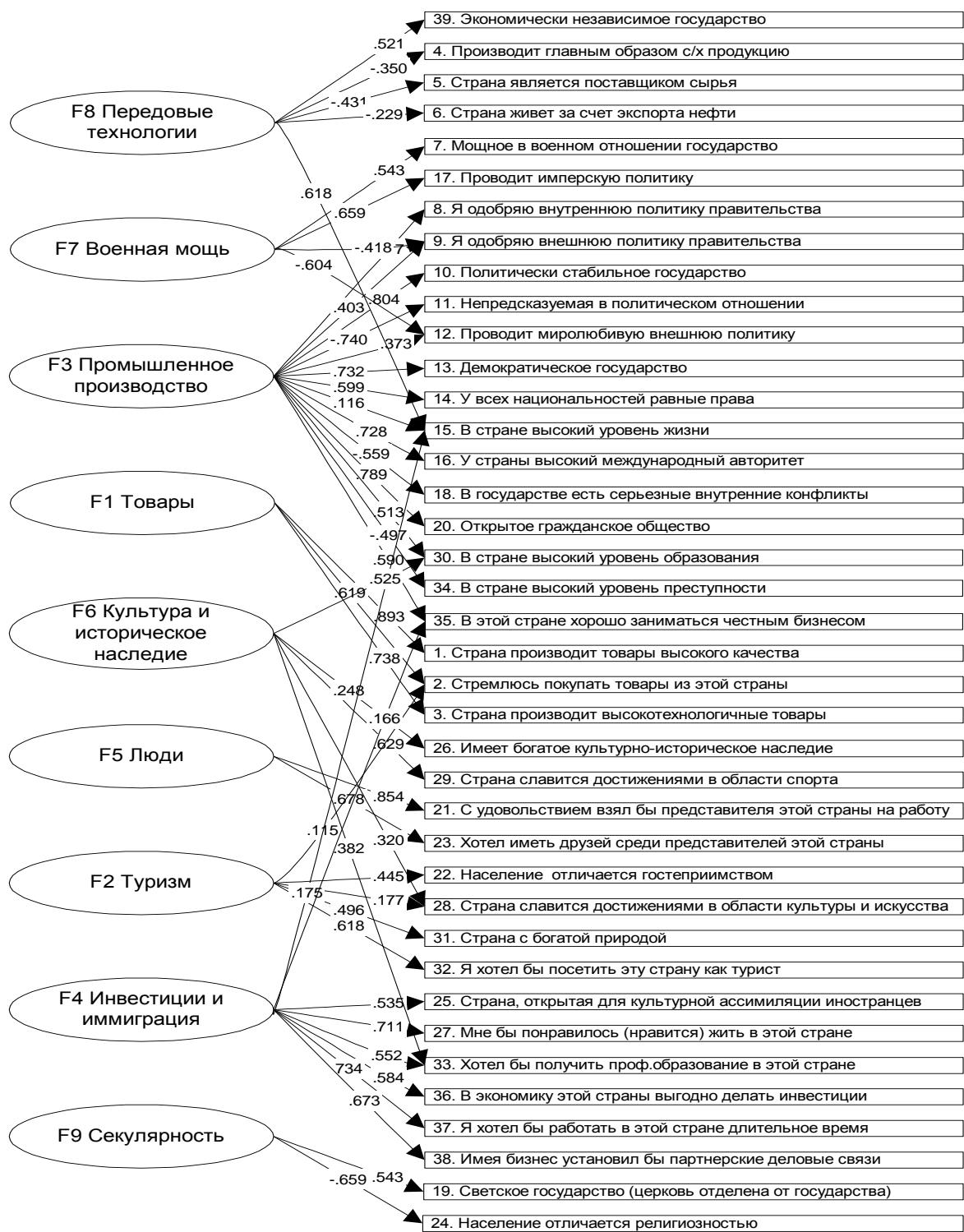

Рис. 1. Измеряемая часть общей модели категориальной структуры восприятия стран

Полученные факторы с детерминируемыми ими пунктами опросника, согласуются с постулируемыми факторами исходя из теоретических соображений основных категорий восприятия стран. В большинстве своем пункты моно детерминированы (каждый относится к своему фактору). Однако 8 пунктов из 40 оказались поли детерминированы (сразу несколькими факторами). Что отражает факт взаимосвязи между выделенными факторами. Более полно эти связи представлены на рис. 2 на структурной схеме.

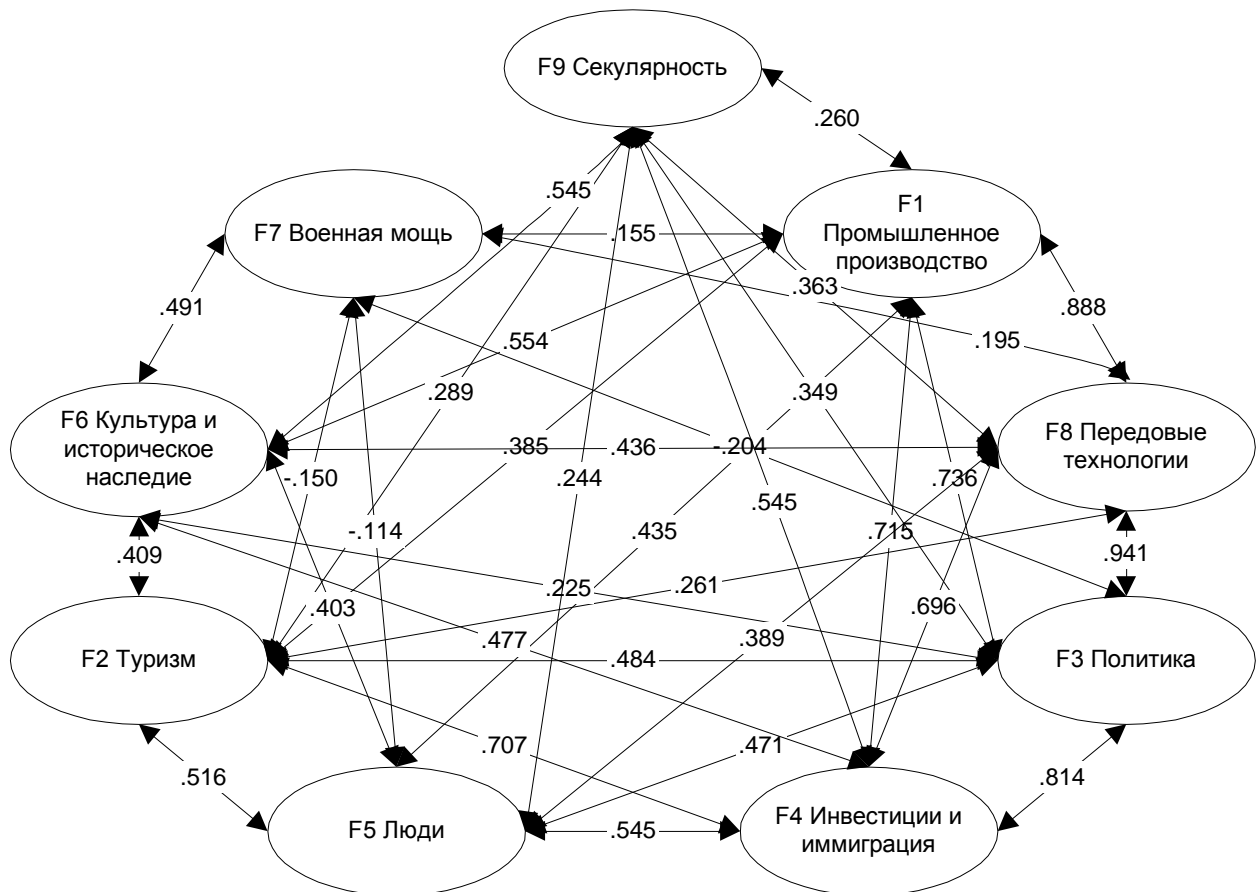

Рис. 2. Структурная часть общей модели категориальной структуры восприятия стран

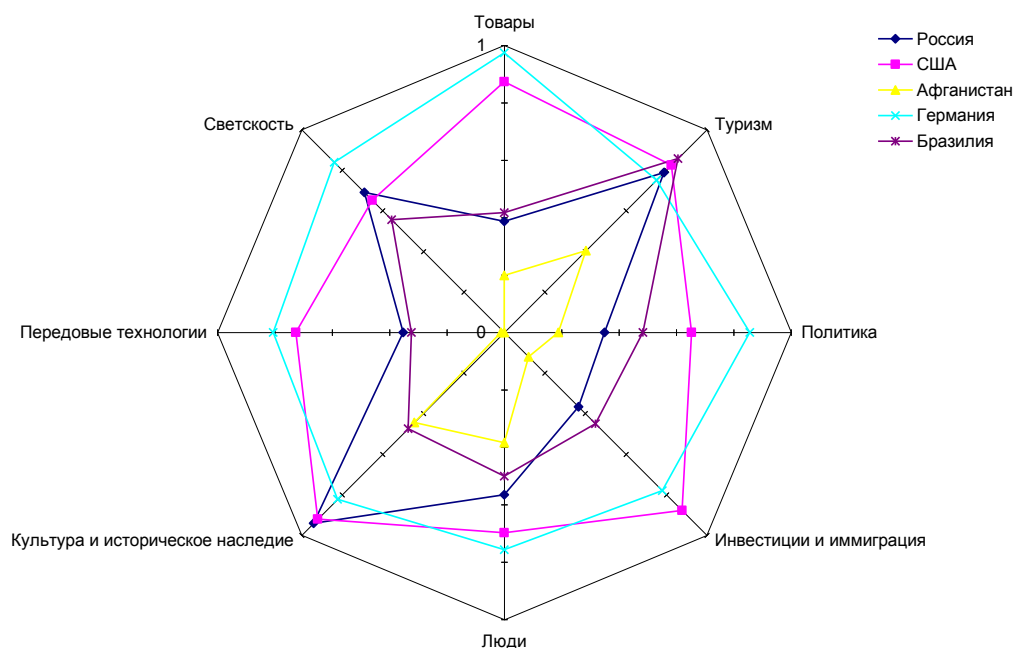
Таким образом, можно говорить о существовании 8-факторной модели положительного имиджа страны. Для визуализации этих представлений мы выбрали форму представления в виде лепестковых октановых диаграмм.⁴ Фактор военной мощи не включался в виду его неоднозначной оценки. Поскольку все остальные факторы имеют положительную коннотацию, то чем больше площадь октогона, тем лучше интегральный имидж страны. Вместе с тем представление результатов в виде октогонов, позволяет говорить о наличии сильных и слабых сторон в имидже той или иной страны и коль скоро существуют заинтересованные в улучшении имиджа страны организации, то им следует обращать внимание на такие соотношения.

В качестве интегрального показателя имиджа был взята сумма квадратов значений оценок страны по каждой из восьми составляющих. В определенной степени эта величина соответствует площади октогона, однако не зависит от порядка расположения осей (порядок нумерации

⁴ Идея представления имиджа страны в качестве лепестковых диаграмм была заимствована нами у С.Анхольта (www.nationbrandindex.com). Однако в отличие от Анхольта, мы полагаем, что структура имиджа имеет большую размерность. Также вычисления показателей по каждому фактору на основе психосемантических методов является более надежной процедурой, нежели на основе прямых ответов, как это предлагает Анхольт.

категорий вещь достаточно субъективная и теоретически никак не обоснованная). Значения, откладываемые по восьми осям октагона получаются из факторных баллов стандартным приведением к диапазону от нуля (минимальное значение по данному фактору из всех стран) до единицы (максимальное значение).

Рис. 3. Октагоны имиджей различных стран

Из рисунка 3 видно, что существенно более привлекательными имиджами обладают наиболее развитые страны – как США и Германия. Имидж таких проблемных стран как Афганистан существенно меньше. В сравнении с Бразилией Россия выглядит существенно предпочтительнее в области культуры и исторического наследия, а по всем остальным показателям примерно одинаково.

В заключение, возвращаясь к исходной мысли о перспективности психосемантического подхода, подчеркнем, что для того чтобы ответить, например, на вопрос о ценностях разделяемых обществом не обязательно «ломиться в закрытую дверь», стремясь получить ответ, именно, на прямой вопрос и гораздо более эвристичным является построение целостной картины менталитета, где ценностный аспект определяет характер коннотативных значений в целостном семантическом пространстве сознания человека или общества.

Литература.

1. Голд Дж. Психология и география. Основы поведенческой географии. М. 1990

2. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., Издательство «Искусство», 1984 г.
3. Зейгарник Б.В. Теории личности в зарубежной психологии. 1982.
4. Инглхарт Р. Постмодернизм: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества// Политические исследования. 1997. С. 6-32.
5. Келли Дж. Психология личности. Теория личных конструктов. СПб., Речь. 2000
6. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Питер, 2008.
7. Митина О.В. Основные идеи и принципы структурного моделирования // Учёные записки кафедры общей психологии МГУ М., Смысл. 2006, с. 272-296.
8. Московичи. С. От коллективных представлений к социальным представлениям М. 1989.
9. Назаретян А.П. Нелинейное будущее. Мегаистория, синергетика, культурная антропология и психология в глобальном прогнозировании. Изд. 2-е. М.: Инфра. 2013.
10. Оккам У. Избранное: // Пер. с лат. А. В. Апполонова и М. А. Гарнцева под общ. ред. А. В. Апполонова, М.: Едиториал УРСС, 2002.
11. Петренко В. Ф. Основы психосемантики. М., 1997.
12. Петренко В.Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. М.: Новый хронограф, 2010.
13. Петренко В.Ф. Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании. М., МГУ, 1983.
14. Петренко В.Ф. Митина О.В, Карицкий И.Н. и др. Образ России глазами россиян и иностранцев. М. МГУ, 2009.
15. Петренко В.Ф., Карицкий И.Н., Митина О.В. и др. Евразийская ментальность. // под. ред. Петренко В.Ф., Карицкий И.Н. М., Информполиграф, 2012.
16. Петренко В.Ф., Митина О.В. Психосемантический анализ динамики общественного сознания. М., МГУ. 1997
17. Ракитянский Н. М. Исламский менталитет в геополитическом пространстве XXI в // Власть. № 1. 2013. С. 123–128.
18. Ракитянский Н. М. Иудейский менталитет. Политико-психологическое эссе // Вестник Моск. ун-та. Сер. 12. № 4. 2013. С. 55–81.
19. Франселла Ф., Баннистер Д. Новый метод исследования личности. М.: Прогресс, 1987.

20. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Том 2: Всемирно-исторические перспективы. //Перевод с немецкого и примечания Маханькова И. И. М.: Мысль. 1998.
21. Anholt S. Competitive Identity: the new brand management for nations, cities and regions. [Palgrave Macmillan](#). 2007.
22. Kelly G. A. The Psychology of Personal constructs. N.J. 1955.
23. Maslow A. H. Motivation and Personality. New York: Harpaer & Row, 1954.
24. Moscovici S., Hewstone M. Social Representations and Social Explanations: From the "Naive" to the "Amateur" Scientist. // M. Hewstone (Ed.) Attribution Theory: Social and Functional Extensions Oxford: Blackwell. 1983.
25. Osgood Ch, Suci C.J., Tannenbaum P.H. The measurement of Meaning. Urbana 1957.
26. Petrenko V., Mitina O. The Psychosemantic Approach to Political Psychology. //(D.Halpern, A.Voyskunsky eds.) States of Mind. American and Post-Soviet Perspectives on Contemporary Issues in Psychology. N.Y. 1997.

Соткин А.С. , Козлов В.В. (г.Ярославль, Россия)

СОЗНАТЕЛЬНОЕ ОТЦОВСТВО

Аннотация: В статье представлено исследование феномена сознательного отцовства, описывается и обосновывается этап разработки и проверки методики, а также проведен анализ работ ученых, которые внесли большой вклад в исследование сознательного отцовства.

Ключевые слова: Сознательное отцовство, роль отца, влияние, социализация.

Summary: In this article was presented the study of the phenomenon of conscious fatherhood, described and substantiated the design and verification of procedure, as well as the analysis of works of scientists who have made great contribution to the study of conscious fatherhood.

Keywords: conscious fatherhood, father's role, influence, socialization.

Актуальность проблемы заключается в том, что литература по сознательному материнству есть, а также данная проблема активно разрабатывается в настоящее время, а по сознательному отцовству литература и исследования практически отсутствуют. Исключения составляют отдельные авторы (Мистерлих [9], Э. Клэр [7] и другие). Дискуссии о роли родителей в процессе воспитания подверглись влиянию

ещё со стороны психоанализа. В своей концепции, основную роль в воспитании ребенка и формировании его как личности, Фрейд [8] отводит матери, так как именно она закладывает основы его будущего характера, проявляющегося и во взрослой жизни. По мнению психолога и психотерапевта Энтони Клэра [7], данная точка зрения приводит к большой ошибке. Поскольку долгое время предполагалось, что неполные семьи, прежде всего, сталкиваются с финансовыми трудностями (ввиду отсутствия отца), откуда вытекают и все другие проблемы с детьми (образование, воспитание). Такое долгое игнорирование роли отца в воспитании ребенка было вызвано, прежде всего, отсутствием достоверных данных, а также исследований.

Важность отцовского воспитания и участия его в жизни ребёнка очень хорошо прослеживается при сравнении характеров детей в полных семьях и в семьях без отцов. Согласно психоаналитику Мистерлиху [9], дети, растущие без отца, чаще других имеют низкую успеваемость в школе, проблемы в эмоциональной и поведенческой сферах. Поэтому такие дети нуждаются в помощи психотерапевта. У них также может сформироваться алкогольная или наркотическая зависимость. В психике таких детей, в процессе воспитания, формируется вакуум, что приводит к формированию негативного образа отца, не имеющего значимой роли в воспитании детей, и искаженное представление об отцовстве. Впоследствии сыновья, транслируя подобный образец отцовства, чаще других становятся безответственными и некомпетентными родителями.

Доказано влияние отцов на раннее развитие ребенка. Данные многих исследований говорят о том, что отцы, державшие ребенка на руках сразу после рождения, и в дальнейшем продолжали больше играть со своими подрастающими детьми и заботиться о них. Эта новая роль заботливого отца благоприятно сказывается на развитии семьи. По результатам одного из исследований, младенцы, чьи отцы активно участвовали в их воспитании, показали более высокие оценки по тестам моторного и умственного развития. Другое исследование показало, что такие младенцы вырастают более отзывчивыми в социальном плане. Между супругами возникает меньше трений, у них наблюдается единство целей и согласие в принятии решений, если они оба принимают активное участие в воспитании ребенка. Однако, оценивая эти данные, мы должны помнить, что отцы, которые с самого начала стремятся принять активное участие в общении со своими детьми, вероятно, и во многих других отношениях отличаются от тех, кто не пытается установить ранний контакт с ребенком. [9]

Обследование более 20 тыс. американских семей показало, что дети, чьи отцы вовлечены в процесс их образования (например, посещают родительские собрания), чаще получают высшие баллы, больше любят школу, реже остаются на второй год. [1] Кроме того установлено, что отец играет важнейшую роль в усвоении детьми моральных норм. Родители через слова и поведение выражают свое отношение к определенным

событиям или поступкам людей, предоставляя, таким образом, модели поведения и моральную оценку. Родители, особенно отец дисциплинируют детей, ставят определенные рамки поведения, одобряя одни поступки и наказывая за другие [6].

Результаты современных психологических исследований говорят о значительном влиянии отца на развитие ребенка [1]. Рождение ребенка важным этапом в развитии семьи и представляет для нее стрессовую ситуацию. Важнейшим фактором нормального пренатального развития ребенка является благоприятная обстановка в семье, эмоциональный комфорт беременной женщины, эмоциональная поддержка мужа, благодаря которой жене удастся с наименьшими психологическими потерями преодолевать трудности этого периода. Отсутствие такой поддержки становится провоцирующим моментом для возникновения у нее депрессивно-тревожных расстройств, являющихся как правило, предшественниками послеродовой депрессии, отрицательное влияние которой на психическое развитие ребенка общепризнано. Таким образом, еще до рождения ребенка отец оказывает влияние на его развитие через обеспечение благоприятных условий

Взаимодействие с отцом положительно влияет на когнитивное развитие детей. Однако, прямая взаимосвязь между вовлеченностью отца в воспитание и когнитивными достижениями была выявлена только на мальчиках. Это объясняется тем, что отец дает пример практического и действенного разрешения различных проблемных ситуаций, причем вовлеченность в жизнь ребенка предполагает также эмоциональное участие, и именно потому, что отец в этом случае демонстрирует мужской подход к решению проблемы, его влияние не так заметно на девочках [1].

Особую роль отцов в воспитании детей связывают с процессами идентификации. Именно идентификация является наиболее важным фактором усвоения моральных норм и социальных ролей, и отец в этом случае особенно необходим мальчику. На это указывал еще З. Фрейд [8] описывая Эдипов комплекс. Данный комплекс играет ключевое, первостепенное значение в формировании личности ребенка. Роль отца в этом процессе огромна и в формировании дочерей и в формировании сыновей.

При нормальных условиях отец значительно влияет на половую идентификацию ребенка. Для сына уже в раннем возрасте он является своеобразным примером, моделью для подражания, следовательно, влияет на формирование половой идентичности. Как замечает И.С. Кон [5], пассивные, отстраненные отцы мало влияют на формирование собственно мужских черт у своих сыновей. Недостаточный опыт общения с отцом и отсутствие приемлемой модели идентификации ослабляет формирование отцовских чувств у мальчика и юноши, часто неблагоприятно сказывается в будущем на воспитании своих собственных детей.

Любовь отца дает девочке уверенность в своей женской привлекательности и обаянии. Каждый раз, подчеркивая, что его дочь

«умница и красавица» отец формирует у нее уверенность в себе. Недостаточная же эмоциональная отзывчивость отцов порождает у девочек беспокойство, неустойчивость настроения и капризность, как средство привлечения внимания [4].

Было установлено, что дети, которые близки с отцом, обладают значительно более высокой самооценкой и стабильностью образа Я в сравнении с теми, кто описывает свои отношения с отцом как отчужденные. Дети, отцы которых принимают активное участие в их воспитании, вырастают более отзывчивыми в социальном плане. Изучение годовалых детей показало, что дети «вовлеченных» отцов, оставаясь с незнакомцем, плакали и страдали меньше, чем другие дети [6].

Кроме того, в наше время социализация детей становится очень сложной. Кризис и высокая криминогенная обстановка способствуют возникновению у детей тенденции к алкогольной и наркотической зависимости, поэтому сейчас, как никогда раньше, сильно повышается роль отца в воспитании ребенка. Отцу необходимо проявлять особое внимание к жизни ребенка, его досугу, а также к его друзьям.

Теоретическая значимость определяется тем, что в работе был выработан новый подход в понимании сознательного отцовства, основывающийся на психологической концепции Э. Клэра [7] о месте отца в процессе воспитания ребенка. Правомерность данного подхода подтверждается многими исследованиями (Мистерлих, Э. Клэр). В работе сформулированы критерии сознательного отцовства, на основании которых было составлено определение данного феномена, а также была разработана методика на диагностику сознательного отцовства. Данную методику можно применять в психологическом и семейном консультировании при решении вопросов планирования семьи.

Целью нашего исследования является разработка и полная психометрическая проверка методики, направленной на диагностику сознательного отцовства.

В нашем исследовании мы рассматриваем сознательное отцовство как черту личности, которая может иметь разную степень выраженности у каждого отдельного индивида, при этом в значительной степени определяя его поведение по отношению к ребенку. Поэтому перед нами стояла задача создать такой инструмент, который был бы способен измерять уровень сознательного отцовства.

Первичная форма вопросника включала 110 вопросов (как прямых, так и обратных, сформулированных от первого лица). Шкала многоступенчатая.

Вопросы были составлены на основе:

- 1) Анализа литературы
- 2) Полученных данных от респондентов с помощью опросной анкеты

3) На основе критериев сознательного отцовства, которые были выделены нами в результате контент-анализа ответов респондентов.

В качестве критериев сознательного отцовства нами были выделены следующие:

*Эмоциональный: желание иметь ребенка, проводить с ним время, играть, заниматься, общаться, ухаживать за ним и т.д.

*Когнитивный: знания и подготовленность к отцовству, умение успокоить ребенка, найти к нему подход, наличие стратегии воспитания, посещение курсов будущих родителей и т.д.

*Поведенческий: конкретные ситуации взаимодействия с ребенком, как проводят с ним время, сколько времени уделяют ребенку в день, совместный досуг, совместные выходные, помощь матери в уходе за ребенком, игры с ребенком и т.д.

В результате психометрической проверки нашего вопросника на выборке из 100 человек, которая состояла из мужчин от 18 до 50 лет, в итоговый вариант вопросника вошли 62 вопроса. Вот пример некоторых вопросов, которые наиболее сильно коррелируют с итоговым баллом:

- 1) Я читал литературу о методах воспитания детей ($r=0.65$).
- 2) Мне нравится проводить с ребенком свое свободное время ($r=0.62$).
- 3) Я часто интересуюсь проблемами своего ребенка ($r=0.61$).
- 4) Я всегда стараюсь помогать жене в уходе за ребенком ($r=0.55$).

Дальнейшее наше исследование было направлено на выявление индивидуально-психологических характеристик сознательных отцов.

В эмпирическом исследовании использовались 4 методики.

1) Методика “Сознательное отцовство”, разработанная нами в рамках данной работы и представленная во 2 главе.

2) Методика “Диагностика уровня развития рефлексивности” Карпова А.В., которая состоит из 27 вопросов, шкала 7 ступенчатая.

3) Методика “Уровень субъективного контроля” Дж. Роттера, состоящая из 44 вопросов, на которые нужно ответить “да” или “нет”. С его помощью можно оценить уровень субъективного контроля над разнообразными ситуациями, другими словами, определить степень ответственности человека за свои поступки и свою жизнь. Люди различаются по тому, как они объясняют причины значимых для себя событий и где локализируют контроль над ними. Возможны два полярных типа такой локализации: экстернальный (внешний локус) и интернальный (внутренний локус).

4) Методика “Личностный опросник самоидентичности Козлова (ЛОСК)” Козлова В.В. Данный опросник позволяет определить наличие баланса между подсистемами «Я» (материальным «Я», социальным «Я»),

духовным «Я»), уровень их согласованности или наличие жесткой идентифицированности с какой-либо из них.

В нашем исследовании приняли участие 100 мужчин в возрасте от 18 до 50 лет.

В результате проведенного исследования мы получили:

1) Уровень выраженности сознательного отцовства связан с уровнем развития рефлексивности респондентов. Чем выше уровень развития сознательного отцовства, тем выше будет наблюдаться уровень рефлексивности. Кроме того, чем выше уровень выраженности сознательного отцовства, тем выше у респондентов будет уровень развития интернальности в области семейных отношений. У более взрослых мужчин наблюдается более высокий уровень развития черты сознательного отцовства по сравнению с более молодыми отцами. Статистический критерий t-Стьюдента подтвердил статистически достоверные различия между двумя этими выборками на уровне значимости $p=0.001$ ($t=3,27$).

Скорее всего, данный факт можно объяснить тем, что взрослые мужчины в значительной мере более обеспечены в сравнении с молодыми людьми, которые ещё учатся, либо только закончили институт, также у них больше опыта и знаний о том, как взаимодействовать и как воспитывать детей. Кроме того, они психологически являются более зрелыми, и у них будет сильнее желание иметь ребенка, заботиться о нем и любить его.

Во-первых, взрослые мужчины более обеспечены материально, тем самым они имеют возможность содержать своего ребенка. Они хорошо осознают это. Во-вторых, они сильнее мотивированы в желании заботиться о ребенке, воспитывать его, так как у них имеется передать детям свои знания и опыт, обучить их всему, что они умеют сами. Главная же задача более молодых мужчин – это построение карьеры, улучшение своего материального положения, они должны еще встать на ноги.

Таким образом, можно сказать, что хотя все мужчины в разное время начинают задумываться о рождении ребенка, а также становятся готовыми его воспитывать и содержать, однако наши данные говорят о значимой взаимосвязи возраста мужчины и уровня сознательного отцовства.

В данном случае, мы можем сослаться на исследования Вишневого [3], у взрослых женщин качество воспитания ребенка выше. Это объясняется тем, что такие женщины более опытные и зрелые, и, тем самым, достигают больших успехов в воспитании детей, и их дети получают более качественное воспитание и заботу, чем дети, имеющие молодых родителей. То же самое мы можем перенести и на отцовство. Более зрелые отцы имеют более богатый жизненный опыт, к тому же, у них уже могут быть дети, поэтому они также имеют опыт воспитания детей, общения и взаимодействия с ними, что очень важно. Что касается эмоциональной близости с ребенком, желания иметь ребенка и внутренней мотивации стать отцом, то здесь также играет роль фактор возраста.

Поскольку инстинкт родительства формируется и возникает постепенно, по мере роста и развития мужчины.

Таким образом, анализируя мужчин по выделенным нами трем критериям сознательного отцовства, взрослые мужчины значительно опережают более молодых по каждому из них: по когнитивному, поведенческому и эмоциональному.

Сознательные отцы, таким образом, более осведомлены о методах воспитания детей, умеют справляться и ладить с детьми, находят с ними общий язык, умеют организовать совместный досуг и знают, как можно научить ребенка что-либо делать. Они больше проводят времени с ребенком, гуляют, играют с ним в игры, помогают выучить уроки и т.д., они больше вовлечены в процесс взаимодействия и воспитания ребенка, охотно помогают в этом своей жене. Также отцы сильнее любят своего ребенка, искренне радуются общению с ним.

Дети, чьи отцы вовлечены в процесс их образования (например, посещают родительские собрания), чаще получают высшие баллы, больше любят школу, реже остаются на второй год. Кроме того установлено, что отец играет важнейшую роль в усвоении детьми моральных норм. Что особенно важно в наше время, поскольку высокая криминогенная обстановка в стране заставляет быть особенно внимательными по отношению к детям. Родители через слова и поведение выражают свое отношение к определенным событиям или поступкам людей, предоставляя, таким образом, модели поведения и моральную оценку. Взаимодействие с отцом положительно влияет на когнитивное развитие детей, особенно для мальчиков. Это объясняется тем, что отец дает пример практического и действенного разрешения различных проблемных ситуаций, причем вовлеченность в жизнь ребенка предполагает также эмоциональное участие, и именно потому, что отец в этом случае демонстрирует мужской подход к решению проблемы. Особую роль отцов в воспитании детей связывают с процессами идентификации. Именно идентификация является наиболее важным фактором усвоения моральных норм и социальных ролей, и отец в этом случае особенно необходим мальчику. На это указывал еще З. Фрейд [8] описывая Эдипов комплекс. Данный комплекс играет ключевое, первостепенное значение в формировании личности ребенка. Роль отца в этом процессе огромна и в формировании дочерей и в формировании сыновей. При нормальных условиях отец значительно влияет на половую идентификацию ребенка. Для сына уже в раннем возрасте он является своеобразным примером, моделью для подражания, следовательно, влияет на формирование половой идентичности.

Как замечает И.С. Кон[5], пассивные, отстраненные отцы мало влияют на формирование собственно мужских черт у своих сыновей. Недостаточный опыт общения с отцом и отсутствие приемлемой модели идентификации ослабляет формирование отцовских чувств у мальчика и юноши, часто неблагоприятно сказывается в будущем на воспитании своих

собственных детей. Любовь отца дает девочке уверенность в своей женской привлекательности и обаянии. Каждый раз, подчеркивая, что его дочь «умница и красавица» отец формирует у нее уверенность в себе. Недостаточная же эмоциональная отзывчивость отцов порождает у девочек беспокойство, неустойчивость настроения и капризность, как средство привлечения внимания. Кроме того, дети, которые близки с отцом, обладают значительно более высокой самооценкой и стабильностью образа Я в сравнении с теми, кто описывает свои отношения с отцом как отчужденные. Дети, отцы которых принимают активное участие в их воспитании, вырастают более отзывчивыми в социальном плане. Изучение годовалых детей показало, что дети «вовлеченных» отцов, оставаясь с незнакомцем, плакали и страдали меньше, чем другие дети.

Поэтому результаты говорят нам прежде всего о том, что к отцовству, ровно как и к материнству, нужно подходить сознательно. Нужно твердо оценивать свою готовность стать отцом, а также свои возможности обеспечить ребенка, а уж затем принимать решение о рождении ребенка вместе с женой. Сейчас же у нас в стране довольно печальная картина. Это и переполненные детские дома, большое количество беспризорных детей.

Поэтому в нашем исследовании и была поставлена задача диагностики и выявления сознательного отцовства с помощью разработанной нами методики, а также описание индивидуально-психологических особенностей сознательных отцов. Данную методику можно применять в различных сферах, например в индивидуальном и семейном консультировании. Она направлена на выявление степени развития черты сознательного отцовства в мужчине, и, тем самым, может ответить на вопрос, на сколько готов данный человек стать отцом, и насколько сознательно он принимал данное решение. Кроме диагностической направленности, данная методика носит и информационный характер. Каждый мужчина может ознакомиться с ней, и тем самым, может узнать, как же себя должен вести сознательный отец, чтобы его ребенок рос счастливой и гармоничной личностью. Поскольку в вопросник был заложен эталон такого сознательного отца, к которому должен стремиться каждый мужчина. И каждый отец, после заполнения методики, подсчета баллов и анализа своих ответов, может проанализировать и понять, в чем на данном этапе его слабая сторона, над какими моментами и деталями ему еще предстоит работать. Тем самым, он может наметить пути и стратегию своего дальнейшего развития, и он сможет достигнуть лучших результатов в воспитании ребенка в будущем. Поэтому можно сказать, что кроме диагностической цели, которую наша методика безусловно выполняет, т.к. мы это выяснили в результате ее психометрической проверки, она также выполняет и информационную и просветительскую цели, что также является очень важным и значимым.

Литература

1. Борисенко Ю.В. Психология отцовства // Журнал практической психологии.– 2007.– №1.– С.3-7
2. Борисенко Ю.В., А.Г. Портнова. Проблема отцовства в современном обществе // Вопросы психологии.– 2006.– №3.– С.122-130
3. Вишневский А.Г. Воспроизводство населения и общество. Москва, 1982. – 287 с.
4. Зурабов А. Отец и дочь // Дошкольное воспитание.– 2006.– №4.– С.117-120
5. Кон Н.С. Психология старшеклассника. М.: Просвещение, 1980. – 446с.
6. Мухина В.С. Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество. М.: Издательский центр «Академия», 1999.- 504с.
7. Clare, Anthony W. On Men: Masculinity in Crisis. London, 2000.
8. Freud, S. An outline of Psychoanalysis. London, 1938.
9. Misterlich, A. Society without the father: a contribution to social psychology. New York, 1993.
10. Palkovitz, R. Fathers' birth attendance, early contact, and extended contact with their newborns: A critical review. 1985.

ЭКСПЕРИМЕНТ И ТЕХНОЛОГИЯ

Козлов В.В. (Ярославль, Россия)

ИНТЕНСИВНЫЕ ИНТЕГРАТИВНЫЕ ПСИХОТЕХНОЛОГИИ: ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация

Автор в статье обобщает физиологические, нейропсихологические, психологические, социально-психологические, частные теоретические исследования применения в личностном росте и трансформации интенсивных интегративных психотехнологий.

Ключевые слова

Трансформация, интеграция, личность, сознание, связанное дыхание, измененные состояния сознания, духовность

Abstract

The author article summarizes physiologic, Neuropsychological, psychological, socio-psychological, theoretical studies of private use in personal growth and transformation of intense integrative psihotehnologij.

Keywords

Transformation, integration, identity, consciousness, connected breathing, altered States of consciousness, spirituality

В этой статье мы обобщаем наш теоретический и практический опыт применения в личностном росте и трансформации интенсивных интегративных психотехнологий (ИИПТ), которое основано нами в начале 90-х годов прошлого столетия [8].

Использование дыхательных методов для самопознания, внутренней трансформации и интеграции, имеет длительную предысторию.

Теснейшая связь между дыханием и психикой известна с древнейших времен и зафиксирована уже в первых письменных текстах мировых философско-религиозных традиций. И это заложено в общей семантике слов «дыхание» и «дух» («душа»). Не только на русском языке эти два понятия имеют общие корни. В иудаизме еврейское слово «руах» имеет несколько значений – «дыхание», «дух», «ветер». Аналогично в «Ригведах» и «Авесте» слово «ваю» (древнеиранское «вайю») имеет тоже несколько значений: «прана», «ветер», «воздух». В ведийской и индуистской мифологии, что особенно характерно, подчеркивается связь «ваю» с «сомой» [7].

В европейских языках наблюдается та же тенденция. На латыни «respirare» – «дышать», «spiritus» – «дух», «anima» – «дыхание», «душа». На греческом языке «pneuma» – «дуновение», «дыхание», позднее – «дух», «psyche» – «душа», «дыхание», на французском «esprit» – «дыхание», «ум», «сознание». Этот список можно продолжать еще очень долго, так как эту тесную связь между сознанием и дыханием мы можем обнаружить во многих древних текстах, а также мировой этнографической литературе [8].

С древних времен было не только глубокое осознание связи между состояниями психики и дыханием, что отразилось в языке, поговорках, мифологии, но и проникновенное использование этой связи в практике самопознания, духовного просветления.

На протяжении тысячелетий йоги использовали пранаяму. Специальные методы, основанные на ускорении, замедлении, остановке дыхания, применялись в шаманизме, кундалини – в сиддха-йоге, дзэн-буддизме, ваджраяне, дзогчене, даосизме, суфизме, школах хиньяны и махаяны и во многих других духовных практиках [3, 4, 8].

Во многих культурах любая духовная практика была связана с измененными состояниями сознания (ИСС), вызываемыми связным дыханием. Истоки использования этих состояний сознания находятся в глубокой древности, на заре возникновения человеческой цивилизации. Шаманизм насчитывает, согласно археологическим исследованиям наскальных рисунков и мест древних захоронений, около 40000 лет. Системы медитации хатха-, лайя-, раджа-йоги сформировались не позднее 10 тыс. лет до н.э. Исследования антропологов, изучавших мировые культуры, существовавшие в течение пяти последних столетий, показали, что подавляющее большинство из них имели некоторые институционализированные формы измененных состояний сознания. Необычные состояния сознания и по сей день являются центральными для эзотерических течений канонических религий: исихазма и многих сектантских течений в христианстве, суфизма в исламе, различных

йогических практик в индуизме, школ Дзен в буддизме и Каббалы в иудаизме [6].

В разных культурах и религиозных системах использовались различные способы достижения измененных состояний сознания при помощи связанного дыхания.

Самые древние ритуальные практики шаманизма связаны с использованием мощных дыхательных сессий при помощи звукоформ на фоне барабанного боя.

Часто песнопение выступает в качестве самостоятельного метода достижения измененных состояний сознания в силу того, что включает в себя не только особый связный дыхательный ритм (физиологическая база), но и мощное духовное или экзистенциальное смысловое пространство, а также общегрупповую энергию. Таковы молитвенные песни бабийских монахов (кенджак), эскимосские и тибетские горловые многоголосые пения, суфийские молитвенные песнопения (киршанс, бхаджанс), песни-плачи в русском фольклоре. Особенностью русских песен является большая смысловая и сюжетная нагрузка и их центрированность на экзистенциальных проблемах человеческого существования [5].

Более тонким, одновременно с этим более смыслозагруженным методом использования связанного дыхания являются медитации и в особенности молитвы. На наш взгляд, во время чтения молитвы (как в индивидуальной, так и в групповой формах) возникает паттерн связанного дыхания, который является физиологическим базисом возникновения трансового состояния сознания. Бесперывное повторение одних и тех же звукоформ (например, при практике иисусовой молитвы) индуцирует более глубокое изменение сознания в контексте смыслов молитвы.

На наш взгляд, не важно, на кого направлена молитва, то ли она посвящена Духу Земли, то ли это поклонение Аллаху или Иисусу из Назарета, Будде или Кришне, Ра или Одину, важно обращение к Большему, чем личность и делегирование Большему судьбоносного и судьбоопределяющего характера, функций решение важных жизненных проблем. За счет этого достигается чувство освобождения и катарсиса, часто обретается сила и уверенность большая, чем имела личность. Особенными ситуациями являются те, когда человек начинает чувствовать себя «боговдохновенным», что его поведение, мысли и чувства являются манифестацией «Большого». В крайних вариантах это превращается в идентификацию с «мессией», когда человек является частной реализацией Большого (Сыном Бога, бодхисатвой, или наместником, или посланником Бога). В этом аспекте продуктами молитвенности и медитаций мы можем обнаружить основателей мировых религиозных систем – Заратустру, Иисуса Христа из Назарета, Будду Шакьямуни, Магомета, Арджуну, Бодхидхарму...

Молитвы составляли неизменную принадлежность всякого религиозного культа и играли весьма важную роль при всех выдающихся

событиях частной и общественной жизни у древних индусов, древних греков и римлян [4, 8].

Техники использования связанного дыхания были заново открыты и вошли в арсенал современной практической психологии только в 70-х годах, а их распространение на территории СССР началось только в конце 80-х годов. В сентябре 1988 года Советский Союз посетила Сандра Рэй, одна из ведущих ребеферов Америки, ученица и ближайшая сподвижница Леонарда Орра. С группой ребеферов, которые приехали вместе с ней, она провела процессы ребефинга [10].

Весной 1989 г. при активном содействии Московского Всесоюзного центра психоэндокринологии Станислав Гроф и Кристина Гроф приехали в Москву, где прочли несколько лекций по трансперсональной психологии и провели четырехдневный семинар по холотропному дыханию [3] (использующему гипервентиляцию для вхождения в ИСС) для медиков-профессионалов.

Широкое распространение психотехнологий, использующих связанное осознанное дыхание, началось в странах СНГ после 1-ой советско-американской конференции по Свободному Дыханию, которая состоялась в Москве в июне 1990 года, участником которой был автор этой статьи. Первое сжатое изложение Свободного Дыхания было предложено нами в 1991 году в книге «Практика Свободного Дыхания» (Козлов, 1992). Свободное Дыхание нами рассматривалось как более технологизированный, теоретически разработанный российский вариант использования связанного естественного дыхания. То есть уже в 1991 году в России появилось новое течение интенсивных интегративных психотехнологий, которое наряду с зарубежными аналогами начало широко использоваться при работе с различными группами клиентов [7].

Свободное Дыхание нами определялась как «уникальная техника интеграции личности, дающая человеку доступ к ресурсам его сознания и освобождающая его психику от груза накопленных стрессов» (5, с. 3). Свободное Дыхание позволяет радикально изменить ситуацию, резко ускорить терапевтический процесс, обеспечивает непредвзятость подхода, активизирует творческую активность бессознательного. Эта техника позволяет ощутить себя частью бесконечно богатого мира, где все возможно, дает возможность черпать силы из бесчисленных многозначных связей с окружающей действительностью [8].

Внутренний конфликт переживается не как нечто статичное, монолитное, тупиковое, а как процесс, конечно, болезненный, но одновременно динамичный и гибкий, доступный для интеграции. Благодаря широте поиска и богатству выбора, техника Свободного Дыхания позволяет примирить непримиримое, принять то, что в обычном состоянии сознания было бы неприемлемым.

Подавление и маскирование болезни сменяется мобилизацией поиска и возможностью разрешения внутреннего конфликта. Содержание дыхательного процесса, независимо от того на каком уровне он протекает

(биографическом, БПМ (базовых перинатальных матриц), трансперсональном) всегда отражает особенность внутреннего конфликта и пути его решения [3, 10, 12]. При этом связное дыхание нами рассматривалось как системообразующая детерминанта индукции измененных состояний (ИСС) разной глубины, трансовых, расширенных, психоделических [9, 12].

На наш взгляд каждый человек, достигший зрелости, имеет определенный опыт переживания измененных состояний сознания. В жизни возникают обстоятельства, когда ИСС приходят спонтанно: угроза для жизни, клиническая смерть, интенсивные сексуальные переживания, тяжелые физические заболевания, стрессы, экстатические эмоциональные состояния, новый необычный опыт и так далее [19]. В основном в такой спонтанности есть всегда постоянно присутствующий элемент – связное дыхание. Жизнь иногда заставляет наше сознание функционировать в необычных режимах. Мы думаем, что в этом есть глубокий смысл. На основании накопленного опыта применения дыхательных техник мы можем рассматривать связное дыхание как естественную интегративную реакцию организма на стресс, на интенсивные, иногда шоковые эмоциональные и организмические переживания [5].

С другой стороны, двадцатипятилетний опыт исследования роли измененных состояний сознания в жизнедеятельности людей позволяет предположить, что у вида *Homo sapiens* существует базовая потребность в ИСС, не менее выраженная и определяющая поведение, чем секс, доминирование или потребность в принадлежности.

Способы удовлетворения этой потребности многообразны: алкоголь, наркотики, переедание, игровая зависимость, зависимость от экстрима и др.

За способами удовлетворения потребности в ИСС стоят глобальные социальные корпорации, следящие за дозированием, систематичностью, полнотой купирования потребности. Сами государственные системы зарабатывают огромный процент ВВП за счет удовлетворения этих потребностей.оборот наркотиков и алкоголя, игорные дома приносят миллиардные доходы не только государству, но и не государственным корпорациям, которые наживаются на потребности в ИСС. Все возможные способы борьбы с социально-приемлемыми способами удовлетворения этой потребности, такими как, например, пьянство и гэмблинг, являются чисто демонстративной игрой, во многом борьба с наркотической зависимостью является фикцией, так как за счёт удовлетворения этой потребности «живут» целые страны и слои населения. При всём понимании деструктивности некоторых способов удовлетворения ИСС, искоренить их невозможно без эффективных замен другими способами. Одновременно с этим следует признать, что замена другими способами или невозможна, или не соответствует интересам социальных структур [10].

Вне сомнения, психотехники связанного дыхания способны удовлетворять потребность человека в измененных состояниях сознания. Но в отличие от многих других способов, дыхание требует усилий, работы, организации и воспитания тонкости восприятия, мышления. Практика требует не только вложений воли, времени, энергии личности, но и мастерства, искусства, зрелости от психолога, ведущего дыхательную сессию.

Несмотря на это, мы надеемся, что интенсивные интегративные психотехнологии находят и находят своих сторонников. При этом мы очень хорошо представляем, что клиенты, могущие вложить энергию в процесс изменения состояния сознания, все-таки достаточно редки. Легче и проще проглотить стакан водки, или уколиться дозой героина, или, на крайний случай, поиграть в рулетку. Тем не менее, внутренний опыт автора статьи и опыт десятков тысяч процессов дыхания показывают, что такой способ удовлетворения потребности в измененных состояниях сознания намного плодотворнее и благодатнее.

Это обусловлено терапевтическими, трансформирующими и эволюционными возможностями необычных состояний сознания, которые индуцируются осознанным связным дыханием.

В последние 15 лет мы разрабатываем одну из частных практик интенсивных интегративных психотехнологий – Дыхание – Музыка-Движение (ДМД). Поскольку в ИСС психика человека проявляет спонтанную целительную деятельность, ДМД использует дополнительные техники наведения необычных состояний сознания: релаксацию, спонтанное высвобождающее движение, музыку, связанное дыхание. Наиболее сильная техника вызывания необычных состояний сознания и активизирования психики – это, без сомнения, использование связанного дыхания [10].

Мы можем сделать несколько важных стратегических выводов для использования индуцируемых ИСС связным дыханием из физиологических и нейропсихологических исследований, которые мы проводили в последние 15 лет:

1. Сессии связанного дыхания не могут нанести вред здоровью человека.
2. Организм человека имеет мощный защитный механизм, препятствующий прогрессированию гипоксии, включение которого происходит с первых минут связанного дыхания, достигает максимальной эффективности к 10-15 минутам и поддерживается на этом уровне в течение всего времени.
3. Вхождение в ИСС наиболее вероятно в первые 10-15 минут сессии связанного дыхания до наступления «разобщения» внешнего дыхания и кровообращения.
4. Наиболее продуктивным и эффективным из расширенных состояний сознания, которые индуцируются связным дыханием, являются те, которые имеют нейропсихологические характеристики «быстрого сна».

Аналогом данного состояния, очень знакомым для каждого человека, является просоночное состояние, основной характеристикой которого является «присутствие в двух мирах одновременно» – в здесь и сейчас, а также эмоционально переживаемых образно-ментальных пространствах, которые являются продуктом спонтанной активности самого сознания.

5. Основной предпосылкой стимулирования и возникновения ИСС в процессах связанного дыхания является психологический фактор – формирование системы ожиданий у клиента, глубокого уровня релаксации и транса, однако с сохранением присутствия сознания с активным продуцирующим началом.

6. Дыхательные сессии способствуют общей энергизации личности и повышают физическую работоспособность. Исследования показывают, что ресурсную витальную потенциальность личность может использовать во всех видах деятельности.

7. Процессы связанного дыхания обладают восстановительной эффективностью в 1,5-2 раза выше привычного сна и могут быть рекомендованы в качестве метода быстрой реанимации жизненной энергии человека в условиях дефицита времени и высоких энергопотерь (тяжелых физических, интеллектуальных, эмоциональных нагрузках).

8. Дополнительной предпосылкой для индукции ИСС в процессах связанного дыхания является частичная депривация (недостаток) ночного сна и частичная пищевая депривация (пост).

9. Дыхательные психотехники являются одним из эффективных путей коррекции и оптимизации функционального состояния не только организма, но и высших функций ЦНС, особенно механизмов памяти [5].

Для исследования психологического влияния связанного дыхания и индуцированного расширенного состояния сознания на личность и группу мы применили многоуровневый системный анализ.

Исследования проводились в различных регионах бывшего СССР и дальнем зарубежье. Мы не будем подробно описывать выборки и инструментарий исследования, а также приводить статистические методы обработки результатов. На научную обоснованность, репрезентативность, надежность и валидность, достоверность они проверены ведущими экспертами и диссертационными советами России

Ниже мы приведем выводы по этим исследованиям в самом сжатом виде.

1. Связное дыхание оказывает, в основном, позитивное влияние на скорость сенсомоторных реакций, а также на характеристики произвольного внимания и кратковременной памяти. Наиболее характерные изменения свойств произвольного внимания происходят после 10 минут вхождения в расширенное состояние сознания (РСС).

3. Погружения в РСС оказывают положительное воздействие на такие интегративные показатели как: активность, самочувствие, настроение, а также бодрость и работоспособность.

4. Погружения в РСС имеют избирательное влияние на различные качества личности. Личностные характеристики, наиболее чувствительные к погружениям в РСС: тревожность, самооценność, уверенность в себе, внутренняя конфликтность, самообвинение, потребность в достижениях, внутренняя честность.

5. Тренинги по связному дыханию влияют на самооценку личности в аспекте повышения.

6. Наиболее чувствительными к влиянию тренинга являются такие этические эталоны: сострадательность, беспечность, вдумчивость, увлеченность, эмпатия.

7. Под влиянием тренинга по связному дыханию у участников изменяются представления об идеальных эталонных качествах человека, а также представления о себе.

8. Тренинги по связному дыханию приводят к изменениям в образе «Я», значительно отличающимся от изменений в образе «Я» у людей, не проходивших процессы дыхания.

9. Изменения в образе «Я», вызванные тренингами, устойчивы во времени.

10. Наиболее характерными и устойчивыми изменениями в образе «Я», связанными с тренингом по интегративным психотехнологиям явились следующие: уменьшение прямолинейно-агрессивных тенденций, увеличение ответственно-великодушных и сотрудничающе-конвенциональных тенденций.

11. Под влиянием тренингов с использованием связного дыхания снижается уровень одиночества, следовательно, они применимы для коррекции повышенного уровня одиночества.

12. Тренинг оказывает значительное влияние на динамику реактивной и личностной тревожности, а именно, тревожность понижается.

13. РСС имеют потенциальную возможность индукции творческих ресурсных состояний личности, помогают полнее реализовать свой творческий потенциал, научиться лучше владеть своим телом и энергетическим потенциалом.

14. Исследования свидетельствуют о возрастании способности к активной социальной жизни, возрастании желания сотрудничать с людьми, возрастании способности к эмпатии, уменьшении агрессивных тенденций, уменьшении нежелания приспособливаться к социальному окружению, уменьшении нервно-психического напряжения, росту умения эффективно делать выбор, когда это требуется.

15. Тренинги способствуют стрессоустойчивости личности, помогают даже в конфликтных ситуациях сохранять ясность мышления, быстро восстанавливать эмоциональное равновесие, стать менее зависимым от внешних воздействий, принимать людей и ситуации такими, какие они есть, чувствовать радость от общения с людьми.

16. Использование связного дыхания позитивно влияет на процесс коррекции акцентуаций и неврозов, а также могут быть эффективно использованы при работе с аддиктами: наркоманами, алкоголиками, клиентами с пищевой зависимостью, лудоманами.

17. РСС с использованием связного дыхания обладает специфической феноменологией:

- на уровне двигательных реакций: спонтанные, комплексы согласованных движений, сложные действия;
- на уровне сенсорной сферы – специфической стимуляцией разных модальностей: кинестетической, вкусовой, обонятельной, слуховой, зрительной. Особое место занимают энергетические ощущения, которые мы не можем выделить как специальную модальность.

Эмоциональная сфера РСС отличается большим разнообразием: от простейших и тонких (эмоциональный тон) до аффектов, паники – по мощности, и от любви к человечеству, миру, космосу – по сложности.

В сфере памяти: наблюдается гипермнезия, личность в РСС оперирует материалом долговременной памяти, в РСС превалирует моторная, эмоциональная и образная память.

В РСС наблюдается специфическое искажение восприятия времени: «сжатие» времени – большие отрезки времени воспринимаются как короткие, «уплотнение» времени восприятие и переживание в короткие промежутки времени большого количества событий.

18. Использование связного дыхания на тренингах способствуют быстрой групповой интеграции, оно может быть применено для убыстрения групповой динамики, сплоченности при формировании команд различного назначения.

Предполагаются следующие механизмы групповой интеграции: совпадение статуса руководителя группы (ведущего) и лидера, общая установка ведущего на понимание и рефлексии членов группы, удовлетворение потребностей в психологическом контакте, эмпатии, существование целого спектра общих переживаний, относительная изолированность группы.

19. Погружения в РСС способствуют установлению трансфера между членом группы и ведущим, который в основном по содержанию имеет положительную полярность.

20. Социально-психологический метод с применением интегративных психотехнологий является адекватным для эффективной работы с кризисными состояниями личности. Особенную эффективность практики с использованием связного дыхания показали при реабилитации участников локальных войн (Афганистан, Чечня, Израиль), последствий чрезвычайных происшествий.

21. Использование связного дыхания направлено на весь психический аппарат человека, систему когнитивных процессов, тело, личностные конструкты, использует глубинные ресурсы человека и его способность к самоинтеграции и трансформации [10].

Что касается ДМД – эта психотехнология делает акцент не на запрещение, а на разрешение, минимизирует страх перед возможным срывом, опирается на стратегию поддержки и понимания, обладает гибкостью, которая позволяет, оставаясь в рамках модели, вводить новые элементы, использовать ее для индивидуальной и групповой психологической работы, обладает универсальностью применения, имеет достаточно хорошую обратную связь.

ДМД – техника интеграции личности, его внутренней и внешней жизни, способ достижения внутренней свободы и осознанности.

ДМД – это психотехнология, которую человек может использовать самостоятельно после краткого (6-8 занятий) обучения.

ДМД, как показывает наш многолетний опыт работы с данной технологией, является универсальной и экологичной практикой личностного роста и трансформации, самоисследования и расширения границ личности, достижения эвристической самореализации [11].

Как показывает опыт научных исследований и практической работы, ДМД позволяет:

- полнее реализовать свой творческий потенциал,
- даже в конфликтных ситуациях сохранять ясность мышления,
- быстро восстанавливать эмоциональное равновесие,
- стать более независимым от внешних воздействий,
- повысить работоспособность,
- принимать людей и ситуации такими, какие они есть,
- чувствовать радость от общения с людьми,
- эффективно делать выбор, когда это требуется,
- научиться лучше владеть своим телом, жить полно и гармонично.

Работа с ДМД показала, что эта практика – эффективная и гармоничная система поддержания духовного равновесия, личностного роста и проявления своего ресурса для любого человека, независимо от пола, возраста, цвета кожи, религии, нации, степени здоровья, уровня образования и культурной идентичности [11].

Самое важное в ДМД, как и других интенсивных интегративных технологий – это раскрытие простора духовного развития и высших личностных смыслов.

Литература

1. Буюкас Т.М. О феномене наслаждения процессом деятельности и условиях его возникновения (по работам М. Чиксентмихайи). // Вестник Московского Университета, сер.14. – М.: Психология, 1995, 2. – с.53-61.
2. Голмен Д. Многообразие медитативного опыта. – К.: София, 1993. – 137 с.
3. Гроф С. За пределами мозга: рождение, смерть и трансценденция в психотерапии. – М.: ТПИ, 1994 – 504 с.

4. Каптен Ю.Л. Основы медитации. Вводный практический курс. – СПб.: Андреев и сыновья, 1991. – 332 с.
5. Козлов В.В., Бубеев Ю.А. Измененные состояния сознания: системный подход. М., 2005. 395 с.
6. Козлов В.В. Дао трансформации. М.: МАПН, 1998. 189 с.
7. Козлов В.В. Интенсивные интегративные психотехнологии: Теория. Практика. Эксперимент. М., 1998. 427 с.
8. Козлов В.В. Истоки осознания: теория и практика интегративных психотехнологий. Минск: МАПН, 1995. 304 с.
9. Козлов В.В. Интегративная психология: Пути духовного поиска или освящение повседневности – М.: Психотерапия, 2007 – 528 с.
10. Козлов В.В. Психотехнологии измененных состояний сознания. М.: Институт психотерапии, 2005. 544 с.
11. Козлов В.В. Психология дыхания, музыки, движения М., РПФ «Титул» 2013 -198 с.
12. Майков В.В., Петрова А.В. Пневмосинтез: путь к интеграции. Методическое руководство. М., 1989.-62 с.
13. Малкин В.Б., Гора Е.П. Гипервентиляция //Проблемы космической биологии. Т.70. – М.: Наука, 1990. – 184 с.
14. Маслоу А. Самоактуализация. Психология личности. Тексты. /Ред. Гиппенрейтер Ю.Б., Пузырей А. А. – М.: МГУ, 1982. – с. 108-117.
15. Петренко В. Ф. Психосемантика сознания. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988.
16. Тарт Ч. Системный подход к сознанию // Пути за пределы эго. Под ред. Р. Уолша и Ф. Воон. – М., 1996. – с. 50-54.
17. Фейдиман Д., Фрейгер Р. Теория и практика личностно-ориентированной психологии. Методика персонального и социального роста. Том 1,2. – М.: Три Л, 1996. – 420 с.
18. Csikszentmihalyi M. Flow: The Psychology of Optimal Experience. – New York: Harper and Row. 1990. – 303 p.
19. Murphy M., Donovan S. The physical and psychological effect of meditation. – San Rafael: Esalen Institute, 1988.

В.Г. Морозин, В.А. Мазилев, А.А. Ширяев (Абакан, Ярославль, Россия)

ИССЛЕДОВАНИЯ КОРРУПЦИИ: ЦЕННОСТНО-ПОТРЕБНОСТНЫЙ ПОДХОД.

Аннотация

В статье обсуждаются современные точки зрения на проблему коррупции и коррупционной преступности. Констатируется, что в

правительственных и социологических источниках коррупция рассматривается как общественный феномен, поэтому и методы борьбы с ней носят формально-бюрократический характер. Между тем, причина коррупции и коррупционной преступности в ее субъектах. Психологический подход к решению этой проблемы ставит в центр внимания «человеческий фактор». Предлагаемая в статье модель «коррупционной психодиагностики» и «антикоррупционной психопрофилактики» является одной из прикладных реализаций теории ценностно-потребностной сферы личности. Прототипом системы «коррупционной психодиагностики» является авторский продукт В.Г. Морогина «Компьютерная программа психологической диагностики этнической идентификации и этнической идентичности». «Коррупционная психодиагностика» даст возможность выявлять лиц, склонных к коррупции, претендующих на занятие руководящих должностей в государственных учреждениях, бизнес-структурах и СМИ, а также среди кандидатов в народные депутаты любого уровня, а разработанная на основе ее результатов технология «антикоррупционной психопрофилактики» позволит искоренить коррупцию в государственных и общественных учреждениях.

Ключевые слова: коррупционная психодиагностика, антикоррупционная психопрофилактика, ценностно-потребностная сфера личности (ЦПСЛ), общественная подструктура ЦПСЛ, родовая подструктура ЦПСЛ, личностно значимая ценность, коррупционно опасная ценность, коррупционно безопасная ценность, симультанная тахистоскопическая экспозиция, сукцессивная тахистоскопическая экспозиция, общественный коррупционный профиль, родовой коррупционный профиль.

Abstract

The modern point of view on the problem of corruption and corrupt criminality discusses in the article. States, that corruption considers as a social phenomenon in governmental and sociological sources, and therefore methods of fighting corruption are formally bureaucratic nature. Meanwhile, the cause of corruption and corruption criminality is in the subjects. Psychological approach to solving this problem puts in the spotlight the “human factor”. The proposed model of “corrupt psycho-diagnostics” and “anti-corrupt psycho-prevention” is one of the applied implementations of the theory of value-need personality sphere. The copyrighted product “Computer program of psychological diagnostics of ethnic identification and ethnic identity” by V.G. Morogin is the prototype of “corrupt psycho-diagnostics” system. “Corrupt psycho-diagnostics” will enable to identify persons who are prone to corruption, applying for employment of leadership roles within state institutions, business-structures and the media, and among of candidates for the parliament of any level. The technology “anti-corrupt psycho-prevention”, based on the results of “corrupt psycho-diagnostics”, will allow eliminate corruption in state and public institutions.

KeyWords: corrupt psycho-diagnostics, anti-corrupt psycho-prevention, value-need personality sphere (VNPS), social substructure of VNPS, family substructure of VNPS, personally meaningful value, corrupt dangerous value, corrupt safe value, simultaneous tachistoscope exposition, successive tachistoscope exposition, public corrupt profile, generic corrupt profile.

В современном обществе накопилось множество проблем, обусловленных неэффективным государственным управлением, злоупотреблениями чиновников и должностных лиц, народных избранников и общественных деятелей. В целом этот проблемный комплекс обозначается термином «коррупция». Само понятие (от латинского *corruptio* – порча, подкуп) означает преступление, заключающееся в прямом использовании должностным лицом прав, предоставленных ему по должности, в целях личного обогащения; коррупцией называют также подкуп должностных лиц, их продажность. В документах ООН коррупция определяется как злоупотребление государственной властью для получения выгоды в личных целях. А согласно федеральному закону Российской Федерации под коррупцией понимается «злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или третьих лиц, либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также совершение таких деяний от имени или в интересах юридического лица».

Оба определения имеют свои недостатки. В первом случае дефиниция коррупции чересчур обширна в части, касающейся субъекта коррупционного преступления. Во втором – определение не является исчерпывающим, поскольку дается через перечисление общественно опасных деяний. Кроме того, в обоих определениях фиксируется только фактическая сторона коррупционного поведения и полностью игнорируются причины, его побудившие. В самом общем виде можно согласиться с определением коррупции как злоупотреблением властью должностным лицом для получения выгоды в личных целях.

Разрастание масштабов коррупции представляет серьезную угрозу безопасности страны. Проникая во все сферы жизни общества и государства, коррупция постепенно разрушает систему сложившихся взаимоотношений, определяющих нормальное их функционирование, затрудняет развитие страны, обостряет социальные проблемы. Коррупция не является исключительно российским явлением, она есть и в развивающихся, и в экономически развитых странах, однако согласно мировому рейтингу уровня коррупции, ежегодно составляемому

международной неправительственной организацией Transparency International, из крупнейших экономик мира российская является одной из наиболее коррумпированных. В 2011 году по показателям «коррупционной чистоты» Российская Федерация с индексом 2,4 занимала 143-е место среди 183 стран.

Несмотря на некоторое улучшение своего положения в сравнении с 2010 годом (поднялась на 11 позиций), Россия по-прежнему находится на уровне «проблемных» государств. Соседями Российской Федерации по коррупционному рейтингу являются такие страны как Азербайджан, Коморские острова, Мавритания, Нигерия, Восточный Тимор, Того и Уганда. Индия занимает в этом списке 95-ю строчку (3,1), Китай – 75-ю (3,6). Наименее коррумпированной страной мира составители рейтинга сочли Новую Зеландию (9,5), следом идут Финляндия (9,4) и Дания (9,4). Последние строчки в рейтинге заняли Афганистан (1,5), Мьянма (1,5), Северная Корея (1,5) и Сомали (1).

Современные исследователи этого феномена считают, что полностью коррупцию преодолеть невозможно – это непереносимый атрибут любого общества, поэтому она относится к категории неискоренимых явлений. Но это не значит, что борьба с коррупцией – «сизифов» труд; для устойчивого развития общества необходимо снижать количество коррупционных преступлений всеми возможными средствами. В «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» коррупция позиционируется как одна из основных угроз национальной безопасности России. С 2008 года федеральная власть предпринимает активные меры по борьбе с коррупцией, основу которых составляют такие нормативно-правовые документы как Федеральный закон «О противодействии коррупции», Указ Президента РФ «О мерах по противодействию коррупции», Национальный план противодействия коррупции.

Коррупция – сложное социальное явление, обладающее сильным «иммунитетом» к традиционным методам борьбы с ней. По-видимому, это более широкое понятие, чем коррупционная преступность, составляющая ядро коррупции и позволяющая отслеживать основные тенденции ее количественных и качественных изменений. Поэтому сферу коррупционных проявлений можно разделить на коррупционную преступность и иные деяния, имеющие коррупционный характер.

По итогам 2010 года правоохранительным органам удалось пресечь более 31 тысячи коррупционных преступлений, из них около 10 тысяч – факты взяточничества. В 2013 году получателей взяток, чья деятельность представляет наибольшую опасность, выявлено уже почти в два раза больше, чем взяткодателей – 6,3 тысячи против 3,3 тысяч. Данные опроса населения трудоспособного возраста, проведенные агентством Profi Online Research, свидетельствуют, что 60% граждан когда-либо давали взятку. 70% не доверяют данным, которые чиновники обнародовали в декларациях о доходах и имуществе. Наиболее коррумпированными сферами деятельности являются государственная служба (65%

опрошенных) и юриспруденция (47%). Высок уровень коррумпированности работников науки и образования (41%), медицины (39%), а также СМИ (32 %). Согласно официальным данным органов внутренних дел ущерб от коррупции в России в 2011 году составил 4,7 млрд. руб. Но в этой статистике учтены только выявленные нарушения, фактический же ущерб, по мнению экспертов, значительно выше: официальная статистика и раскрываемость преступлений такого рода не отражает и $\frac{1}{20}$ реального объема взяточничества и лихоимства. По мнению одного профессора Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации ущерб от коррупции оценивается триллионами рублей в год, а объективному анализу коррупционных явлений и оценке масштабов коррупции препятствуют сложности, возникающие при выявлении подобных преступлений. Поэтому характеристика российской коррупционной преступности должна опираться не столько на зарегистрированные преступные деяния, сколько на анализ их латентности: хорошо известно, что чем выше уровень должностных лиц, участвующих в совершении коррупционных преступлений, тем ниже их выявляемость. Социологические исследования феномена латентности коррупционной преступности показывают, что основной массив выявляемых коррупционных деяний относится к низовому уровню – 7% от фактически совершенных; о коррупционных преступлениях среднего уровня становится известно лишь в 3% случаев. Максимально латентными остаются коррупционные преступления высшего уровня – их выявляемость не более 0,3%.

Заметной тенденцией развития коррупции является увеличение доли коррупционных преступлений, совершенных в составе организованных групп; отмечается активное формирование коррупционных сетей, в рамках которых чаще всего совершаются коррупционные преступления высшего уровня. Следует отметить низкую эффективность деятельности оперативных служб по выявлению коррупционных преступлений, в первую очередь совершенных организованными группами. Из почти 50 тысяч предварительно расследованных за 9 месяцев 2011 года преступлений коррупционной направленности такая квалификация дана только 1% преступных посягательств. К подкупу должностных лиц, вовлечению их в свою преступную деятельность стремится большинство лидеров организованных преступных сообществ, которых только на официальном учете состоит более 1000. Неудовлетворительным является и качество оперативных материалов: нарушения закона выявлены в каждом третьем из проверенных прокуратурой в этом году дел оперативного учета, а эти нарушения во многих случаях как раз и не позволяют в дальнейшем привлекать коррупционеров к ответственности из-за нелегитимности доказательств. Не в пользу следствия свидетельствует и статистика отмены надзорным ведомством незаконных постановлений о прекращении уголовных дел, возбужденных в отношении коррупционеров и по фактам

совершения коррупционных деяний. Так, по делам о коррупции признано противоправными $\frac{2}{3}$ всех решений, принятых следователями. По сравнению с прошлым годом число установленных прокурорами фактов незаконного прекращения преследования коррупционеров увеличилось на 70%. В то же время, по данным, представленным первым заместителем Генпрокурора Александром Буксманом, российские суды в 2011 году реже, чем в 2010, приговаривали коррупционеров к реальным срокам заключения. По его словам, большинство расследованных дел касались коррупционных преступлений средней тяжести и были возбуждены в отношении должностных лиц невысокого ранга. В 2013 году только 14,7% обвиняемых приговорены к реальным срокам заключения. Для сравнения, в 2012 году их было на 2% больше.

Ведущие российские юристы считают, что предпринятые правительством меры по противодействию коррупции являются только первым шагом, и пока сложно говорить о серьезных результатах такой работы. В дальнейшем данные мероприятия необходимо ввести в правоохранительную систему, обеспечив активное содействие других органов власти (законодательных, исполнительных, судебных), общественных организаций и бизнес-сообщества. Только общие усилия позволят снизить уровень коррупции, ликвидировать ее системные проявления и, соответственно, размеры ущерба, наносимые социально-экономическому развитию страны.

Такая концепция борьбы с коррупцией и коррупционной преступностью в принципе утопична, поскольку максимальные возможности для ее процветания сосредоточены именно в государственных и политических структурах, СМИ и бизнесе, то есть именно в тех организациях, которые призваны с ней бороться. Вот поэтому юридические, экономические и социальные мероприятия, направленные на борьбу с этим, безусловно, позорным явлением носят исключительно формальный бюрократический характер. А если исходить из определения коррупции, ее субъектами являются лица, наделенные властными полномочиями. Отсюда совсем нетрудно предсказать возможные результаты этой борьбы.

Эффективный подход к снижению и последующему искоренению коррупции в системе государственного и общественного управления состоит в социально-психологическом анализе этого феномена, создании объективных количественных методов экспериментально-психологической диагностики склонности к коррупции и разработке на основе результатов такой диагностики системы антикоррупционной психопрофилактики и психокоррекции содержания ценностно-потребностной сферы коррумпируемой личности. Кроме того, формирование антикоррупционного мировоззрения в России станет возможным только после того, как будут выявлены истинные причины и психологические механизмы коррупционного поведения.

Актуальность проблемы заключается также в том, что с психологической точки зрения феномен коррупции и коррупционной преступности в российском истеблишменте, СМИ и бизнесе еще не исследовался, а предлагаемые правительством мероприятия по борьбе с ней носят исключительно карательный характер, что само по себе никогда не давало и не даст позитивного результата. Любые антикоррупционные меры, в том числе наказательные, должны быть научно обоснованы – только тогда они будут адекватно восприняты и дадут положительный результат. Именно поэтому настоящая статья посвящена обсуждению важнейших в рамках данной темы вопросов о возможной психологической диагностике и превентивной профилактике коррупционного поведения.

Очевидно, что коррупция подрывает саму идею справедливого государственного управления, нагнетает социальную напряженность и, в конечном счете, приводит к разрушению государства, поэтому правительственные меры по ее ограничению необходимы. Но, с другой стороны, даже официальная статистика свидетельствует, что коррупция «хорошо чувствует себя» там, где господствует власть и деньги. А поскольку субъектом коррупционного поведения является конкретный человек, ее причины скрыты не в законе, не в экономике и даже не в обществе, а в каждой отдельной личности, наделенной властными полномочиями. Закон, экономика и общество – всего лишь факторы, которые могут или способствовать, или препятствовать проявлениям «личностного коррупционного диатеза». Отсюда, главным рычагом противодействия коррупции и борьбы с коррупционной преступностью должна стать «психология» человека. Ключ к решению этой проблемы, основанный на строгом научном подходе к анализу глубинных причин феномена коррупции, лежит не в сфере экономических отношений, а в самом человеке. «Человеческий фактор» – вот главная причина коррупции.

У каждого человека обычно есть два мотива – настоящий и рационализированный – который «красиво звучит». Первый – неосознанный, второй – осознаваемый. Побуждение первого рода – истинная причина поведения, мотив второго рода – попытка оправдания человеком своего поступка с позиции разделяемых им этических норм. В реальном поведении они почти никогда не совпадают. Публичные высказывания всегда детерминированы мотивами второго рода, а своих истинных побуждений большинство индивидов не осознает, и может только предполагать их. В социальной психологии эти предположения определяются как самоатрибуции.

Такая двойственность человеческой мотивации обусловлена наличием у всех представителей биологического вида *Homo Sapiens* второй сигнальной системы. Но речь – не довесок к животным рефлексам, а принципиально новая система регуляции поведения, появляющаяся только у человека. Б.Ф. Поршнев [36] рассматривает функции речи как противоположные первосигнальным, а не как продолжение и развитие возможностей рефлекторного поведения. Действительно, зачем второй

сигнальной системе способствовать и помогать тому, что и без нее обязательно случится. Человеческая речь появилась как способ отмены, запрета функционирования первой сигнальной системы, и в этом состоит главный определяющий признак отличия человека от животного.

У животных есть системы коммуникации и довольно развитые, но нет речи, поскольку в речи человека для всякого обозначаемого явления – денотата – есть «не менее двух нетождественных, но свободно заменяемых, то есть эквивалентных, знаков или сколь угодно больших систем знаков того или иного рода; их инвариант называется значением, их взаимная замена – объяснением, интерпретацией» [36, с. 57]. Эта синонимичность и делает их собственно знаками. Обратная сторона этого феномена – наличие в человеческой речи для любого знака несовместимого с ним – эта контрастность называется антонимией. Без синонимии и антонимии нет ни объяснения, ни понимания.

Таким образом, вторая сигнальная система представляет собой инструмент, позволяющий ограничивать, запрещать функционирование первой. Речь – не дополнение к последней, а принципиально новый способ регуляции поведения, появляющийся только у человека.

Отсюда и двойственность человеческих побуждений. У животных все побуждения имеют первосигнальную природу; у человека имеется механизм, способный запрещать естественные побуждения и замещать их второсигнальными. Однако это создает дополнительные сложности при анализе человеческой мотивации.

Но и естественная первосигнальная мотивация у человеческих индивидов неодинакова. Человечество, с точки зрения палеопсихологии, «представляет собой парадоксальное общежитие существ, несовместимо разных, от рождения наделенных диаметрально противоположными психогенетическими мотивационными комплексами: стадным (подавляющее большинство) и хищным» [6]. В своем становлении оно прошло страшную стадию адельфофагии, то есть человеческая история началась с людоедства, с хищности, направленной на представителей своего же вида. И создал человека с его второй сигнальной системой «вовсе не труд и не естественный отбор, а смертельный страх перед своим ближним» [6, с. 3].

В процессе антропогенеза сформировалось два хищных вида: суперанималы (сверхживотные, обладающие второй сигнальной системой) – потомки первоубийц-адельфофагов и суггесторы – агрессивные приспособленцы, подражатели и приспешники суперанималов, обладающие высокой способностью к внушению и манипулированию другими. Хищные виды пошли по пути наименьшего сопротивления, очень хорошо «обкатанному» природой.

Для двух нехищных человеческих видов характерно врожденное неприятие насилия: диффузный вид – люди, легко поддающиеся внушению и неоантропы, обладающие обостренной нравственностью. Последние представляют новый человеческий вид, который появился

сравнительно недавно, в «осевое время» (К. Ясперс), то есть в период 800 – 200 лет до н.э.

А. Шопенгауэр тоже отмечал существование различных врожденных пружин человеческой мотивации: «злобность», «эгоизм» и «сострадание», что четко соответствует жизненным ориентациям суперанималов, суггесторов и нехищных индивидов.

Внешне представители этих четырех человеческих видов очень похожи – популяционная генетика определяет это явление как виды-двойники. Главное же различие между ними – мотивационное, различие в истинных побуждениях к определенному поведению. Хищная мотивация есть причина безудержного стремления к власти, к подавлению и доминированию, получению личной выгоды, к совершению преступлений. Суперанималы – потомки адельфофагов-каннибалов – и суггесторы различаются лишь способами реализации своих хищных побуждений: для первых характерны насилие и агрессия, для вторых – эгоизм и циничность, склонность к ненасильственным преступлениям, в частности к коррупции.

Вторая сигнальная система позволяет хищным человеческим видам скрывать свои истинные побуждения, и, тем не менее, соответственно именно этим особенностям мотивации выстраивается система доминирования и иерархии во всех человеческих сообществах. В настоящее время предельно жестокие, основанные на физическом насилии властные режимы суперанималов – деспотии, тирании – уже почти полностью ушли в прошлое и остались лишь в «неофициальном» криминальном подполье. Властные структуры сейчас стали вотчиной суггесторов и это – настоящая причина коррупции. Поэтому бесполезно бороться с коррупцией как общественным феноменом, в этой борьбе необходимо сосредоточиться на индивидах, склонных к ней. В первую очередь нужно научиться четко определять тех, у кого такие формы поведения являются врожденными, то есть представителей хищного вида суггесторов. Конечно, никакая психопрофилактика в этих случаях не поможет, однако коррупционное поведение может быть также результатом социального научения нехищных диффузных людей в силу их очень высокой внушаемости. В такой ситуации эффективными будут специально разработанные психотерапевтические и психопрофилактические технологии.

Определить настоящие причины поведения человека поможет система экспериментально-психологических методов, базирующихся на принципе тахистоскопического предъявления «коррупционно значимых» («коррупционно опасных» и «коррупционно безопасных») ценностей, составляющих содержание ценностно-потребностной сферы личности. Такая диагностика даст возможность количественной оценки прогноза, будет ли, например, кандидат в депутаты злоупотреблять своим статусом или претендент на чиновничью должность брать взятки, когда им станет, а будущий полицейский защищать права граждан или, наоборот, унижать и обирать их; станет ли журналист давать искаженную оценку

общественным событиям в угоду личным или корпоративным интересам, а бизнесмен – удовлетворять свои хищные потребности в обогащении за счет жестокой эксплуатации или разграбления общенародных природных богатств. Решение этих вопросов, безусловно, снизит социальную напряженность в стране. Это направление исследований можно обозначить как «коррупционная психодиагностика».

Естественным продолжением «коррупционной психодиагностики» становится осуществление на основе данных, полученных с помощью экспериментально-психологических методов исследования ценностно-потребностной сферы личности, «антикоррупционной психопрофилактики», цель которой – не допустить в коррупционно опасные сферы деятельности склонный к коррупции контингент, а также удалить из этих сфер должностных лиц, страдающих такой склонностью. В последние годы в России значительно усилились общественные движения различной направленности. Их лидеры через СМИ декларируют благородные цели достижения социальной справедливости, но на самом деле ими движут порой весьма земные и достаточно хищные побуждения. Экспериментально-психологическое обследование этих лиц с использованием системы «коррупционной психодиагностики» позволит довольно точно определить истинную направленность их деятельности и отделить действительно общественно полезные инициативы от деструктивных. Поэтому система «антикоррупционной психопрофилактики» должна быть направлена на решение еще одной важнейшей задачи – обеспечение оптимальной расстановки кадров в системе государственной службы, общественно-политических организаций и бизнеса на основе данных экспериментально-психологического исследования ценностно-потребностной сферы личности.

Решение этой проблемы также будет способствовать снижению социальной напряженности в обществе.

Таким образом, главная задача «антикоррупционной психопрофилактики» – на основе данных, полученных с помощью системы экспериментально-психологических методов «коррупционной психодиагностики», не допустить в коррупционно опасные сферы деятельности склонный к коррупции контингент, а также удалить из этих сфер должностных лиц, врожденно страдающих этой социальной болезнью, то есть осуществить оптимальную расстановку кадров в системе государственной службы, общественно-политических организаций и бизнеса.

Поскольку выявление лиц, претендующих на занятие государственных и общественно значимых должностей, подразумевающих властные полномочия, а также в СМИ и бизнесе, склонных к коррупции, является важнейшей государственной задачей, на первом этапе проекта должны быть разработаны принципы и экспериментальные методы объективной количественной психодиагностики истинных человеческих

побуждений и проведены специальные исследования с целью их апробации.

В основе этого проекта лежат базовые положения когнитивной и коммуникативной методологии психологической науки [8-9, 11-13], а также идеи культурного фрейминга [7, 10]. Теоретико-методологический подход к «коррупционной психодиагностике» и «антикоррупционной психопрофилактике» и его методическое обеспечение разрабатывается проф. В.Г. Морогиным [17, 19, 22-25, 27]. На основе концепции ценностно-потребностной сферы личности, рассматривающей в качестве истинных побуждений поведения человека индивидуальные бессознательные интенции, созданы оригинальные методические средства для ее изучения, проведен цикл эмпирических исследований ценностно-потребностной сферы личности на различных экспериментальных выборках [2-5, 29].

Диагностика настоящих причин коррупционного поведения возможна только в случае отключения сознательного второсигнального контроля, что достигается путем использования техник тахистоскопического предъявления личностно значимых «коррупционно опасных» и «коррупционно безопасных» ценностей, составляющих содержание ценностно-потребностной сферы личности. В противном случае определение «мотивов коррупционного поведения» будет сведено к речевому оправданию (самоатрибуции) человеком своих поступков. Поэтому конечным результатом проекта предполагается разработка и апробация системы экспериментально-психологических методов «коррупционной психодиагностики», предназначенных для количественной оценки истинных побуждений в различных сферах человеческой деятельности государственного значения и основанных на этих методах практических приемов «антикоррупционной психопрофилактики» с целью их возможной психокоррекции.

Научная новизна поставленной задачи заключается в том, что предлагается принципиально новый психологический подход к противодействию коррупции и борьбе с коррупционной преступностью в системе государственного, общественного и политического управления, основанный на возможности выявления истинных неосознаваемых причин социального поведения человека. Система мер «коррупционной психодиагностики» и «антикоррупционной психопрофилактики» позволит в течение ближайших лет искоренить это позорное для России явление.

Ценностно-потребностная сфера личности и этноса

В психологии предпринимались попытки исследовать самый загадочный пласт человеческой жизни – бессознательное. Безусловный приоритет в этой области принадлежит психоаналитическому направлению в психологии и психиатрии, но все представители психоанализа ограничивались в своих изысканиях исследованием преимущественно биографической динамики личности. О. Ранк и К. Юнг попытались расширить сферу поиска бессознательных источников человеческого поведения за счет родовой памяти индивида и

коллективного бессознательного. В конце 80-х годов XX столетия стало известно об уникальных экспериментах, проведенных чешским, а с 1967 года – американским, психологом С. Грофом. Главная идея сформулированного им психоделического подхода состоит в том, что под действием некоторых психоактивных веществ (С. Гроф использовал диэтиламид лизергиновой кислоты) происходит расширение сферы сознания, в результате чего определенная часть бессознательной психики начинает осознаваться. С. Гроф попытается объяснить эти процессы функционированием перинатальных и трансперсональных матриц, способных вызывать у человека переживания, связанные с рождением, а также образы мистического содержания. Исследованием феноменов трансцендентного сознания занимается современная трансперсональная психология, и многие ее достижения уже используются в различных интенсивных трансовых психотехнологиях. Однако научное обоснование этих методов пока отсутствует.

Проблема бессознательной мотивации поведения человека становится центральной и в теории ценностно-потребностной сферы личности, которая рассматривает как истинные побуждения бессознательные мотивационные интенции.

Ценностно-потребностная сфера личности (ЦПСЛ) – это одна из подсистем; кроме нее в систему личности входят аффективная, когнитивная и формально-динамическая сферы. Содержанием ЦПСЛ являются побудительные силы, обеспечивающие любые формы поведения. Ценности в теории ЦПСЛ рассматриваются как формы, лишенные содержания, которые каждый индивид наполняет своими потребностями, поэтому названия ценностей одни и те же, а их содержание у каждого человека разное. Поэтому структура ценностно-потребностной сферы личности у всех людей одна и та же, но наполнена она индивидуальными потребностями, набор которых уникален у каждого отдельного индивида.

Ценностно-потребностная сфера личности представлена двумя подструктурами – общественной и родовой. Общественная подструктура ЦПСЛ – набор универсальных форм, которые наполняются потребностным содержанием аттитюдов, формирующихся в процессе социализации под влиянием различных общественных институтов: образовательные и воспитательные учреждения, СМИ, реклама, Интернет и т.п. Родовая подструктура ЦПСЛ – ценностные формы, содержанием которых являются родовые потребности. Таким образом, человек – не только уникальная индивидуальность, но и носитель потребностей, доставшихся ему от его предков, которые также наполняют собой универсальные ценностные формы. И эти потребности не индивидуальны, а этноспецифичны.

Поэтому для того, чтобы иметь полное представление о ценностно-потребностной сфере личности, необходимо исследовать не только индивидуальное содержание ее ценностных зон, но и учитывать этноспецифические особенности ценностно-потребностного профиля. У

каждого этноса свой профиль, и именно он определяет этническую идентификацию и этническую идентичность человека [15, 18, 20-21, 26].

Этнос – естественная общественная структура, которая формируется из индивидов, занимающихся сходной деятельностью и проживающих на ограниченной территории в течение длительного времени в условиях внутриплеменных браков при отсутствии какой-либо миграции извне. Он определяется двумя группами характеристик – антропотипом и психотипом.

Антропотип – совокупность сформировавшихся в процессе становления и закрепившихся на генетическом уровне внешних физических и физиологических признаков, по которым можно безошибочно определить представителя этноса.

Психотип – комплекс архетипов родового бессознательного этноса, передаваемый от предков к потомкам.

Общественный ценностно-потребностный профиль этноса – этноспецифическая конфигурация общественной подструктуры ЦПСЛ, наполненная содержанием этнических аттитюдов.

Родовой ценностно-потребностный профиль этноса – этноспецифическая конфигурация родовой подструктуры ЦПСЛ, наполненная содержанием этнических архетипов.

Общественно-родовой конфликт – степень рассогласования содержания общественной и родовой подструктур ценностно-потребностной сферы этноса.

Этническая идентификация – сознательное или неосознаваемое признание личностью своей принадлежности к определенной этнической группе; она целиком обусловлена факторами социального влияния. Этническая идентификация определяется общественным ценностно-потребностным профилем этноса и представляет собой систему социально обусловленных аттитюдов, содержанием которых становятся потребности, транслируемые через общественные и властные институты социального влияния. У отдельного представителя этноса этническая идентификация может быть оценена с помощью общественного ценностно-потребностного профиля этнической идентификации.

Этническая идентичность (этничность) – наследственно заданный архетипический комплекс, включающий в себя всю родовую историю индивида. Этническая идентичность определяется родовым ценностно-потребностным профилем этноса, это – система архетипов коллективного бессознательного, наполненных родовыми потребностями этноса, передаваемыми от предков к потомкам. Этническая идентичность конкретного представителя этноса определяется путем диагностики родового ценностно-потребностного профиля этнической идентичности [16].

«Компьютерная программа психологической диагностики этнической идентификации и этнической идентичности» [37] – это комплекс экспериментально-психологических методов исследования

этнопсихологических особенностей общественной и родовой подструктур ценностно-потребностной сферы личности. В ней использован принцип тахистоскопической экспозиции личностно значимых этнических ценностей.

ЦПСЛ представлена 8 ценностными зонами:

1. Гедонизма-аскетизма, ее содержание составляют потребности, реализующие принцип удовольствия.

2. Безопасности, представлена потребностями, отражающими субъективную необходимость защиты от различных неблагоприятных воздействий.

3. Эго, наполнена потребностями, определяющими индивидуальные стремления и амбиции, доминирование эгоистических интересов.

4. Общественно-политическая, включает в себя потребности, детерминирующие отношение индивида к государственным и общественно-политическим институтам.

5. Аффилиативная, аккумулирует потребности в межличностных взаимодействиях, обусловленных стремлением быть среди других.

6. Интеллектуальная, наполнена познавательными потребностями, отражающими стремление к активной умственной деятельности.

7. Подчинения-автономности, в этой зоне сосредоточены ритуальные потребности, регламентирующие конформное поведение человека.

8. Духовная, содержанием этой зоны являются потребности личностного роста, ориентирующие на творческое и духовное самосовершенствование.

Эти 8 зон определены в результате специального исследования: из Толкового словаря С.И. Ожегова [35] были отобраны все слова-существительные, обозначающие человеческие потребности и разделены на группы согласно их длине (3-х, 4-х, 5-и, 6-буквенные и т.д. до слов, состоящих из 14 букв). Затем с этими списками работали эксперты, которые должны были сгруппировать слова в классы, исходя из своих субъективных представлений об их количестве и содержании.

Оказалось, что существительные из этих списков «укладываются» в одинаковое число одинаковых по содержанию классов, которые и были

обозначены как зоны ценностно-потребностной сферы. По-видимому, эти зоны представляют собой так называемые «общечеловеческие ценности», исследованиями которых занимались Шварц, Билски, Клакхон. Эти исследователи утверждают, что таких ценностей немного, и даже называют приблизительное их число – 7-12. В христианстве их, как известно, 10; в данном исследовании эмпирически определилось 8 ценностных зон [33, 40-41].

Одновременно с этой процедурой была проделана аналогичная работа со словарями хакасского языка. Методологической базой этого исследования выступили гипотеза лингвистической (со)относительности языковых структур Сепира-Уорфа, теория порождающих (универсальных) грамматик Н. Хомского и теория ценностно-потребностной сферы личности В.Г. Морогина.

Б. Уорф, Э. Сепир и Л. Леви-Брюль представляют одно из самых интересных теоретических направлений, ориентированных на этнопсихологические исследования – культурный релятивизм. Основная идея этой методологии в том, что понимание сходств и различий между этническими культурами возможно через изучение и сравнительный анализ их языков. Гипотеза, выдвинутая Э. Сепиром и Б. Уорфом [1, 38], предполагает, что язык как бы навязывает человеку нормы познания, мышления и социального поведения – индивид может познать, понять и совершить только то, что заложено в языке. Поэтому, несмотря на различия в содержании языков, имеет место сходство их структур, поскольку способы познания, мышления и поведения сходны у различных этносов.

Это сходство языковых структур отмечает и американский психолингвист Ноам Хомский, автор теории порождающей (генеративной) грамматики. Основная мысль этой концепции – врожденность человеческой способности к усвоению языка. Н. Хомский считает, что языковая грамматика универсальна и дана человеку, как и законы природы, в готовом виде [39].

Теория порождающих (универсальных) грамматик Н. Хомского и гипотеза лингвистической (со)относительности Сепира-Уорфа не противоречат, а наоборот очень хорошо дополняют друг друга, потому что из синтеза этих идей выстраивается весьма логичная концепция. Структура языка едина для всех этносов, поскольку их родовая архетипическая подструктура формируется до появления речи и передает ей свои структурные особенности. Общественная подструктура ЦПСЛ, в свою очередь, формируется с помощью второй сигнальной системы и фактически повторяет родовую. Содержательная же составляющая языковых систем зависит от конкретных культурных особенностей этноса, проявляющихся в разнообразии языковой картины мира.

На основе теоретического анализа концепции порождающих (универсальных) грамматик Н. Хомского и гипотезы лингвистической (со)относительности языковых структур Сепира-Уорфа, а также

результатов проведенных исследований ценностно-потребностной сферы личности [14, 32, 34] сформулирована теоретическая концепция этнической идентификации и этнической идентичности, согласно которой:

- ценностно-потребностная сфера различных этносов опирается на общую систему архетипов, поэтому их родовая подструктура имеет одинаковое строение;

- отражением родовой подструктуры ценностно-потребностной сферы этноса является структура языка, сходная у различных этнических групп;

- поскольку потребности, наполняющие родовую ценностную подструктуру, формируются в процессе исторического становления этноса, содержание любого языка имеет свои особенности.

Таким образом, этнические ценности можно исследовать исходя из предположения о том, что ценностно-потребностная сфера разных этносов опирается на общую систему архетипов, следовательно, их родовая подструктура имеет одинаковое строение. Структура языка является отражением родовой подструктуры ценностно-потребностной сферы этноса, поэтому она сходна у различных этнических групп. Способность к усвоению языка дана человеку с рождения, поскольку опирается на врожденную универсальную языковую структуру – «порождающую грамматику». Но потребности, наполняющие родовую ценностную подструктуру этноса, этноспецифичны, поэтому содержание языка у каждой этнической группы различно.

Структура ценностей, нашедшая отражение в русском и хакасском языках, идентична, она отражает логику развития всей человеческой цивилизации и является врожденной. Есть ограниченное число родовых архетипических форм, которые хранятся в коллективном бессознательном любого человека, но наполняются уникальным потребностным содержанием каждого индивида. Эти глобальные ценностные матрицы в неизменном виде передаются от родителей детям и представляют собой бессознательные архетипы, которые придают универсальную форму индивидуальным потребностям человека.

Этническая часть содержания ценностных форм, зафиксированных в русском и хакасском языках, различна, поскольку обусловлена специфическими условиями формирования этносов. Это содержание представляет собой систему исторически сложившихся этноспецифических потребностей, носителем которых является каждый представитель этноса.

Влияние социальных институтов и СМИ в современном обществе в одинаковой степени распространяется на все этнические формирования, входящие в состав нации, поэтому различия в содержании ценностно-потребностной сферы русского и хакасского этносов в большей степени касаются ее родовой подструктуры и в меньшей – общественной.

Эмпирически определенные 8 ценностных зон – лишь формы, в которые каждый человек привносит свое содержание. Поэтому на предварительном этапе исследования ценностно-потребностной сферы личности необходимо «конкретизировать», как обследуемый бессознательно «принимает» ту или иную «общечеловеческую ценность». Для этого в «Компьютерной программе психологической диагностики этнической идентификации и этнической идентичности» предусмотрена процедура предварительного бессознательного определения личностно значимых ценностей для каждой из 8 зон ценностно-потребностной сферы путем тахистоскопического предъявления заранее подготовленных списков этнически значимых ценностей, выделенных на основе сравнительного эквивалентного анализа словарей русского и хакасского языков. В таблице 1 представлены результаты этого анализа: для каждой из 8 ценностно-потребностных зон выделено 8 эквивалентных для русского и хакасского языков ценностей, 4 из которых протогонистичны социальным влияниям, а 4 – антагонистичны, содержание первых 4-х транслируется через институты социализации, содержание вторых 4-х познается в ходе индивидуации и социализации.

Эти списки использованы для определения личностно значимых этнических ценностей в процессе экспериментально-психологической диагностики общественного и родового ценностно-потребностных профилей этнической идентификации и этнической идентичности.

Таблица 1. Списки эквивалентных этнически значимых ценностей русского и хакасского языков

Гед-Аск	Без	Эго	Общ-Пол	Афи	Инт	Под-Авт	Дух
Секс	Страх	Карьера	Власть	Ненависть	Невежество	Традиция	Мода
Комфорт	Болезнь	Зависть	Вождь	Презрение	Сарказм	Терпение	Религия
Отдых	Война	Мечь	Идеология	Разлука	Ирония	Субординация	Мораль
Еда	Враг	Престиж	Политика	Недоверие	Догматизм	Этикет	Вера
Боль	Здоровье	Честь	Борьба	Уважение	Знание	Независимость	Творчество
Горе	Азарт	Репутация	Свобода	Любовь	Интуиция	Уверенность	Истина
Беда	Отвага	Достоинство	Справедливость	Верность	Сомнение	Критичность	Красота
Страдание	Мужество	Благородство	Правосудие	Семья	Остроумие	Смелость	Мудрость

Литература

1. Бурас М., Кронгауз М. Жизнь и судьба гипотезы лингвистической относительности // Наука и жизнь. № 8. 2011. <http://elementy.ru/lib/431410>.
2. Василец Н.В., Морогин В.Г. Этничность ценностно-потребностной сферы личности // *Этнопсихологические исследования в медицине, социологии и сфере образования*. Материалы Международной

научно-практической конференции. Абакан, 14 ноября 2013 года. Абакан: ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2013. С. 8-11.

3. Гусева Т.Б., Морогин В.Г. Структура ценностно-потребностной сферы личности молодежи: этнические ценности русских и хакасов. Абакан: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. 158 с.

4. Давыдов А.С., Морогин В.Г. Состояния тревоги и их ценностно-потребностные индикаторы у представителей этнически однородной и смешанной популяций юношеского, зрелого и пожилого возраста // Этнопсихологические исследования в медицине, социологии и сфере образования. Материалы Международной научно-практической конференции. Абакан, 14 ноября 2013 года. Абакан: ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2013. С. 56-66.

5. Давыдов А.С., Морогин В.Г. Этническая идентификация и этническая идентичность в молодом, зрелом и пожилом возрасте // Этноссы развивающейся России: проблемы и перспективы. Материалы 5-й Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / Под общ. ред. В.Г. Морогина, Абакан: Издательство ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова», 2012, С. 34-36.

6. Диденко Б. Хищная власть. Зоопсихология сильных мира сего. М., 1997.

7. Мазилев В.А. Исследование культурного фрейминга как перспективный подход в социальной психологии // Организаторские способности в системе психологического менеджмента и ментального управления потенциалами социальных групп и организаций. Москва, Кострома: Издательство КГУ им. Н.А. Некрасова, 2011. С. 274-282.

8. Мазилев В.А. Методологические проблемы исследования индивидуальности в психологии // Ярославский педагогический вестник. Ярославль, 2012. Т. 1. № 2. С. 208-218.

9. Мазилев В.А. Методологические проблемы психологии в начале XXI века // Психологический журнал. М.: Наука, 2006. Т. 1. № 27. С. 23-34.

10. Мазилев В.А. Методологическое значение идей Ирвинга Гоффмана для современной психологии и акмеологии // Современные проблемы развития акмеологии. Материалы Международного симпозиума. М., 2010.

11. Мазилев В.А. Методология отечественной психологической науки: Основные направления исследований и разработок // Ярославский педагогический вестник. 2010. Т. 3. № 2. С. 46-62.

12. Мазилев В.А. Методология современной отечественной психологии // Методология и история психологии. 2008. Т. 3. № 3. С. 9-24.

13. Мазилев В.А. Научная психология: проблема объяснения // Методология и история психологии. Т. 3. Вып. 1, 2008. С. 58-73.

14. Мазилев В.А., Морогин В.Г., Морогина К.В. Ценностно-потребностная сфера, язык и идентичность // Социальный психолог. Вып. 2

(26). Ярославль. 2013. С. 131-144.

15. Морогин В.Г. Идентификация и идентичность // Сознание человека: традиционно устойчивые модели жизни этноса и эволюция: материалы международного конгресса по этнической психологии, 3 июля – 7 июля 2012, г. Кызыл / Под редакцией Н.О. Товуу, К.А. Сат. Кызыл, 2013. С. 69-89.

16. Морогин В.Г. К вопросу о базовых категориях этнопсихологии // Этнопсихологические исследования в медицине, социологии и сфере образования. Материалы Международной научно-практической конференции. Абакан, 14 ноября 2013 года. Абакан: ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2013. С. 30-42.

17. Морогин В.Г. Концепция и методология исследования ценностно-потребностной сферы личности // Вестник ТГПУ. Серия: Психология. Томск: ТГПУ, 2007. № 1. С. 27-48.

18. Морогин В.Г. Методологические принципы ценностно-потребностного анализа профессиональной идентичности // Теоретическая и экспериментальная психология. М., 2010. Т. 3. № 4. С. 44-61.

19. Морогин В.Г. Методы психологического исследования структуры и содержания ценностно-потребностной сферы личности // II Сибирский психологический форум «Психологическое исследование: теория, методология, практика». Томск: ТГУ, 2007. Т. 4. № 3. С. 72-82.

20. Морогин В.Г. Общетеоретические и этнопсихологические вопросы теории ценностно-потребностной сферы личности // Социокультурные проблемы современного человека. Материалы IV Международной научно-практической конференции. Новосибирск: НГПУ, 2010 № 1. С. 91-111.

21. Морогин В.Г. Психологическая концепция идентичности // Сибирский педагогический журнал. Новосибирск, 2011. № 11. С. 233-254.

22. Морогин В.Г. Теория и методология экспериментально-психологического исследования ценностно-потребностной сферы личности. Часть I // Социальный психолог. Ярославль, 2007. № 1. С. 27-39.

23. Морогин В.Г. Теория и методология экспериментально-психологического исследования ценностно-потребностной сферы личности. Часть II // Социальный психолог. Ярославль, 2008. № 1. С. 19-30.

24. Морогин В.Г. Теория и методы исследования ценностно-потребностной сферы личности // Гуманитарные науки и образование в Сибири. Новосибирск, 2009. № 3. С. 12-28.

25. Морогин В.Г. Теория и практика ценностно-потребностной диагностики профессиональной мотивации // Социокультурные детерминанты и мотивационные основы развития личности. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 80-летию доктора психологических наук, почетного профессора НГПУ Владимира Григорьевича Леонтьева. Новосибирск, 2010. С. 42-67.

26. Морогин В.Г. Ценностно-потребностная структура идентификации и идентичности // Этноссы развивающейся России:

проблемы и перспективы. Материалы 5-й Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / Под общ. ред. В.Г. Морогина, Абакан: Издательство ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова», 2012, С. 3-10.

27. Морогин В.Г. Ценностно-потребностная сфера личности. Томск: ТГПУ, 2003. 357 с.

28. Морогин В.Г. Ценностно-потребностный анализ идентификации и идентичности // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. Москва, 2013. № 1. С. 14-30.

29. Морогин В.Г., Давыдов А.С. Возрастные особенности ценностно-потребностных индикаторов состояний тревоги // PSYCHOLOGIYA, ILMU JURNAL (10) 2-son 2013-yil. С. 28-42.

30. Морогин В.Г., Мазилев В.А. Коррупция в современной России: от психодиагностики к профилактике // Социальный психолог. Вып. 2 (26). Ярославль. 2013. С. 60-74.

31. Морогин В.Г., Мазилев В.А. Коррупция: психодиагностика и профилактика // Дополнительное профессиональное образование в условиях модернизации: материалы шестой всероссийской интернет-конференции (с международным участием) / под науч. ред. М. В. Новикова. Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2014. С. 109-119.

32. Морогин В.Г., Мазилев В.А., Морогина К.В. Структура языка как отражение ценностно-потребностной идентичности этноса // Этнопсихологические исследования в медицине, социологии и сфере образования. Материалы Международной научно-практической конференции. Абакан, 14 ноября 2013 года. Абакан: ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2013. С. 76-89.

33. Морогин В.Г., Морогина К.В. Язык как отражение родовой подструктуры ценностно-потребностной сферы этноса // Социальный психолог. № 2(24). 2012. С. 79-87.

34. Морогин В.Г., Морогина К.В. Этническая идентичность и структура языка русского и хакасского этносов // Этноссы развивающейся России: проблемы и перспективы. Материалы 5-й Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Абакан, 14-15 декабря 2012 / Под общ. ред. В.Г. Морогина. Абакан: Издательство ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова», 2012. С. 49-51.

35. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1989.

36. Поршнева Б.Ф. О начале человеческой истории. Проблемы палеопсихологии. М.: Мысль, 1974.

37. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2014515606 от 29.05.2014.

38. Уорф Б.Л. Наука и языкознание // Новое в лингвистике. Вып. 1. Метод [глотохронологии](#). [Гипотеза Сепира-Уорфа](#). [Глоссематика](#) / Сост. В.А. Звенигцев. М.: Издательство иностранной литературы, 1960. С. 169-183.

39. Хомский Н. Синтаксические структуры // Новое в лингвистике. Вып. 2. Проблема значения. Дихотомическая [фонология](#). [Трансформационная грамматика](#) / Сост. В.А. Звенигцев. М.: Издательство иностранной литературы, 1962. С. 412-527.

40. Schwartz S.H., Bilsky W. Toward a Universal Psychological Structure of Human Values // Journal of Personality and Social Psychology. 1987. Vol.58. № 5. P. 550-562.

41. Schwarz S.H., Bilsky W. Toward a theory of the universal structure and content of values: Extensions and cross-cultural replications // Journal of Personality and Social Psychology. 1990. Vol.58. P. 878-891.

Сардарова Ж.И. (г. Уральск Казахстан)
**АКМЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ
САМООПРЕДЕЛЕНИИ УЧАЩИХСЯ**

Аннотация: В статье Ж.И. Сардаровой представлен акмеологический подход к проблематике, связанной с профориентацией и профессиональным самоопределением современной молодежи. Отмечается, что главным акмеологическим условием в подготовке учащихся к обучению в вузе является формирование их «акме» в аспекты выбора будущей профессии

Ключевые слова: профориентация, допрофессиональное самоопределение, акмеологические условия выбора будущей профессии.

Abstract: In the article by J. I. Sardarova presents acmeological approach to issues related to career guidance and professional self-determination of today's youth. It is noted that the main acmeological condition in preparing students for study at the University is the formation of their Acme in the aspects of choosing a future profession.

Keywords: career guidance, pre-professional self-determination, acmeological terms of choice of future profession.

Проблемы достижения человеком совершенства во всех сферах жизни, в особенности в профессиональном самоопределении приобрели в настоящее время особую актуальность. Подчеркивается, что правильный выбор профессии и нацеленная на это профориентация важны не только с позиции определения жизненных планов человека, но и с точки зрения развития общества в целом.

Профессиональное самоопределение - это определение учащимся себя относительно выбранных в обществе (и принятых данным обществом), востребованных профессий, где сущностью профессионального самоопределения учащихся является нахождение личностных смыслов и возможность самореализации, самоактуализации в выбираемой профессии [3].

Динамика профессионального самоопределения состоит в изменении отношения к себе и изменении критериев этого отношения. Профессиональное самоопределение возникает как психологическое новообразование в юношеском возрасте. Выбор профессии есть замечательное сочетание трех параметров - «хочу», «могу» и «надо». И когда это происходит, то мы имеем то, что чаще всего называется призванием, созвучным потребностям окружающих, общества, государства. Удачно выбранная профессия повышает самоуважение и позитивное представление выпускника школы о себе.

Проведя обзор литературных источников, анализируя высказывания психологов можно сказать, что проблема профессионального самоопределения личности относится к числу активно разрабатываемых психолого-педагогических задач.

Период юности составляет часть развернутого переходного этапа от подросткового возраста к самостоятельной взрослой жизни. Вместе с тем, это относительно самостоятельный период, имеющий собственную ценность. Его необходимость диктуется усложнением социальной жизни и тех требований, которые современные развитые общества предъявляют к уровню профессионального образования и личностной зрелости взрослых представителей. По мнению Гусевой Т.А юность рассматривается как психологический возраст перехода к самостоятельности, период самоопределения, приобретения психической, идейной и гражданской зрелости, формирования мировоззрения, морального сознания и самосознания. В своих работах Пряжников Н.С. выделяет раннюю юность (от 15 до 17 лет) - это старшие классы средней школы и позднюю юность (от 17 до 21 года) - высшая школа [6].

В работах Бендюкова М.А. ранняя юность отличается неравномерностью развития как на межиндивидуальном (различия между старшеклассниками по физиологическим параметрам), так и на внутрииндивидуальном уровне (несовпадение времени наступления биологической, когнитивной, социальной, эмоциональной зрелости у индивида). Неопределенность положения (в одних отношениях признают взрослым, в других - нет) и предъявляемых требований по-своему преломляется в юношеской психике [4].

В юности, по мнению Пономаренко Л.П., расширяется диапазон социальных ролей и интересов. На этот возраст приходится много критических социальных событий: получение паспорта, наступление уголовной ответственности, возможность реализации активного избирательного права, возможность вступить в брак. Перед каждым встает задача выбора профессии и дальнейшего жизненного пути. Социальная ситуация развития заключается в том, что общество ставит перед юношеством задачу профессионального самоопределения в плане реального выбора. Профессиональное самоопределение становится психологическим центром социальной ситуации развития [3].

Старшеклассник, по мнению Т.Л. Павловой, дважды попадает в ситуацию выбора продолжения образования в одной из его конкретных форм:

- первый раз в 9 классе в связи с выбором формы завершения среднего образования;

- второй раз - в 11 классе средней школы, когда планируются пути получения высшего образования или непосредственного включения в трудовую жизнь [5].

Профессиональное самоопределение как центр социальной ситуации развития формирует своеобразную внутреннюю позицию старшеклассника, пишет в своих трудах Л.И. Божович, которая связана с изменением отношения к будущему. Если подросток, по словам автора, смотрит на будущее с позиции настоящего, то юноша смотрит на настоящее с позиции будущего. Обращенность в будущее, построение жизненных планов и перспектив - аффективный центр жизни юношества.

С.Н.Чистякова в своих работах отмечает, что поздняя юность характеризуется как период завершения предварительного самоопределения и переход к самореализации. Профессиональное самоопределение - это многомерный и многоступенчатый процесс, в котором происходит выделение задач общества и формирование индивидуального стиля жизни, частью которой является профессиональная деятельность [7].

Профессиональное самоопределение можно рассматривать как серию задач, отмечает Г.В. Резапкина, которые общество ставит перед формирующейся личностью и которые эта личность должна последовательно разрешить в течение определенного периода времени. Как процесс поэтапного принятия решений, посредством которых индивид формирует баланс между своими предпочтениями и склонностями, с одной стороны, и потребностями существующей системы общественного разделения труда - с другой; как процесс формирования индивидуального стиля жизни, частью которого является профессиональная деятельность.

Профессиональное самоопределение, по мнению А.Г. Грецова, нельзя рассматривать как «стоп-кадр» процесса развития: приобретаемый на избранном пути опыт меняет картину возможностей человека и направление его дальнейшего развития.

Эту точку зрения в своих работах поддерживает В.В. Болучевская, которая считает, что профессиональное самоопределение составляет важный момент личностного самоопределения, рассматривается как непрерывный процесс поиска смысла в выбираемой, осваиваемой и выполняемой профессиональной деятельности. Как процесс чередующихся выборов, каждый из которых - важное жизненное событие, определяющее дальнейшие шаги на пути профессионального развития личности.

В акмеологическом словаре А.А. Деркача профессиональное самоопределение трактуется как процесс принятия личностью решения о

выборе будущей трудовой деятельности - кем стать, к какой социальной группе принадлежать, где и с кем работать. Самоопределение явление двустороннее: с одной стороны, тот, кто выбирает (субъект выбора), с другой - то, что выбирают (профессия как объект выбора). И субъект, и объект обладают большим количеством характеристик, чем объясняется неоднозначность явления выбора профессии [2].

Самоопределение - важное событие на жизненном пути человека. Оно связано не только с прошлым опытом личности, но и простирается далеко в будущее, участвуя в формировании образа «Я», предопределяя многие стороны жизни. Наиболее изученными и признаваемыми факторами самоопределения являются интересы субъекта, способности. Самоопределение отражает определенный уровень личных притязаний, основанный на оценке своих способностей и возможностей.

В исследовании В.П. Ростовского выявлены особенности построения жизненной перспективы в юношеском возрасте. Установлено, что стремление повлиять на будущее, подчинить его себе на юношеском этапе социализации выходит на первый план. По мнению автора, это отражает такую особенность юношеского возраста, как мечтательность, идеалистичность при недостаточной реалистичности и практичности. Из этих исследований следует, что к моменту допрофессионального самоопределения далеко не все выпускники готовы сделать зрелый, полноценный выбор по причине недостаточной сформированности соответствующих психологических функций.

Центром профессионального самоопределения является ценностно-нравственный аспект, развитие самосознания, потребность в профессиональной компетентности. В трудах А.В. Батаршева выделяются психологические факторы, составляющие основу профессионального самоопределения [1]:

- осознание ценности общественно полезного труда;
- общая ориентировка в социально-экономической ситуации в стране;
- сознание необходимости общей и профессиональной подготовки для полноценного самоопределения и самореализации;
- общая ориентировка в мире профессионального труда;
- выделение дальней профессиональной цели (мечты);
- согласование мечты с другими важными жизненными целями (семейными, личными, досуговыми);
- знание о выбираемых целях;
- знание о внутренних препятствиях, осложняющих достижение избранной цели и др.

Учитывая сложную ситуацию на рынке труда, необходимо формировать готовность к профессиональному самоопределению у юношей и девушек уже в процессе школьного обучения. Такая подготовка должна быть ориентирована на углубленное самопонимание, формирование адекватной самооценки, знакомством с рынком труда,

возможностями и условиями построения карьеры, обучению принятия зрелых и ответственных решений и должна учитывать возрастные, половые и индивидуальные особенности субъекта профессионального выбора.

На наш взгляд, главным акмеологическим условием в подготовке учащихся к обучению в вузе является формирование их «акме» в аспекты выбора будущей профессии, что в свою очередь возможно, если психологически обеспечить условия для «зрелого» профессионального выбора учащихся адекватной специальности в вузе, а именно:

- посредством психологической диагностики изучить личностную предрасположенность к конкретному типу профессии у старшеклассников;
- проведением серии профориентационных тренингов по формированию осознанного, зрелого выбора профессии;
- организации индивидуальных профориентационных консультаций с учащимися.

Библиографический список:

1. Батаршев А.В. Базовые психологические свойства и профессиональное самоопределение личности. - М.: Речь, 2005. - 208 с.
2. Деркач А.А. Акмеологический словарь. - М.: Изд-во РАГС, 2004. - 161с.
3. Зеер Э.Ф., Рудей О.А. Психология профессионального самоопределения в ранней юности. - М.: МПСИ, МОДЭК, 2008.- 256 с.
4. Кузьмина Н.В. Акмеологическая теория фундаментального образования. – СПб: Изд-во НУ «Центр стратегических исследований», 2012. – 382 с.
5. Павлова Т.Л. Профориентация старшеклассников (Диагностика и развитие проф. зрелости). - М.: Творческий центр, 2005.- 128с.
6. Пряжников Н.С. Методы активизации личного и профессионального самоопределения. - М.: Московский психолого-социальный институт, 2002.- 400 с.
7. Чистякова С.Н., Лернер П.С., Родичев Н.Ф., Титов Е.В. Педагогическая поддержка профессионального самоопределения старшеклассников. - М., 2004. - 225 с.

Юркова М.Г., Фролова О.П. (Иркутск, Россия)

МЕСТО ИНТЕГРАТИВНЫХ ПСИХОТЕХНИК В СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ РЕАДАПТАЦИИ НАРКОМАНОВ

Аннотация: рассматривается проблема реабилитации зависимых от психоактивных веществ. Психотерапевтическое и развивающее действие измененных состояний сознания на личность расширяется, но и имеет свои ограничительные особенности при использовании их в группах аддиктов,

проходящих курс реабилитации. В данной статье анализируется опыт интенсивных переживаний аддикта и его влияние на способность к саморегуляции.

Ключевые слова: зависимость, реабилитация, саморегуляция, поток, интенсивные переживания, измененные состояния сознания.

Abstract: the problem of addict social-psychological rehabilitation is regarded. Psychotherapeutic and developing action of stream states increases but has some specific peculiarities if they are applied in the addict groups. This article has been analyzed intensive experience of stream states and its influence of addict self-regulation abilities.

Key words: addiction, rehabilitation, self-regulation, stream state, experience, consciousness.

Здоровье человека – один из очевидных показателей, определяющих состояние не только самой личности, но и социума в целом как среды ее развития. Понимание здоровья в общественном сознании значительно расширяется в связи с разрастанием такого социального явления как наркомания, оно не привязывается теперь исключительно к физиологическому или психофизиологическому пространству, говорят о нравственном, духовном здоровье, здоровье нации, подрастающего поколения. Здоровье принимает приоритетное значение и в индивидуальной системе ценностей молодежи.

Многочисленные исследования систем личностных и профессиональных ценностей, проводимые на студенческих группах в течение 2004-2014 гг., показали устойчивую тенденцию отмечать здоровье как ведущую (или одну из ведущих) ценностей. Обсуждение на фокус-группах социально-эффективного поведения для личности также показывает у физически благополучных молодых людей слишком, как нам кажется, трепетное отношение к своему здоровью, причем не здесь и теперь, а в неопределенном будущем, в весьма отдаленном пожилом возрасте. Пока не до конца понятно, с чем это связано, но интересно, что сочетается это отношение к здоровью одновременно с достаточно выраженной потребностью в интенсивных ощущениях и переживаниях.

Эти результаты подтверждают дипломные исследования с социально-психологической проблематикой, проведенные среди школьников 10-11 классов городов Иркутского региона (Иркутска, Братска, Шелехова, Слюдянки, 2010-2013 гг.). Учащиеся устойчиво отдавали здоровью 2-3 места, после получения профессионального образования. При этом четверть опрошенных, включая и студентов, указала на то, что к 15-16 годам получила опыт «изменения реальности», пробуя или эпизодически используя наркотические вещества. Половина остальных предполагает такую возможность для себя. Причины указываются однообразные: снять напряжение, расслабиться, отдохнуть в компании, убежать от неприятностей, конфликтов, и, самое главное, получить необычные ощущения.

Зарубежные, главным образом, психоаналитические исследования, начиная с 60-х гг. прошлого столетия, показали сходство по многим содержательным и формальным признакам между молодежной субкультурой и групповой культурой наркоманов, это – инфантилизм, элитарность, ритуальность и эзотеризм. С другой стороны, для аналитической психологии Юнга и его последователей характерно рассмотрение феномена массовой культуры с позиции невротизма и депрессивности, которые, в свою очередь, являются следствием культурного вытеснения мифологического (эзотерического) знания и ритуальных форм поведения, связанных с обрядом инициации (посвящения) молодого человека во взрослое сообщество. Инициация в досовременных обществах связана с мифом о герое, несет типично героические черты: это испытание мужества одиночеством, тайным знанием и встречей со смертельной опасностью. Состояние прошедшего испытание необъяснимо и непередаваемо рационально, это – трансперсональное переживание, после которого личность приобретала чувство полноценности, признанности и коллективной защищенности. Все это, на первый взгляд, предлагает наркотическая субкультура. Каждый знает, что наркомания представляет собой смертельную опасность – так найден бессознательный заместитель героизма. Таким образом, молодежь, приобщаясь к наркотической культуре, мифологизирует и наркотик, и собственное Я, бессознательно пытается обрести новые жизненные смыслы, удовлетворить свою тягу к необычному, высокому и героическому. Каждый укол – это поступок!

Однако, как отмечает М. Чиксентмихайи [2], психоделические потоковые состояния, в отличие от других, не ведут к усложнению сознания, контролю над ним, и не ведут к развитию личности. Наоборот, получение эмоциональных переживаний и удовольствия без научения самостоятельно справляться с хаосом этих переживаний, все больше и больше втягивает еще незрелую личность в психическую энтропию, депрессию и психологическую зависимость от легких способов избавляться от непомерно нарастающего хаоса в душе и в социальном окружении.

Таким образом, приобщение к наркокультуре можно назвать патологической, нездоровой формой адаптации молодого человека к взрослой жизни, не позволяющей ему решить возрастные задачи и сформироваться в полноценную здоровую психически и социально личность.

Специфика наркотической зависимости такова, что она быстро поражает все центры жизнедеятельности человека и ведет его к неизбежному концу, когда смерть нравственная, социальная и физическая становится страшной реальностью, а не героическим мифом. Медицинское лечение, не сопровождающееся длительной социальной и психологической реабилитацией неэффективно именно потому, что необходимо восстановление адаптивных способностей организма и психики,

формирование зрелой соответствующей возрасту системы адаптации у личности, которая как бы задержалась в своем развитии на предыдущей ступени. Это становится возможным при комплексной системе образовательно-воспитательных мероприятий, которые учитывают весь необычный нерациональный псевдоэзотерический опыт аддикта. Неэффективность реабилитационных систем, не учитывающий весь жизненный опыт наркомана, представлена хотя бы тем фактом, что многие, желающие лечиться и имеющие для этого возможности, прежде всего моральную и материальную поддержку семьи, перемещаются из одной системы реабилитации в другую.

Реабилитационный процесс, по сути, представляет процесс реадаптационный. Так при помощи специальным образом организованной системы психотерапевтических и иных психокоррекционных мероприятий с необходимостью разрушается очень стереотипизированная, ригидная система адаптации зависимой личности к своей болезни, когда личность противостоит всему миру с ощущением определенного «героизма» (особенно в начале развития аддикции с невыраженными последствиями).

Поэтому успешная терапия – это терапия сильно идейно заряженная, с опорой вновь на героический миф, но не в поисках смертельной опасности, а, наоборот, в стремлении избежать её. Эмпирическая терапия предлагает новую систему ритуалов, отмечающих каждый прогресс выздоровления, с сохранением и расширением эзотерических потребностей и наклонностей личности (замена «химизма» на методы трансперсональной психологии), с развитием группового содружества, и через усложнение и расширение сознания с элементами сакральности.

В мировой психотерапевтической практике положительно себя зарекомендовала программа «12 шагов», которая одновременно выполняет терапевтическую и воспитательную функцию развития, с одной стороны, сильного и, с другой, социализированного психологически «нормального» Эго. Одно из важнейших свойств этой системы – ее открытость всевозможным психотерапевтическим практикам, в том числе и психотехникам, связанным с очень важными для аддикта переживаниями измененных состояний сознания и получением трансперсонального опыта.

Реабилитационный процесс, выступающий средой для излечения наркозависимого, является целостной системой, в которой необходимо предусмотреть комплексность воздействующих методов и техник. Они должны обеспечивать решение поставленных задач на уровне терапии, обучения, воспитания и развития личности, всех ее сфер: познавательной, эмоциональной, поведенческой и духовной. Методический комплекс, подобранный в Реабилитационном Центре, учитывает требования биопсихосоциодуховного подхода в реабилитации личности. Используемые техники для терапии и излечения, становятся средствами

адаптации к новым условиям, постоянно действующими способами саморегуляции и духовного развития в дальнейшей жизни.

Ведущими методами индивидуальной и групповой терапевтической работы, обучения психофизиологической саморегуляции и личностного развития бывших наркоманов стали древние духовные практики медитативных систем и современные интенсивные интегративные психотехники (ИИПТ) вхождения в измененные состояния сознания. Они на определенных этапах воздействия могут служить как диагностические, терапевтические и развивающие способы. А главное, по представлениям основателя интегративной психологии В.В.Козлова [1], который и предложил использование ИИПТ в терапевтических целях, они позволяют учитывать:

- уникальные возможности самой психики к исцелению, развитию, совершенствованию, приобретению целостности и гармоничности, выхода из кризисных состояний;

- необходимость в удовлетворении базовой потребности человеческой психики – потребность в трансцендировании в духовных измерениях существования.

Применение ИИПТ и духовных практик для реабилитации наркозависимых оправдано многими факторами и становится все более убедительным для специалистов, работающих с кризисной личностью. Во-первых, применяя химические вещества, человек испытывает разнообразные измененные состояния сознания, и ему нетрудно принять тот факт, что он не сразу оторвется от этих привычных состояний. Вся разница лишь в том, что основанные на связанном дыхании, интенсивные психотехники естественны, физиологичны. Они ведут к излечению, а не разрушению личности, а далее – к увеличению сложности сознания, по словам М.Чиксентмихайи, к росту личности. Во-вторых, являясь инструментом психотерапевтического воздействия на личность, ИИПТ применяются в согласии с другими терапевтическими системами: психоанализ, глубинный анализ, гештальттерапия и другие. В-третьих, данные техники оказывают сильное релаксирующее воздействие, а систематическое использование ведет к применению их как регуляторной системы. При этом нет опасения, попасть в зависимость от них, так как требуются волевые усилия и осознанность их применения. В-четвертых, простота их использования дает возможность на продвинутом этапе укрепления личности самостоятельно применять их и для преодоления жизненных кризисов, и дальнейшего духовного роста. В-пятых, являясь научно обоснованными методами современных направлений психотерапии (Ю.А.Бубеев, С.Гроф, В.В.Козлов, В.Майков, и мн. др.), ИИПТ технологически согласованы с системами и практиками различных религий и духовных учений. Они хорошо согласуются с медитациями, упражнениями йоги, Православными техниками саморегуляции (пост, голодание, песнопение, молитва и т.д.),

национальными способами саморегуляции без применения вредных химических веществ (баня, фитосистемы, боевые русские искусства) и т.п.

На фоне психофизиологического и социально-психологического дисбаланса, вызванного внутренними изменениями, подросток начинает новый виток адаптации, помогающий ему утвердиться в среде и культуре его поколения.

За время существования реабилитационного центра «Перекресток семи дорог» (г. Ангарск Иркутской обл.), работающего в соответствии с системным подходом к психокоррекции личности нами было продиагностировано около 300 человек комплексной батареей методик, направленной на изучение системы отношений наркозависимого. Были обнаружены нарушения во всех основных психологических структурах, обеспечивающих конструктивную устойчивость личности, на базе которых возможно прогрессивное возрастное и социальное развитие. Особенно выражены расхождения между сознательными и бессознательными аспектами «Я-концепции».

Эту систему аддикт выстроил за время болезни, и она пронизывает все сферы его жизнедеятельности, переводя их в плоскость непрерывных конфликтов и страдания. На её месте, по сути искусственно, создается новая система адаптации, задача которой нормализовать все вышеперечисленные системы отношений зависимой личности и, главное, создать новый баланс зависимости – независимости, приближённый к норме. Этот процесс и трудный и длительный, но возможный. Как нам кажется, успеху способствует сохранение все тех же элементов нарकोкультуры при полном изменении их содержания, т.к. психокоррекции подвергается инфантильная личность с развитой системой иллюзорно-компенсаторной деятельности, не воспринимающая или бессознательно отвергающая все рациональные аргументы и рассуждения, одержимая и неуправляемая в реализации своих болезненных потребностей. С одержимостью можно бороться только противоположной одержимостью выздоровления, с концентрацией всех жизненных усилий и внимания на решаемых задачах, которые на первых порах формулирует психотерапевт, а также предлагает способы их решения.

Наблюдая за процессом возрождения личности больного в период прохождения курса реабилитации, мы могли отметить, что после того как стабилизируется психологическое состояние, и нормализуются наиболее значимые отношения с ближайшим окружением. Несмотря на достаточно солидный возраст и огромный опыт (социально-негативный, но делающий биографию данного человека насыщенной событиями, который далеко не каждый нормальный человек нарабатывает за всю свою социально-нормативную жизнь), выздоравливающие наркоманы подходят к решению задач, которые при обычном развитии характерны

для старшего подростничества и первого периода юности, средства же для их решения занимают промежуточное место между юношеским романтизмом и взрослым практицизмом. Опыт трансперсональных переживаний позволяет личности интегрировать амбивалентность прошлого опыта этапа активного употребления наркотиков, принять социально, психологически, физиологически-негативные последствия и эмоционально позитивные воспоминания экстатических переживаний без сожаления о несовместимости их со здоровым образом жизни.

Проблема выражения чувств – следующая по значимости, т.к. во время развития болезни аддикт привыкает скрывать свои чувства от окружающих, а в большинстве случаев этот способ поведения развился гораздо раньше в семье, в которой или не принято выражать их адекватно и естественно, или, что также часто встречается, члены семьи никогда и не умели этого делать, традиционно перенося безэмоциональный способ общения из родительской семьи на свою, погружая своего ребенка в мир без чувств и рационального поведения.

Переживание измененных состояний и, особенно, проговор, т.е. рассказ о пережитом в актуальных чувствах разрешает аддикту как принять весь спектр переживаний, так и расширить свой опыт в выражении чувств, открыть свой эмоциональный мир другим людям. Сначала – в защищенной обстановке, позднее, делая это привычкой. Особенность этих переживаний в том, что они имеют позитивную модальность, в отличие от терапевтической практики рассказа о своей болезни и ситуациях аддиктивного поведения, рассказы о которых сопровождаются эмоциями негативного модуса: стыдом и виной. Одновременно с этим участник процессов с дыхательными техниками может чувствовать свою приобщенность, в некотором смысле, к элитному содружеству, поскольку тренинговые группы, использующие техники измененных состояний, не являются широко распространенными, а проводят их, как правило, профессиональные психологи [2].

«Нет бывших наркоманов» – существующая расхожая фраза подтверждает общий опыт большинства. Постоянное ожидание других от них, приводит к срывам, если человек не продолжает усложнять свое сознание, развивая контроль над своими переживаниями, тем самым развиваться как личность и вовлекаться в улучшение качества жизни [4].

Открытым остается вопрос: насколько достаточным может быть переживание измененного состояния как замены прошлого опыта применения психоактивных веществ. В наших исследованиях не удалось проследить явных закономерностей влияния терапевтического опыта трансперсональных переживаний [3] на успешность прохождения реабилитационного курса. Вероятность срыва зависимой личности всегда достаточно велика. Но в анкетах те, кто участвовали в

дыхательных сессиях, практически всегда отмечали, что им важно оказалось понимание того, что можно получить исключительные переживания, не нанося себе непоправимого вреда. Другим важным моментом положительного влияния на личность и ее сознание оказалась возможность проговора только что испытанного перед другими. Сама необычность, фантастичность переживания становилась предметом обсуждения как утерянная способность достигать успеха в чем-то необыденном, чего можно не стыдиться, а даже гордиться. Часто как в обсуждениях, так и в анкетах можно было услышать от зависимого о том, что ему кажется, как возрождаются его способности думать и говорить то, о чем думаешь и что чувствуешь. Переживание не как предмет стыда, а гордости.

Таким образом, можно утверждать, что участие в терапевтических процессах, индуцирующих измененные состояния сознания и трансцендентные переживания естественным способом, оказывает положительное влияние на все стороны личности, имеющей в прошлом опыт употребления психоактивных веществ и желающей избавиться от зависимости. Помогает ей пройти сложный путь новой интеграции себя как личности. Более того, использование ИИПТ дает хороший толчок к дальнейшему совершенствованию самостоятельно без чьей-либо помощи со стороны.

Литература:

1. Козлов В.В., Бубеев Ю.А., Круговых Н.Ф. Наркотические аддикции: профилактика и коррекция с помощью интегративных психотехнологий. – М.: Фирма «Слово», 2009. – 464 с.
2. Козлов В.В. Интегративная психология. Пути духовного поиска, или освящение повседневности. - М.: Изд-во Института психотерапии, 2007. – 528 с.
3. Козлов В.В. Трансперсональная психология. М.: Изд-во АСТ, 2010. – 512 с.
4. Чиксентмихайи М. Поток: Психология оптимального переживания / М. Чиксентмихайи; пер. с англ. – 4-е изд. – М.: Смысл; Альпина нон-фикшн, 2015. – 461 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Армашова А. Б. - аспирант ФГ БОУ ВПО «Ярославский государственный университет им П.Г. Демидова» (г. Ярославль, Россия)

Власов Н. А. – ассистент кафедры Общей психологии и педагогики Российского национального исследовательского медицинского университета им. Н.И. Пирогова (г. Москва, Россия)

Гордеев М. Н. – профессор, доктор медицинских наук, кандидат психологических наук, ректор Института психотерапии и клинической психологии (г. Москва, Россия)

Изакова А. Т. - доктор психологических наук, профессор Евразийского гуманитарного института, Главный эксперт Национального центра по управлению персоналом государственных служащих Республики Казахстан (Астана, Казахстан)

Клюева Н.В. - доктор психологических наук, профессор, зав кафедрой консультационной психологии ФГ БОУ ВПО «Ярославский государственный университет им П.Г. Демидова» (г.Ярославль, Россия)

Козлов В.В. - доктор психологических наук, профессор, президент МАПН, зав. кафедрой социальной и политической психологии ФБГОУ ВПО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова» (г.Ярославль, Россия)

Костригин А.А. - магистрант кафедры психологии управления Нижегородского государственного университета им. Лобачевского (г. Н.Новгород, Россия)

Мазилов В.А. - доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой ЯГПУ им. К.Д.Ушинского (г.Ярославль, Россия)

Митина О. В. - кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник лаборатории «Психологии общения и психосемантики» (г. Москва, Россия)

Морогин В.Г. - доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии Медико-психолого-социального института ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова» (Абакан, Хакасия)

Нугер Б. - кандидат психологических наук, Генеральный директор ТОО "Advanced Partnership" (Астана, Казахстан)

Петренко В. Ф. - член-корр. РАН, доктор психологических наук, профессор, зав. лабораторией «Психологии общения и психосемантики» (г. Москва, Россия)

Сардарова Ж. И. - доктор педагогических наук, доцент; заведующая кафедрой педагогики и психологии, Западно-Казахстанский государственный университет им. М. Утемисова (Уральск, Казахстан)

Смагулов Б.С. - доктор педагогических наук, руководитель военного концерна Казахстана (Астана, Казахстан)

Соткин А.С. – аспирант кафедры социальной и политической психологии ФБГОУ ВПО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова» (г.Ярославль, Россия)

Стоюхина Н.Ю. - канд. психологических наук, доцент кафедры психологии управления Нижегородского государственного университета им. Лобачевского (г. Н.Новгород, Россия)

Фаерман М. И. - кандидат психологических наук, доцент кафедры консультационной психологии, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова (г. Ярославль, Россия)

Фролова О.П. - кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной психологии ИГУ (г. Иркутск, Россия)

Ширяева А.А. - аспирант кафедры психологии Медико-психолого-социального института ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова» (Абакан, Хакасия)

Юркова М. Г. - кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии ИрННТУ (г. Иркутск, Россия)